

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

64(6) 2021

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *ПОБЕЖДЕННЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ!*
- ◆ *СУИЦИДАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ*
- ◆ *ЭПОХА МЯТЕЖЕВОЙН*
- ◆ *РОЖДЕНИЕ ПОСТПОЛИТИКИ*
- ◆ *СОЦИООНТОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ*
- ◆ *ДЕПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ*
- ◆ *ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАНКРАТИОН*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 64. № 6/2021

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амилеби С.А., д.филол., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филол., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филол., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филол., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филол., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филол., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филол., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филол.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филол.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филол.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филол.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филол.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филол.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психол.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филол.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филол.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филол.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степаняц М.Т.**, ак. АГИ, д.филол.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филол.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филол.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор Дубровский Д.И.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиозоведения Дуркин Р.А.

Литературный редактор Тукузова Т.М.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 64. No. 6/2021

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberger I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severi-kova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Tukuzova T.M.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinosyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОЙНА И МИРЬ

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Феномен победителей и побежденных в современной войне	7
-----------------------	---	---

Проблемы безопасности в современном мире ■

<i>J. BABIĆ (Belgrade, Serbia)</i>	Obedience and Disobedience in the Context of Whistleblowing: An Attempt at Conceptual Clarification	
{ <i>Й. БАБИЧ (Белград, Сербия)</i> }	Повиновение и неповиновение в контексте доноительства: попытка концептуального осмысления}	9
<i>М.А. ГЛАСЕР (КУКАРЦЕВА), А.В. ПОЛЯЧЕНКОВ, Н.Н. НОВИК</i>	Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы	33
<i>А.В. СОЛОВЬЕВ</i>	Гибридная война: военно-политический панкратион XXI века	55

Война и примирение ■

<i>В. КОХ (Hamburg, Germany)</i>	Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict	
{ <i>Б. КОХ (Гамбург, Германия)</i> }	Вина – прощение – примирение – признание в вооруженном конфликте}	74
<i>А.А. КРОТОВ</i>	Философские предпосылки проекта вечного мира Сен-Пьера	92

Война: культурно-цивилизационные истоки ■

<i>С.Г. КИСЕЛЕВ</i>	Н.Я. Данилевский о войне и конфликтах цивилизаций	110
<i>Р.В. ГУЛЯЕВ</i>	Война как протагонист: философская проблематика фильма «Иди и смотри» Элема Климова	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

<i>Д.Г. ПЕРЕДНЯ</i>	Война в научном дискурсе России и Австрии	147
---------------------	---	-----

CONTENTS

WAR AND WORLD

- Kh.E. MARINOSYAN* The Phenomenon of the Victor and the Vanquished in Modern War 7

Security Issues in the Modern World ■

- J. BABIĆ (Belgrade, Serbia)* Obedience and Disobedience in the Context of Whistleblowing: An Attempt at Conceptual Clarification 9

- M.A. GLASER,
A.V. POLYACHENKOV,
N.N. NOVIK* Expert Assistance in Security Politics: Problems and Possibilities 33

- A.V. SOLOVIEV* Hybrid Warfare: Politico-Military Pankration of the 21st Century 55

War and Reconciliation ■

- B. KOCH (Hamburg, Germany)* Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict 74

- A.A. KROTOV* Philosophical Premises for Saint-Pierre's Project of the Perpetual Peace 92

War: Cultural and Civilizational Origins ■

- S.G. KISELEV* N.Ya. Danilevsky on War and Conflicts of Civilizations 110

- R.V. GULYAEV* War as a Protagonist: Philosophical Problems in the Film *Come and See* by Elem Klimov 125

SCIENTIFIC LIFE

Invitation to Reflection ■

- D.G. PEREDNYA* The War in the Scientific Discourse of Russia and Austria (Book Review: V.K. Belozorov & A. Dubowy (Eds.) *Military Science versus the Science of War in Austria and in Russia = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2021) 147

ВОЙНА И МИРЪ

От редакции

Editorial

Мир невозможно удержать силой.
Его можно достичь лишь пониманием.

Альберт Эйнштейн

В какой бы части земли ни нарушался мир,
это угрожает миру в любой другой стране.

Франклин Рузвельт

Феномен победителей и побежденных в современной войне

Журнал «Философские науки» на протяжении всей своей истории традиционно уделял особое внимание теме философии войны, агрессии, конфликтов, системных кризисов, противопоставления различных культурных традиций, религиозного экстремизма, принципов мирного сосуществования, толерантности, солидарности и другим темам, обсуждение которых позволяло выявлять истинные основания и глубинные первопричины возникновения противоречий, конфликтов экономических, политических, религиозных и других интересов, а также возможности их разрешения мирными, цивилизованными способами, без применения насильственных методов, тем более грубой военной силы.

Обобщая определенный совокупный опыт, накопленный за многие годы, выражаем уверенность, что гуманизация и гуманитаризация как межгосударственных отношений, так и межкультурного диалога между народами в условиях современности возможны не путем игнорирования феномена войны и, тем более, умалчивания этой темы, а наоборот – посредством

ее осознания и научного изучения, выявления и понимания ее социокультурных истоков и истинных причин. А это, в свою очередь, требует глубокого философского осмысления природы войны и обнажения сущности войны как античеловеческого явления и преступления против человечности и человечества, которые всегда приводят к трагическим результатам.

Последствия войны продолжают сказываться на судьбах миллионов людей в течении длительной исторической перспективы не только для побежденной стороны, но, как ни казалось бы удивительным, также и для стороны победившей.

В связи с этим мы приходим к принципиально важному, на наш взгляд, заключению, что в войне победителей не бывает и быть не может априори!

В 2015 году в № 5 и № 6 журнала в рубрике «Феномен войны» публиковались по этой теме статьи известных российских исследователей В.Н. Шевченко, Е.В. Дукова, Г.Л. Тульчинского, С.В. Герамисова, В.И. Спиридоновой.

Для более полного раскрытия темы и создания возможностей обсуждения проблем войны и мира в более широком масштабе в № 1 2020 года специально был открыт раздел «Война и Мирь», в котором были представлены статьи Б.Н. Кашникова, А.В. Соловьева, В.К. Белозёрова, А.Д. Куманькова. Руководитель раздела «Война и Мирь» Б.Н. Кашников был избран членом редколлегии журнала «Философские науки».

Вопросам военной этики был посвящен специальный выпуск – № 11 2020 года. В номере были опубликованы статьи Дж. Томаса, Й. Бабича, В.К. Белозёрова, А.С. Скворцова, М. Девейна, Б. Вишекруны и Д. Станара.

*Шеф-редактор журнала
«Философские науки»,
президент
Академии гуманитарных исследований
Х.Э. МАРИНОСЯН*

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-9-32

Original research paper

Оригинальная исследовательская статья

Obedience and Disobedience in the Context of Whistleblowing: An Attempt at Conceptual Clarification*

J. Babić

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The paper aims to give some conceptual clarifications to two interrelated issues, *disobedience* and *whistleblowing*. There is an obvious difference on the intuitive level – disobedience is considered wrong and blameworthy while whistleblowing has the aura of something positive and desirable. However, despite the differences, the logic of their constitution and functioning is, at least in part, alike, making the matter of real interest when are they justified – taking they *prima facie* are *not* justified. I propose that justification (of both) resides in a valid *aspiration to justification*. Starting from there, I offer an analysis in five sections. In the first section, I analyze the nature, functioning, and scope of *loyalty* and *obedience* as instruments of attaining responsible coordination and cooperation in complex human structures requiring hierarchies and discipline. The main features we encounter as relevant in this analysis are the concepts of loyalty, sincerity, trust and confidence, a strong sense of belonging and responsibility. In the second section I explore how dissent and disobedience get *motivational force in the context of uncertainty*. It is the context in which loyalty becomes divided, producing opposing motivations. The institutionally constituted obligations conflict with a need to dissent, disobey and resist when obeying or fulfilling established expectations is perceived as risky, dangerous, humiliating or wrong. The motivations may be different, and it is an interesting question – what is more critical or

* This research has been carried out within the framework of the research project “Applied Ethics,” subproject “Ethics and Law: Correlation and Mechanisms of Mutual Influence,” funded by the National Research University Higher School of Economics. (A significantly shorter version of this article was delivered at EuroISME Annual Conference 2019 “Voice and Dissent in the Military” in Vienna on May 22, 2019 titled “Limits of disobedience in the context of the obligation to obey.”)

characteristic in making decisions to dissent. Warning against potential harm, preventing crime, or just avoiding complicity are the most visible motives, but there are possibly many, not all of them necessarily justified. The third section briefly explores some *conditions for possibly justified whistleblowing*. These conditions include: *competence, good intent, existence of some real risk and facing a dilemma what to do*; missing any of these conditions would make an act something else or unjustified. In the fourth section, I explore a question of whether an act of whistleblowing is a mere *right or a duty* – or a different issue like *supererogation*, an act which is beyond the duty, implying that it is, like any other sacrifice, something we have the right not to engage in. In connection with this, there is a problem of *codification*, i.e., legal protection of whistleblowers; both insufficient protection and overprotection have their deficiencies and shortcomings. In the fifth section, I apply this analysis to military issues. I find that there are three types of morally relevant cases of disobedience, indicating that the most difficult one is the case of manifestly legal but at the same time morally wrong orders.

Keywords: social philosophy, ethics, whistleblowing, loyalty, discipline, uncertainty, supererogation, unlawful orders.

Jovan Babić – D.Sc. in Philosophy, Full Professor of Ethics, University of Belgrade; Member of the Research Laboratory on Applied Ethics, National Research University Higher School of Economics.

jovanpbabic@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7591-4902>

For citation: Babić J. (2021) Obedience and Disobedience in the Context of Whistleblowing: An Attempt at Conceptual Clarification. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 9–32. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-9-32

Повиновение и неповиновение в контексте доносительства: попытка концептуального осмысления*

Й. Бабич

Белградский университет, Белград, Сербия

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

* Исследование выполнено в рамках исследовательского подпроекта «Этика и право: взаимосвязь и механизмы взаимного влияния» проекта «Прикладная этика», финансируемого НИУ ВШЭ. (Существенно сокращенная версия настоящего исследования была представлена на конференции EuroISME-2019 «Голос и инакомыслие в вооруженных силах» в Вене 22 мая 2019 года в форме доклада «Пределы неповиновения в контексте обязательства подчиняться».)

Аннотация

В статье принимается попытка концептуально пояснить два взаимосвязанных вопроса: *неповиновение* и *доносительство*. Разница заметна уже на интуитивном уровне – неповиновение считается неправильным и заслуживающим порицания, в то время как доносительство окружено ореолом чего-то положительного и желанного. Однако, несмотря на различия, логика их устройства и функционирования этих понятий схожа, по крайней мере частично. Именно поэтому, в тот момент, когда оба действия кажутся оправданными (учитывая их *неоправданность prima facie*), они и представляют для нас наибольший интерес. Предполагается, что оправдание обеих концепций лежит в *искреннем стремлении к оправданию*. Указанные проблемы подвергаются анализу в пяти разделах. Первый раздел посвящен анализу функционирования и масштабов *лояльности* и *послушания* как инструментов достижения ответственной координации и сотрудничества в сложных человеческих системах, требующих иерархии и дисциплины. Основные особенности, с которыми мы сталкиваемся в этом анализе, – это концепции лояльности, искренности, сильного чувства принадлежности и ответственности, а также доверия и уверенности. Второй раздел охватывает то, каким образом несогласие и неповиновение приобретают *мотивационную силу в контексте неопределенности*. Институционально установленные обязательства вступают в противоречие с необходимостью не соглашаться, не подчиняться и сопротивляться, когда подчинение или выполнение установленных ожиданий воспринимается как рискованное, опасное, унижительное или неправильное. Мотивы могут быть разными, и это интересный вопрос – что более критично или характерно в принятии решений о несогласии? Предупреждение о потенциальной опасности, предотвращение преступлений или просто недопущение соучастия в них – наиболее очевидные мотивы, но, возможно, многие из них оправданы. В третьем разделе кратко исследуются некоторые *условия для возможной оправданности доносительства*. Эти условия включают: *компетентность, добрые намерения, наличие некоторого реального риска и дилемму о дальнейших действиях*. Отсутствие любого из этих условий трансформирует действие в нечто необоснованное. В четвертом разделе поднимается вопрос: является ли акт доносительства *обязанностью* или *человеческим правом* или же чем-то принципиально другим, как *суперрогация* – действие, выходящее за рамки обязанности, подразумевая, что это, как и любая другая жертва, является чем-то, чем мы имеем право не заниматься? В связи с этим возникает проблема *кодификации*, т.е. правовой защиты информаторов. Недостаточная защита, как и чрезмерная защита, имеют свои недостатки. В пятом разделе этот анализ применяется к военной проблематике. В ходе исследования было обнаружено, что существует три типа морально

значимых случаев неповиновения, что указывает на то, что наиболее сложным из них является случай явно законных, но в то же время морально неправильных приказов.

Ключевые слова: социальная философия, этика, преданность, дисциплина, неувренность, суперрогация, незаконные приказы.

Бабич Йован – доктор философских наук, профессор Белградского университета, член исследовательской лаборатории по прикладной этике Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

jovanpbabic@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7591-4902>

Для цитирования: Бабич Й. Повиновение и неповиновение в контексте доносительства: попытка концептуального осмысления // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 9–32.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-9-32

Introduction

My aim in this paper is to give a short and modest description, and possibly analysis, of two phenomena which are, in my opinion, similar, interrelated, and partially overlapping – disobedience and whistle-blowing. The difference seems obvious: disobedience is usually seen as something morally wrong and deserving blame; while whistle-blowing, on the contrary, can often produce a rather positive social effect. This presents an interesting analogy that goes beyond the difference in the social consequences; they seem to share the same basis and differ only in the descriptions of their purposes and application. This opens room to explore the way of their constitution in the first place, and then to offer an explanation of how they function, both in the way of how they originate (at the motivational level) and how they work in individual and social life.

Neither disobedience nor whistleblowing are natural actions. They are results of freedom and a matter of choice and decision-making, i.e., they are subject to responsibility. The responsibility refers to two things: firstly, to what their aim is, i.e. the foreseen consequences of the decision made; and, secondly, what the real final consequences are of the attempt to realize those projected outcomes. Both cases can contain a significant amount of uncertainty, which is the very core of freedom – any decision that was made could have been different (and could have been abandoned before its attempted implementation); it is not a necessity but a choice. Decision-making is essentially subjective and based on (psychological)

egoism. Regarding the second case (which is not the matter of subjective intent but a matter of success), it is also uncertain what the final consequences actually will be. The process of their realization requires effort and determination, which is open to uncertainty and beyond any causal necessity. This uncertainty is determined by something we can call the *human condition*, which is very much characterized and defined by its two basic tenets, *fallibility* and *vulnerability*.

Fallibility is not just ignorance, or just a matter of necessary limits in empirical knowledge, it is more than that: the impossibility of having certainty of *successfully implementing* any decision. In empirical knowledge, the limits of predictability are defined and determined by the scope of knowledge available. A good example is our enormous progress in weather forecasting: with any improvement in our knowledge in meteorology, the forecast certainly becomes more and more reliable. There exists no such thing in the realm of freedom – there is always a possibility of something that is not only *unpredicted* (because we did not know enough), but was generally *unpredictable*. (This does not imply that knowledge is not important in implementing human decisions; it only means that knowledge *cannot* bridge the gap between certainty and the future – an impossibility that does not exist in the realm of natural events but depends merely on the scope of our knowledge.)

Vulnerability seems to be a rather direct consequence of fallibility: there is no secured and guaranteed certainty in the realm of freedom. Vulnerability is present in every decision, as a *risk* which cannot be overcome by acquiring any guarantees or safeguards. In the context of taking responsibility, when we make decisions, the position of the decider is always uncertain and often complicated, as s/he cannot avoid the risk of possible failure and guilt. In situations which require a high level of efficiency, this is a very important parameter. Situations in which we encounter disobedience (in the military, or in any other context of established obligation to obey), and also in those where we may face a need to blow the whistle, are characterized by a required high level of efficiency and expediency.

In such situations, obedience and discipline (in the short run, and their social articulation as *loyalty* in the long run) are suitable means of constraining and partially circumventing the risks of fallibility and dangers of vulnerability. This is especially the case in complex and hierarchical social structures, such as business or military organizations, where coordination and cooperation are not easy to

obtain and maintain, which requires issuance of orders in the process of realizing the goals set. The process of executing orders requires discipline and obedience, which in the long run is ensured by loyalty as an institution of endorsing, acceptance, and voluntary execution of the tasks envisaged by the commanders' orders.

1. The nature and scope of loyalty and obedience

Obedience (which presupposes well-defined roles of who is supposed to give orders and who is to obey them) provides coordination; and loyalty provides long-term stability to such coordination and also cooperation (within the particular context). For efficiency in executing joint tasks, coordination is absolutely necessary, while cooperation is even more instrumental and conducive; it is often of vital importance. Loyalty is more complex than obedience, as it includes some additional features: acceptance, devotion, honesty, and a fair amount of sincerity [Kleinig 2017]. Loyalty also presumes other virtues, like honesty, integrity, determination, and endurance. It goes without saying that loyalty facilitates a strong readiness to obey. Normally, there is also a presumption of a sense of belonging to the body aiming to fulfill a joint task, and an experience of success if the task has been completed successfully [Babić 2019]. All this is accompanied by a strong sense of responsibility with respect to the ongoing (or planned) task, presumably endorsed by an authority of an organization, and its mission toward which loyalty is felt. This sense of responsibility must be overcome in cases of disobedience and whistleblowing, and replaced by an equally strong or stronger sense of obligation to abandon the assumed obligation to obey or to be loyal, replacing it with another attitude, the one that requires disobedience and disloyalty. The feeling of obligation based in loyalty is something that existed from before, while the second attitude, the one implying disobedience or whistleblowing, is new on the scene and it has to overpower and suppress all prior feeling of loyalty. The redirection of driving motivation is challenging, as suddenly other hidden or latent loyalties enter the scene, trying to disable motivational force of the original position, the one which is the matter of direct expectation and presumed obligation. At the psychological level, there occurs a fight of rivaling motivations, and the factors of uncertainty and vulnerability make the process burdened with risks of mistake and failure, so the presence of at least some initial reluctance is to be expected (indicated in the awareness of the fact that original loyalty is contested, i.e., of the fact that the agent is on a path of dissent). Loyalty is what makes

the issue of responsibility that complex. In mere obedience, responsibility is simple – it consists in the very process of obeying: no questions are asked. Mere obedience does not rely on any actual or sincere convictions regarding the goal of the action on the side of one who obeys; s/he can be entirely indifferent toward a specific aim and the goal, or the quality of the reasons for which obedience is required: s/he just obeys it all. There is no room to establish any direct responsibility for the very goal that should be achieved through the act of obedience. The responsibility is limited to the act of obeying: somebody else is responsible for the goal. The virtue of obedience, if we postulate it as a virtue, is the quality, or excellence, of the very act of obedience as such. This points to another virtue present here, *reliability*. There are certain degrees in the perceived quality of expected obedience: those who are reliable hold the highest level of that quality. We may presume that reliability requires narrowing the scope of default responsibility to the simple, reduced, space of the efficiency in the execution of a given task. The accomplishment of the task is a mark of excellence in both these virtues, obedience follows directly, and reliability closes this in the long run.

However, the tasks are parts of a broader whole, and they are motivationally efficient because they are perceived and taken as important; the act of obedience is important because the task for which it aims is important. Endorsement of this importance instigates and initiates the whole process. The quality of obedience is in not asking any questions, but the importance of the issue is taken for granted. Where that is not the case, obeying is, or becomes, hard or even impossible: although then the quality of obedience is narrowed to a mechanical following of orders, whatever they might be, and it is not easy to follow, if you are not convinced that the orders are instrumental and contributive to what has been taken as important – accomplishment of the given task. If an act which you are about to carry out is, *according to your sincere belief*, absurd or contrary to the realization of the (final) goal, we can ask if you can proceed and still see yourself as obedient. Here, we see a vivid connection between obedience and loyalty: loyalty should remove the need to ask questions, since asking questions is counterproductive to the virtue of reliable obedience. You have to trust and be faithful and devoted to the one you are loyal to, hence there is no need to ask questions. All such questions would be a sign of suspicion, adverse to the efficacy, and detrimental to reliability (since they allow or presume existence of an answer that could lead to disobedience). Trust and confidence substitute all need for additional inquiry concerning

accuracy and reliability of the underlying information (and lack of trust would destroy the loyalty).

The fact that the quality of obedience is to be founded on reliability finally leads it to loyalty. All reliable obedience depends on loyalty. Of course, the one who issues the orders and expects them to be executed might be insincere, or issue an order that is plainly wrong, but the one who obeys presumably believes that the order was issued in a sincere belief that it is correct (in the sense that it is instrumental to achieving the goal set). If one thinks that the order is wrong (i.e., non-instrumental) or disagrees with the commander regarding its effectiveness, one still must presume that the issuer believes they are right; otherwise, it would be mere servility or something else, such as an act of complete disinterest, or an act based on fear or investing in fraudulent profit trust. In each case, this would lose its connection with loyalty and with possible moral basis of true (and reliable) obedience. In that case the distribution of responsibility would be different because of the change of the nature of the act itself: the responsibility, as in a criminal act, would be redirected to a different venue, sometimes very complicated one. But even an obedient and loyal criminal believes that his/her leader is sincere in believing that the expected obedience is instrumental to their common goal. Obedience cannot function otherwise.

This does not mean that the one who obeys is pursuing the goal, but s/he definitely presumes that the issuer of the order is both endorsing it and taking over the responsibility both for the task and its accomplishment. When one who obeys does not believe that the issuer takes the order as his/her own, s/he is in an empty space without any loyalty. In the case when an order goes through several steps, or levels, before it comes to the final executor, it is supposed that the chain is flawless: if the executor happens to believe that higher ranking officers did not issue the order, his/her loyalty to the cause, or mission, or task, would be jeopardized and require disobedience *as an act of true obedience!* Here, the issuer is at stake: s/he must take the order as his/her own (or at least pretend to do so) for the obedience to be established at all. The issuer and the executor of orders must be in line here, and loyalty to the issuer is based on his/her taking the responsibility for the task. There is no room for disobedience here, except in a case when some *other* loyalty requires an act of disobeying. This is also a logical structure of whistleblowing.

That is the point where we encounter a (normatively necessary) need for disobedience and whistleblowing to be justified in a stronger sense

from the one in which obedience and loyalty have to be justified. It is even more visible in the case of whistleblowing: while an act of *in principle* unjustified disobedience still would be disobedience (as it is free resistance to submit one's will to the will of the other), this is not possible with whistleblowing. If an act of whistleblowing does not even *aspire* to be justified, it cannot be counted as whistleblowing at all. But at the same time this indicates that the act of blowing a whistle would *not* be *normally* justified if the conditions for this aspiration for justification did not exist. The information revealed by whistleblowing is something that normally would not and should not be revealed.

The normative assumption that whistleblowing *is justifiable* (otherwise, it would not count as such) entails that unjustified whistleblowing is possible only as something determined *ex post facto*, but initially it is presumed to be at least potentially justified (i.e., to have a legitimate aspiration to be such), and it implies a plausible likelihood that it is justified¹. This is not the case with disobedience – the ill-intended disobedience, or morally or even legally unjustified disobedience for that matter, is still what its name designates. There are no such strong normative requirements as in whistleblowing. Whistle-blowing is a much more value-laden term than disobedience. It is a highly demanding term already at the language level. That is why I will focus here only on the case of disobedience that *aspires* to be justified. Aspiring to be justified is not a guarantee of being actually justified, of course, and the demarcation line between justified and unjustified is even more complex as it occurs on two levels: firstly, as the difference between being justified or not in a final moral evaluation; and secondly, as the difference between *being justified to aspire to justification* or not. This second distinction is the central topic of this paper. Whistle-blowing has to be justified in its aspiration for a (potential) justification. However, on the other hand, the all-present *need* to justify it indicates the plausible possibility that, *prima facie* (or presumably), it was not justified, despite its normative necessity to legitimately aspire to be justified. The hidden, but normatively necessary, supposition here is that disobedience as such is *prima facie* unjustified, that there is a prior, established duty to obey (otherwise, obedience would be an act of servility, and as such presumably be *prima facie* unjustified). Still, the disobedience might be *a candidate* for justification, and in some

¹ This resonates with one of the tenets of Just War Theory: the existence of a reasonable chance of success.

situations also a matter of duty, which is in clear opposition to the already established duty to obey. In such a case we have a *conflict of duties*.

The need to justify does not necessarily imply a normative assumption that we think the act is normally or *prima facie* wrong², as there can be a rivaling option which also legitimately aspires to justification: *two rivaling acts justified on the basis of two different sets of reasons* (or possibly more). The duty to obey has been established as an institutional fact, while at the same time there is a need to disobey, also based on some other (valid and good enough) reasons. In any case the need for justification indicates a deviation from the normal or usual – *expected* – course of action (as said before, obedience but not disobedience is a virtue, which implies that disobedience is *prima facie* wrong and, if justified, entails a conflict of duties).

2. Disobedience as motivation. Uncertainty

An expected course of action ensures *predictability*, necessary for planning and efficiency in realization of set goals. Thus, orderliness becomes crucial, and part of that is a defined structure of entitlement to issue orders and the ensuing obligation to obey them. *Hierarchy* plays a significant role in this structure, as a pre-defined description of each person's role in the process. This holds especially for big institutions, like militaries and corporations; but in principle, any cooperative work requires this kind of structuring. Hierarchy and obedience are apparent in almost all working situations; they imply defined distribution of obligations and entitlements. Direct obedience is only the most visible part of it, but there are other forms of the articulation of relations like *loyalty, discretion, confidence*, all based on *trust* which seems to be the condition for those virtues to function. These *virtues* function as a cluster, determining and defining the scope of legitimate authority and entitlement, creating a kind of *equilibrium of virtues* which allows for smooth and efficient realization of set goals, preserving and protecting the integrity of everyone in the process. This equilibrium of virtues functions as a whole: it is easy to be confident, obedient, or discrete if trust and loyalty are prevailing.

However, some situations exist where trust is missing, or where orders or expectations are such that their fulfillment is risky, dangerous, humiliating, or plainly wrong. In such cases obedience is perceived as

² Cf. Michael Davis's remark: "We do not need to justify an act unless we have reason to think it wrong" [Davis 1996, as cited in Shaw 2003, 87].

unacceptable, rendering expectation of disobedience as something that is proper or even required. In the first case, disobedience is assumed to be justified, and possibly a *right*; while in the second case, it could be perceived as mandatory, constituting an obligation or *duty*. In such cases one wants to, or should, avoid or prevent those things that would occur if obedience (or loyalty) were blindly followed: harm, actions perceived as wrong, complicity in wrongdoing, etc. Also, one might want to, or should, avoid becoming responsible for what one does not approve of.

Disobedience, in the form of whistleblowing, might become a temptation and be felt as a kind of “moral obligation to prevent serious harm ... if they [the whistleblowers] are able to do so” [De George 2006, 300]. There are obvious discrepancies in determining the defining moment here. For example, Michael Davis, in his “complicity theory” criticizes what he calls “the standard theory” (in De George and others) that prevention³ is the key factor in defining an act as whistleblowing, claiming that avoiding complicity is central in the definition of whistleblowing. Many cases of whistleblowing come *after* harm has already been done, when prevention is no longer possible. But we may accept that whistleblowing designates a combination of actions where the common feature is that the act of whistleblowing includes *a disclosure* of some *insider*⁴ information *from* about some wrongdoing that is not perceived as a mere mistake but as a practice or as an intended wrongful act. The most visible specificity of whistleblowing as disobedience is targeted revealing of sensitive information by someone who is not entitled to reveal it to someone who has not been authorized to receive it. Any such information might be protected, and unauthorized dissemination might be arguably harmful or destructive. However, this is obviously not the case when any unauthorized revealing is whistleblowing; a certain set of conditions must be present for an act of revealing information to qualify as whistleblowing. The revealing cannot be accidental; it definitely has to be intentional. The information must contain revelation of something perceived as wrong, but this wrongness is not recognized or readily

³ In the “standard theory” the motivation of whistleblowers is “to save the[ir] organization” [Boatright 2009, 88].

⁴ This is a crucial part of the definition of whistleblowing: “the disclosure by organization members (former or current) of illegal, immoral, or illegitimate practices under the control of their employers, to persons or organizations that may be able to effect action” [Near & Miceli 1985, 4, as cited in Kusari 2015, 36].

revealed; otherwise, it would not be whistleblowing. And it should be aimed at counteracting and/or remedying this wrong.

However, it is not the wrongness contained in the information that makes revealing it to be an act of whistleblowing. A policeman publishing information about a crime organization is not blowing a whistle [Davis 1996, 87]⁵. In this case, he might be warning us about something dangerous and wrong, and he is entitled to do that. Even a criminal revealing information about a crime syndicate is not a whistle-blower [Davis 1996, 88]⁶ (but may be regarded as a traitor). The reason for that is in the fact that neither disobedience nor whistleblowing represent resistance to something imposed by force; it has to be *voluntary*. Whistleblowing must be taken from *within* an accepted institutional scheme which, in principle, must be taken or perceived as *their own*; whistleblowers do not act *against* their organizations, or their former organizations. Whistleblowers are not, or do not perceive themselves to be, traitors (although they might be seen as such by others)⁷. Both disobedience and whistleblowing occur only when there is an *established obligation* to obey or to be loyal (and not to reveal such information as “should not be revealed”). If you disobey an order issued by someone who has no right to issue such an order, this will not be a case of disobedience. If you reveal unpleasant but important information about your competition, it might, in some circumstances, even be a heroic act; but it still will not be an act of whistleblowing. For something to become an act of disobedience, it must be a breach of an obligation, established and presumably accepted as generally valid and legitimate.

There is a subtle line here, between disobedience and whistleblowing: in neither case is the agent cardinally distanced

⁵ Cf. [Beauchamp & Bowie 2004, 298].

⁶ Cf. also in [Beauchamp & Bowie 2004, 299].

⁷ See for example what happened to a high-profile whistle blower, Roger Boisjoly: “Boisjoly had to say goodbye to the company town, to old friends and neighbors, and the building rockets; he had to start a new career at an age when most people are preparing for retirement” [Davis 1996, as cited in Beauchamp & Bowie, 2004, 300]. Or: “Although widely lauded for his courage in alerting the National Aeronautics and Space Administration and his company to the dangers in the design of the space vehicle’s booster rockets and for his frank testimony to a presidential commission investigating the accident, he has paid a terrible personal price for his actions. He was ostracized by most of the 1,600 residents of Willard, Utah, where Morton Thiokol is based and where, just three years earlier, he had served as mayor. And his life at Morton Thiokol, which made the faulty booster rockets, became unbearable” [Pennisi 1990].

from the scheme that s/he used to accept before. On the contrary, s/he does something that usurps the entitlement to authorize dissent, as disobedience *per se* is not rebellion. Whistleblowers are not hostile toward their organization, which is at stake. Acceptance, at least as an official attitude, is supposed to be there all the time – producing a conflict and subsequent reversal of loyalties and leading, by assumption or in the hope, to a temporary usurpation of the position of the one who feels *entitled to refuse* obedience; or to reveal information entrusted, or, as a member of the organizational scheme, officially acquainted with. However, at the same time one feels that s/he *should* disobey or blow the whistle for the very same reasons that allegedly require obedience or loyalty. The reasons to disobey or blow the whistle are in conflict with the reasons to obey and be loyal; and the conflict is resolved so that the reasons to disobey or blow the whistle override the prior reasons to obey and be loyal. The conflict may take one of these two principal forms: it may be a conflict of duties or a conflict where on one side there is an obligation and on the other side – an interest (this is the case where the motive for whistleblowing consists in avoiding complicity in a crime, or where the fear from being caught in an illegitimate activity is greater than the fear of one's superiors; or just the desire not to be involved in what one considers to be illegal or immoral). In any case, these whistle-blowers assume that whistleblowing is better or even more truly loyal than not whistleblowing.

To put it succinctly, there typically occurs a kind of paradox here: the agent is not attempting to rescue himself/herself from a risk or danger (which often could be done by concealing), but (temporarily?) takes a position of entitlement to do what s/he is not entitled to. S/he “takes the charge” (or even command, if I may say so), and takes it ultimately and, though unauthorized and presumably a weaker party, s/he still acts contrary to what was expected or required before. There is a requirement and expectation for the agent *not to do or to act* in the way s/he decided to, and this requirement/expectation comes from the official body toward which there was a formally established obligation and official duty to obey. Furthermore, the “party” towards which there was an obligation must be *their own* organization and their own superiors, the ones toward which or to whom that obligation is directed.

The motives for whistleblowing can be different. The most common one is probably an attempt to protect *higher goals and values* from a risk or an attack based on some *lower* justificatory reasons, like the

duty to keep orderly discipline. This is an attempt to be loyal to what is considered to be more important than expected mechanical loyalty, and so essential that other interests must be regarded as less important and readily sacrificed for the sake of this higher goal. Speaking in hierarchical terms, this implies a need to sacrifice the interest of what is lower in the hierarchy for something higher. For example, one may believe that the long-term interests of his business should be protected by whistleblowing, at the cost of disobedience or disloyalty to interest that are regarded as lower (in the hierarchy of values). The hierarchy of values implies a hierarchy of loyalties, and a need – and justification – to sacrifice the requirements of lower loyalties to those of the higher ones: self-interest can be sacrificed to the interests of one's group, then to the interests of the unit/department, then to one's military regiment, then to one's country, and finally to mankind, or to the requirements of the moral law.

The whole picture is not that simple. There are other motivating reasons, such as a desire to avoid harm to legitimate important interests of others, either general or personal. It might be harmful for one's personal integrity to obey or keep silent and not become a whistleblower. Preventing harm is also powerful motivation, as well as performing one's legal or moral duty, or, again, avoiding complicity. The motivation might be mere desire to warn against potential harm, (which would happen if you obey) and the alternative to silently proceed with your work and not do any whistleblowing.

Of course, we may look at this from another angle. We may ask if preserving your conscience is just another selfish motive, or if a desire to protect the law and morality entails acting as a hidden policeman, or if trying to avoid complicity in a crime or wrongdoing is a move to avoiding responsibility. Which of the possible "angles" is the most appropriate, is quite important in the case.

* * *

Another difficulty is the overall context of *uncertainty*. Many of the listed parameters are often unclear or hard to prove (or at least not known at the right time). Our fallibility and vulnerability – as two basic features of the human position in any relevant moral situation, as mentioned – complicate the problem even further: *ignorance*, or *lack of adequate knowledge*, is not a good basis for courage or wisdom. Fallibility implies a possibility that you might be wrong about what you think you know. There is a risk of not knowing all that is relevant,

in regards to the quality of a decision someone else has made, which then affects your position in the context of your established obligation to be loyal and to obey rules. The facts you assume may be quite true, but still be only a fraction (and, on the top of that, a less important and irrelevant fraction) of the information needed to make the right decision.

However, in situations when this is not at all an issue – when the prospective whistle-blowers have all the required information at their disposal, and when they are also competent to assess all the risks – the dilemma might still remain. In this case, fallibility will be directly connected with vulnerability: even if you are right, you may not be able to prove it, or to know whether you will be able to do so. The prospect of success might be rather slim. Furthermore, vulnerability implies that you might suffer even if you *are right and can prove it*. Whistleblowing is not needed where mere information on wrongdoing is sufficient to prevent and correct it. Wrongdoing is never accidental, it is usually either intentionally self-interested or malicious activity or an activity motivated by a sincere belief to be the right one. The former case is morally and personally simpler but not necessarily easier to accomplish. The latter one might be rather complex and brings yet another factor into play – *competence*. If your superiors, as it was in the case of the Space Shuttle *Challenger* disaster in 1986, think they know better, the hierarchical order and their rank in that order might make the case very difficult. Whistleblowing happens when there is opposition to the proposal contained in whistleblowing.

Opposition is often followed by counteraction. Many prefer the strategy of shooting the messenger instead of coping with the uncertainties of solving the problem⁸. Even after successful whistleblowing, and for a long time after that, whistleblowers face a serious risk of retaliation. After harmful and presumably confidential information is released, the “attacked” party may try to cover it up, redirecting the attack at the whistleblower rather than solving the problems exposed by the party’s action. And very often, there will follow overt retaliation (if the cover-up process allows this). In some cases, the whistleblowers may even get arrested after reporting corruption [Walden & Edwards 2014]. In this context, it might look questionable to insist on using all internal

⁸ “Many IGO managers attempt to ‘shoot the messenger’ rather than address his or her substantive disclosure” [Walden & Edwards 2014, as cited in Kusari 2015, 38].

channels⁹ before whistleblowing – this seems to be a rather empirical issue. We can only imagine how many attempts of whistleblowing have been prevented. In a notorious whistleblowing case in the 1970s, Frank Camps, who tried to rectify a life threatening flaw in the Ford Pinto cars which resulted in up to 180 road deaths¹⁰, first attempted all available internal channels; but after the case finished in a scandal, he was forced to resign and was never again able to find a job in the field (not only in his previous company, but in the whole professional area). Another case was Roger Boisjoly, who tried to warn that launching Space Shuttle *Challenger* 1986 was too risky: in the crucial part of making decision he was first advised to change his “engineer’s cap” to an allegedly more proper “manager’s hat;” but after the disaster itself he faced ostracism and it became impossible for him to continue working in the same field. No one wants to hire a whistle-blower¹¹. All this indicates a need for a stronger and better-defined protection for whistle-blowers, and this is certainly a relevant and important part of the responsible regulation of whistleblowing.

3. Conditions for justified whistleblowing

Now we can ask where are the limits, or demarcation lines in this sphere – the *limits of obedience and disobedience*. A provisional, highly theoretical answer could be that a *liability to one’s obligation expires when that obligation is overridden by another, stronger, obligation*. But in a practice this might be very obscure and hard to determine. Disobedience, and for that matter also whistle-blowing, is always a *violation of a previously established obligation and expectations built on that*. Here we have a specific *asymmetry* at stake: the otherwise legitimate and justified order is perceived as wrong, impermissible, or even illegal – but this is not obvious, or at least is not obviously visible, besides also usually being hard to prove as such. The loyalty is, or was preserved, but its validity has become questionable. If there was no loyalty at all (from the outset, or if it expired in the meantime (always

⁹ For Boatright this is one of the most basic conditions for justified whistleblowing; cf. [Boatright 2009, 98].

¹⁰ He admits to be “an accomplice in those actions”, but “want to feel [to have done] everything in [his] scope of influence to prevent such a tragedy.” Cf. “To Design a Pinto”, in A. P. Iannone [Iannone 1989, 216, 218]. Cf. also R. De George [De George 2006, 298].

¹¹ For more details cf. Elizabeth Pennisi [Pennisi 1990]; Derek Lowe [Lowe 2012]. Cf. also Mathew A. Foust [Foust2012, 164ff].

with the assumption that loyalty is valid only where the source of loyalty itself is legitimate), it would be something different. That is also why a denunciation of a member of a criminal clan, strictly speaking, is not whistleblowing – because of this normative assumption that loyalty is due only to legitimate authorities.

It seems that whistleblowing requires some conditions for its proper articulation, and I would suggest ones that appear most important.

Competence comes first. It is normatively presumed. Someone who is seen as incompetent cannot be a whistleblower. A whistleblower must have the competence to understand the importance of the disclosed information, the importance which makes the seriousness of the situation (e.g., mere guessing that “something important is going on” is not an act of whistleblowing). This is also valid in disobedience: someone who is not competent to obey cannot disobey. However, there is a thin line between incompetence and ignorance of what is relevant and what is not. Ignorance might be excused as it can be non-culpable¹², but normally not in this kind of cases. Ignorance as an excuse would destroy any possible aspiration for justification of the act as whistleblowing or disobedience. Competence functions as the indicator that the agent knows well and precisely what s/he is doing.

The second condition for a valid articulation of whistleblowing is *good intent*. Good intent is a prerequisite condition for any act of disobedience and whistleblowing to have a valid aspiration for justification. Good intent does not depend on factual truthfulness of the information revealed or on possible *ex post facto* justification of the act of disobedience. It does not secure them as being right, all things considered. But without good intent, they would be plainly wrong and lose the validity of the aspiration to justification. Part of this condition is that the agent does not desire to achieve something for oneself (acquiring greater power, imposing on others one’s own will or just one’s own belief, including one’s own belief in what is right). So, malicious intentions are per assumption excluded. Otherwise, whistleblowing would shrink to *denunciation*¹³. If denunciation, or some other bad intention of that kind, results in a good effect, it still

¹² In another context cf. J. Babić [Babić 2007].

¹³ Cf.: “There have always been informers or snitches who reveal information to enrich themselves or to get back at others. However, [...] whistleblowers are generally conscientious people who expose some wrongdoing, often at great personal risk” [Boatright 2009, 89]

will not be articulated in a structure defined as a valid case of whistle-blowing, nor bear any fruit, as the aspiration for justification could not be established. However, the motive to avoid complicity might be considered a valid reason to aspire for justification, especially after the deed, when the wrong has already been caused [Davis 1996]. But the need to avoid complicity must not be the only reason in such cases. Besides, complicity in wrongdoing is an empirical matter. Simple avoidance of a complicity charge in an immoral or illegal act that has already been committed, as is found, e.g., in mobsters who turn state witnesses, cannot be treated as whistle-blowing.

The third condition, for both whistleblowing and disobedience, is the existence of some *real risk*. Without risk, this would not be a type of dissent at all. Again, per assumption, this cannot be a kind of a direct (visible) investment into one's own interests (e.g., one's prestige). If there is no impending risk, this would be something different, like correction of a perceived error. The fact that the "other party" is one's superior would not matter. Superiors normally cooperate in a fight against danger, e.g., in accidents.

Lastly, and related the previous one: the agent must face a *dilemma* of how far s/he should go. S/he must know that the action is risky and uncertain, not only in terms of possible retaliation but also in terms of possibly being wrong (or incapable of proving she is right). S/he is necessarily *involved* and determined in the intention (revealing some accidentally obtained information would hardly be designated as "whistleblowing," and accidental revelation of such information would certainly not be whistleblowing). Many who complain for various, and often good, reasons stop at the point when raising an internal issue gets to be real whistle-blowing. This condition might be articulated as the last resort solution: missing those first, internal, steps before going to public is certainly not a contributing factor in designating an action as "whistle-blowing." Part of the definition of a whistleblower is that such people do not intend to become whistleblowers – on the contrary, it must be supposed that they would rather solve the problem without it (but they cannot). Whistleblowers are not, or at least should not be, spies, they always have to be more insiders than outsiders. Spies are not whistleblowers and cannot be designated as such.

All of these conditions are complex and interconnected. Competence presupposes adequate knowledge of the problem and also the capacity of effectively applying such knowledge. Good intent presupposes

competence, as without competence it would be void and without any direction (which must be a part of what intention is).

4. Duty, right, or supererogation?

There are some further issues of interest in conceptual and ethical analysis of whistleblowing and disobedience. Firstly, the issue of whistleblowing, and also justified disobedience, is a matter of *rights* or more than that, matters of *duty/obligation*. It looks as an issue of minor importance; but it is not so. For example, if whistleblowing (and other cases of justified and risky acts of disobedience) involves a significant amount of *sacrificing* something otherwise valuable and important for the agent, this may be too much to require or even expect as a part of duty. The acts of whistleblowing and those acts of disobedience (relevantly similar) would be *supererogatory* acts, acts beyond the duty, and could amount at most to be *rights*, not duties. On the other side, if some acts of whistleblowing or disobedience are actually duties, they would be more than mere rights; they would be mandatory, not a matter of voluntary deliberation.

A whole range of articles of law, including protection of whistleblowers and dissenters, depends heavily on this. Whistleblowing should be regulated and protected even if it is only a matter of rights; but if it is a matter of duty, the regulation and especially protection gets direct importance and sensitivity. You cannot *require* something which is not legally regulated, and without providing participants in it with definite protective measures. But on the other hand, such a solution has some far-reaching consequences regarding the articulation of trust, confidence, and loyalty: all those notions become more relative as the agents gain *additional* obligations and duties which turn them into something akin to secret police members, or even possibly spies. The social price of such solution may be too high, even if the solution is morally correct.

But if whistleblowing and disobedience (when justified) are considered to be rights but not duties, other important consequences follow, especially at the level of responsibility. Having a right also presupposes a right not to exercise that right. That lessens or precludes the strict imputation of responsibility because the decision would be in the purview of the agent who is free to decide at his will. On the other hand, the degree or level of praise would be affected: you do not praise someone for fulfilling his/her duty as you would with something done beyond the scope of duty.

Still, we can ask how something as important as whistleblowing can be only a right, without being a duty [Davis 1996, 96]?¹⁴ The issue is complex. For example, we might say that the right to refuse violating a law implies that an individual who refuses to obey an order because they deem it to be illegal must proceed at her own risk, while the duty to do so implies existence of a right to be protected from the uncertainties/risks implied by the act. However, the uncertainties are not controllable, partly because of vulnerability, partly because of unpredictability of the outcome, and also because of some stable and enduring features of expected reality as a matter of established facts. For example, can we “expect a whistleblower to go back to work for a boss whom he or she has just defeated in a lawsuit” [Devine 2015, 14].

* * *

Obviously, whistleblowing is a very complex issue. We may just mention a few more points, in addition to those already explored (or at least mentioned), without going into detail.

It seems that the major issue is a legal status of whistleblowing. How far should regulation of whistleblowing go? There are many problems connected with finding a solution. On the one hand, there is an obvious need to protect whistle-blowers from retaliation and harassment. On the other hand, there is a danger of overprotection that can have many adverse effects, from decrease in work discipline and loyalty, to endangering trust and confidence, to giving a stimulus to bad sides of human nature to show their ugly face (malice, envy, resentment, expectation of personal advantage or prestige, etc.). Both insufficient protection and overprotection have their deficiencies and shortcomings. Furthermore, there is one neglected problem: whistle-blowers are often well protected “on paper”¹⁵, or supported and praised, even eulogized, in public – but still harassed and persecuted by those in power, the real decision-makers. One of the issues discussed is using the right channels for disclosure, and requirement to *first seek* a resolution within the organization, going to the public (or outside the organization) only when there is no available or effective channel inside. This is an important part of the issue, although it might be quite independent from the extent of the problem. There are several differ-

¹⁴ Cf. “How whistleblowing can be morally permissible without being morally required?” [Beauchamp & Bowie 2004, 304].

¹⁵ Cf. Tom Devine’s observation: “Employees have risked retaliation thinking they had genuine protection” [Devine 2015, 7].

ent moral and legal bases for regulation and protection of those who disclose guarded information: from the importance of preventing possible harm, protection from unjustified treatment at the working place (harassment, mobbing, unjustified dismissal, ostracism, retaliation after dismissal, etc.), down to the freedom of expression. All these moments are different, sometimes very different from one another. Freedom of expression is a particularly sensitive and complex matter. As one of the basic human rights, it has many legitimate restrictions, such as safety, public and other, prevention of crime, business or official secrets, discretion, decency, etc. On the other hand, there are legitimate rights of the public to be informed. Of course, there are other relevant and important moments in dealing with whistleblowing. A very important one, the one that legislators should have in mind in construing laws that might produce false hopes and an even more false feeling of security, is the prospect of the whistleblower's further life after whistleblowing. Adverse psychological and social impact on the wellbeing and health of whistle-blowers deserves appropriate empirical exploring. Such impacts are not restricted to the whistleblowers themselves but also affect their families. One of the most imminent is losing the job and subsequent unemployment, but this may be accompanied by a prospective permanent inability to find a job in the field. Health and self-esteem can be compromised, followed by feelings of insecurity and hesitation. This might lead to a nervous breakdown. After some time, whistleblowers can "lose their confidence even to deal with this situation" [Kenny 2015, 75]. What comes next is poverty and humiliating financial struggles [Kenny 2015, 76], and finally a social stigma [Kenny 2015, 77]. The problem can become a matter of life necessities. "[O]n the one hand, I wanted truth and justice. On the other hand I had a family and a future to consider" [Kenny 2015, 78]. A desire to return to normal life is quite natural in such situations, which leads to "temptation to quit the whistle-blowing process" [Kenny 2015]. Other, perhaps less important, moments in dealing with whistleblowing are cross-border disclosures and the legal (and also moral) heterogeneity in how it is perceived and dealt with. In the absence of a world government, it is not possible to have a unified legal approach, which destroys part of moral plausibility of the matter. In the context of more and more prevailing multinational environment in business and military spheres, this appears to be more and more relevant. There is a question that

can be raised: “whether there is a need for an international convention which provides protection for whistleblowers”¹⁶.

5. Disobedience and whistleblowing in military context

In military contexts, we find similar structures requiring discipline, obedience, loyalty, and the same set of virtues that we find in all institutions and organization that depend on hierarchy. We may expect somewhat higher strictness than in regular “civilian” contexts, but in democracies, and ever more privatized warfare, armies are becoming very similar to corporations. Disobedience faces the same or similar difficulties in its aspiration to be justified or obligatory. I will again very briefly enumerate what I think to be the most, or some of the most, important issues in this subfield, without going into deeper analysis or details. It goes without saying that all of these issues are important, complex and deserve much more detailed exploration. Typical military cases might be divided into three following types:

1. The easiest case is disobedience of a clearly, “manifestly” unlawful or illegal order, or one that is obviously not related to the purpose at stake, as defined and reasoned in the military. Many codes of conduct contain clauses demanding disobedience of “manifestly illegal” or immoral or senseless orders, sometimes even accompanied with a directive to immediately take appropriate measures against the issuer of such an order.

2. A more complicated case is incompetent or misplaced orders which are not clear enough; such an order might be very hard to follow, but as it is not “*manifestly illegal*” it might be very difficult to refuse. Taking fallibility (and also vulnerability, and the presence of possible disguised forms of unknown risks and threats potentially created by an act of disobedience) is an extremely muddy terrain. Discipline certainly is not the supreme military virtue, but it is still an important one, and maintenance of discipline is vital for military effectiveness. How serious should an issue be, to justify disobedience? Furthermore, how can you *prove* that you were justified in refusing an order? Even if you *can* prove it, you cannot know in advance that you can do it. These are two different problems: the knowledge of illegality of an order does not imply the knowledge of how to prove that illegality in a court-martial, and even less so the knowledge how to carry out the

¹⁶ “Multi-national agreements already exist in global aviation, administered by the International Civil Aviation Organisation, which is a UN agency” [Hyde & Savage 2015, 28].

process in reality. The value of orders and proper discipline requires obedience even if the orders are not very well defined: the orders have to be *very improper* to qualify for any justification of disobedience.

3. Immoral but legal orders are especially difficult cases. There are two cases in this set: one where the legality of the order is not clear (the order *might* be legal) but the case is clearly immoral; and second, a competent and clearly legal but still immoral order. From the moral point of view, the second situation presents the greatest problem. Such cases might become tragic, and they justify measures of legal protection of the disobedient with the same arguments that justify protection of whistle-blowers. The process relies on the (normatively necessary) assumption that law and morality are not the same – that it is possible for an order to be legal but morally wrong. It seems to me that this is one of the most striking symptoms of our fallibility, one that leads to some of the most difficult cases of vulnerability in all human condition.

Conclusion

In conclusion, we can say that objectivity requires approaching each case separately, one by one. This movement to objectivity is an empirical matter, and because of that, it is extremely difficult to formulate general governing principles to differentiate between justified and unjustified cases. Whistleblowing should not become an act of denunciation, which, taking human nature into account, is not uncommon or unexpected. This, among other things, gives a sort of normative priority to those “attacked” by whistleblowing, or to those who issue orders that are not obeyed. The implication is that it could be very dangerous to give strong protection to whistle-blowers, similar to those who are disobedient: *they* should justify what they are doing, normally, not those who are *probably* “guilty.” In any case, the *presumption of innocence* usually resides with those who are normally stronger. This might look unjust, and often really is so, but this asymmetry cannot be overcome by strictly legal regulation. This is the price of fallibility. The result is a significant vulnerability that requires increased accountability and vigilance, i.e., responsibility based on seriousness. Such decisions must always be made anew, and it is impossible to substitute them with a Manichean black-and-white theoretical or ideological scheme that would resolve all conflicts (and wars) before they happen.

REFERENCES

Babić J. (2007) Non-Culpable Ignorance and Just War Theory. *Philosophy and Society*. Vol. 18, no. 3, pp. 59–68.

Babić J. (2019) Belonging as a Social and Institutional Fact. *Philosophia*. Vol. 47, no. 5, pp. 1341–1354.

Beauchamp T.L. & Bowie E.N. (Eds.) (2004) *Ethical Theory and Business*. Hoboken, NJ: Pearson-Prentice Hall.

Boatright J. (2009) *Ethics and the Conduct of Business*. Hoboken, NJ: Pearson-Prentice Hall.

Davis M. (1996) Some Paradoxes of Whistleblowing. *Business and Professional Ethics Journal*. Vol. 15, no. 1, pp. 3–19.

De George R. (2006) *Business Ethics* (6th ed.). Hoboken, NJ: Pearson-Prentice Hall.

Devine T. (2015) International Best Practices for Whistleblower Statutes. In: Lewis D. & Vandekerckhove W. (Eds.) *Developments in Whistleblowing Research 2015* (pp. 7–19). London: International Whistleblowing Research Network.

Foust M.A. (2012) *Loyalty to Loyalty, Josiah Royce and the Genuine Moral Life*. New York: Fordham University Press.

Hyde R. & Savage A. (2015) Whistleblowing without Borders: The Risks and Rewards of Transnational Whistleblowing Networks. In: Lewis D. & Vandekerckhove W. (Eds.) *Developments in Whistleblowing Research 2015* (pp. 20–34). London: International Whistleblowing Research Network.

Iannone A.P. (Ed.) (1989) *Contemporary Moral Controversies' in Business*. Oxford: Oxford University Press.

Kenny K. (2015) Constructing Selves: Whistleblowing And The Role Of Time. In: Lewis D. & Vandekerckhove W. (Eds.) *Developments in Whistleblowing Research 2015* (pp. 70–85). London: International Whistleblowing Research Network.

Kleinig J. (2017) Loyalty. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/loyalty/>.

Kusari F. (2015) Whistleblower Rights In European Union Civilian Missions: EULEX Leaks. In: Lewis D., & Vandekerckhove W. (Eds.) *Developments in Whistleblowing Research 2015* (pp. 34–50). London: International Whistleblowing Research Network.

Lowe D. (2012, 9 February) Roger Boisjoly and the Management Hat. *In the Pipeline*. Retrieved from <https://www.science.org/blogs/pipeline>

Near J.P. & Miceli M.P. (1985). Organizational Dissidence: The Case of Whistle-Blowing. *Journal of Business Ethics*. Vol. 4, no. 1, pp. 1–16.

Pennisi E. (1990) Challenger's Whistle-Blower: Hero and Outcast. *The Scientist*. Vol. 4, no. 2.

Shaw W.H. (Ed.) (2003) *Ethics at Work*. Oxford: Oxford University Press.

Walden S., & Edwards B. (2014) Whistleblower Protection in International Governmental Organization. In: Brown A.J., Lewis D., Moberly R.E., & Vandekerckhove W. (Eds.) *International Handbook on Whistleblowing Research* (pp. 430–456). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы*

*М.А. Гласер, А.В. Полячков, Н.Н. Новик
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения «общества знаний» и «практики знаний» на основе анализа сферы экспертизы безопасности как части политической экспертизы. Рассмотрены отношения между политикой и безопасностью, показано, при каких обстоятельствах безопасность становится политикой. Отмечено, что в настоящее время понятие «безопасности» стало весьма многогранным и включает в себя различные сферы, от военно-политической до информационной и гуманитарной. Дана дефиниция экспертизы безопасности, описаны ее ключевые параметры, природа, институционализация и практика. Особое внимание уделено характеристике ведущих направлений в исследовании проблем экспертизы безопасности. Проанализированы их общая идеология и свойственные проблемы, в том числе соответствие качества экспертизы принятым стандартам научного знания. Объяснено, почему вопросы безопасности в настоящее время привлекают экспертов и являются темой для многочисленных исследований. Поставлен и исследован вопрос о возможной депрофессионализации экспертизы безопасности и ее причинах. Обозначены институты, обладающие экспертным статусом в области безопасности, аргументирован глобальный рост аналитических центров, специализирующихся на экспертизе безопасности. Дана краткая характеристика аналитических центров и их основных особенностей. Приведены примеры практического воздействия экспертизы на принятие политических решений, прослежены возможные механизмы экспертного обеспечения. Сделан вывод о том, что экспертная аналитика может оказывать прямое влияние на политические процессы, а эксперты становятся их влиятельными теневыми участниками. С одной стороны, это может способствовать принятию более взвешенных решений, с другой – содействовать депрофессионализации экспертов, которые будут пытаться подстраиваться под запросы

* Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 году.

политиков. Таким образом, в случае со сферой экспертизы безопасности одним из результатов процесса формирования «общества знания» становится снижение автономности научной сферы, что имеет своим побочным эффектом депрофессионализацию знаний.

Ключевые слова: философия политики, философия безопасности, философия международных отношений, аналитические центры, Европа, Россия, принятие решений.

Гласер (Кукарцева) Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

mkukartseva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7069-4779>

Поляченков Антон Вадимович – стажер Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

tony.fielding@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5690-5835>

Новик Николай Николаевич – кандидат экономических наук, доцент факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

nikolay.n.n@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9373-5246>

Для цитирования: *Гласер М.А. Поляченков А.В., Новик Н.Н. Экспертиза безопасности в современном мире: возможности и проблемы // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 33–54.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-33-54

Expert Assistance in Security Politics: Problems and Possibilities*

*M.A. Glaser; A.V. Polyachenkov N.N. Novik,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

* This work was prepared with the grant support of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics in 2021.

Abstract

The article examines the problem of correlation between the “knowledge society” and “knowledge practice,” based on analysis of the phenomenon of security expertise as a part of political expertise. In the article, we consider the relationship between politics and security and demonstrate under what circumstances security becomes politics. It is noted that at present the concept of security has become very multifaceted and includes various spheres, from military-political to informational and humanitarian. We define security expertise, list its key parameters, origin, its institutionalization and practices. Special attention is paid to the characteristics of the main schools in the study of security expertise problems. Their general ideology and inherent problems are analyzed, including the correspondence of the quality of the expertise to recognized standards of scientific knowledge. We explain why security issues appeal to experts and result in numerous studies. We raise an issue of causes that may lead to possible deprofessionalization of security expertise. We identify a number of institutions with an expert status in the field of security and explain the global growth of analytical centers specializing in security expertise. A brief description of such analytical centers and their main features is given. We look into examples of practical impact of expertise on political decision-making, and possible mechanisms of expert support. It is concluded that expert analysis can exercise direct impact on political processes, and the experts become influential shadow participants. On the one hand, this may contribute to adopting more balanced decisions, but, on the other hand, it may result in deprofessionalization of experts who will try to adjust to the demands of politicians. Thus, in the sphere of security expertise, one of the results of the formation of a “knowledge society” is a decrease in the autonomy of the scientific sphere, which has a side effect in the form of deprofessionalization of knowledge.

Keywords: philosophy of politics, philosophy of security, philosophy of international relations, think tanks, Europe, Russia, decision-making.

Marina A. Glaser (Kukartseva) – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics.

mkukartseva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7069-4779>

Anton V. Polyachenkov – Intern Researcher, National Research University Higher School of Economics.

tony.fielding@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5690-5835>

Nikolay N. Novik – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics.

nikolay.n.n@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9373-5246>

For citation: Glaser M.A., Polyachenkov A.V., & Novik N.N. (2021) Expert Assistance in Security Politics: Problems and Possibilities. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 33–54. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-33-54

Введение

Одна из фундаментальных проблем науки – вопрос о соотношении «общества знаний» и «практики знаний». Их глубокое взаимопроникновение и взаимодетерминацию подчеркивали в новоевропейской философии и рационалисты и эмпирики, изучали классики аналитической традиции. Саму проблему можно сформулировать следующим образом: каким образом аналитические/академические исследования проникают во все сферы общественной жизни, почему становятся их составной частью и в результате запускают и формируют социальные и политические процессы [Habermas 1987]. Исследованием этой проблемы занимался М. Фуко, рассуждая об отношениях власти и рациональности, она занимает значимое место в социальном конструктивизме Д. Блура, Б. Латура и др. С конца 1980-х годов соотношение знания и практики изучается в рамках «поворота к практике», последовавшим за многими другими поворотами в философии – лингвистическим, антропологическим, методологическим [Soler, Zwart, Lynch, Israel-Jost 2014]. Можно утверждать, что вместе с эволюцией социального, эволюционируют не только представления о природе познания, но и методы, вооружившись которыми философ должен подходить к изучению обозначенной проблемы.

Экстраполированная на сферу политики она приобретает особый интерес уже потому, что мир политики и мир науки живут в разных логиках *отношения к знаниям*. Во многих областях внутренней и внешней политики часто наблюдается значительный разрыв между принятыми решениями и рекомендациями экспертов. Ключевая причина разрыва – отсутствие ясного ответа на вопрос о том, какую прежде всего ценность – научную или

же практическую – представляет собой деятельность ученых-экспертов, взаимодействующих с политиками.

Для политиков, имеющих идеологические обязательства, участвующих в политической конкуренции и борющихся за общественную поддержку своих позиций и программ, примат политики над наукой очевиден, даже несмотря на то, что ошибочные политические решения нередко ведут к самым тяжелым последствиям. Политикам в первую очередь интересна практическая значимость исследований. Эксперты же оперируют знаниями как определенным множеством теорий и концепций, обладающих большим объяснительным потенциалом [Naas 1990]. Экспертиза политики является целенаправленным процессом производства актуальных знаний (технических, естественно-научных, социально-гуманитарных) о политически значимых феноменах. Эксперты создают необходимые условия для исследования проблемы (например, полевые исследования), рассматривают и продумывают разные предложения, т.е. делают то, что политики, сидя в кабинетах, делать не могут. Главная задача политической экспертизы – своевременно предоставлять актуальную аналитику для политиков, тем самым содействуя решению стоящих перед ними проблем. М.А. Хрусталёв обозначает экспертизу как «опрос экспертов в целях получения от них вторичной информации об исследуемом объекте» [Хрусталёв 2015]. Эксперт высказывает мнение, которое либо влияет на решение политика, либо нет. Аналитическая структура политической экспертизы выстроена по схеме: «объект экспертизы – субъект экспертизы – заказчик». Для эксперта важно, что именно исследовать, а для политика – кого нанимать, финансировать, кого слушать прежде всего, а кого во вторую очередь [Waver 2010]. Политики нуждаются в экспертах, а эксперты в политиках. По мнению С. Жижекa, такая взаимозависимость в конце концов рождает «постполитику» – власть сосредотачивается в руках узкой группы политиков и экспертов [Жижек 2002].

При этом их взаимодействие может складываться по-разному [Archibald 1970]. Политики могут признать заключение эксперта непригодным к использованию или практически полностью элиминировать мнение экспертов из процесса принятия решения по мотивам его политической нецелесообразности, по причине нехватки организационных, интеллектуальных и временных ресурсов для реализации рекомендаций эксперта или в силу специ-

фики своего стиля руководства и даже личных предпочтений. Например, президент США Д. Трамп окружил себя экспертами, лояльными прежде всего по отношению к нему. С точки зрения отечественных исследователей, такое явление – скорее, правило, чем исключение, поскольку за любым коллективом экспертов стоит определенная политическая сила, интересы которой они представляют и защищают [Кобринская 1986].

Многие экспертные сообщества не могут смириться с тем, что их исследования и накопленные знания не приносят практической ценности, а потому ищут способы преодолеть разрыв, объективно существующий между экспертами и политиками [Easterly 2015]. Подобные попытки нередко завершаются перекосами в сторону чрезмерной ангажированности экспертов. Известен случай, когда в 2016 году британский экспертный центр – Международный центр стратегических исследований – обвинен в утаивании источников финансирования и получении крупной суммы денег от Бахрейна в обмен на аналитику, которая бы формировала британское общественное мнение в пользу Бахрейна. Подразумевалось, например, что эксперты данного центра будут писать о благополучии, высоком уровне развития и инвестиционной привлекательности Манама, особенно для британских инвесторов. Подобные случаи свидетельствуют о том, что попытка тесного сотрудничества политиков и экспертов может обернуться потерей доверия к последним, а также к отказу экспертов от объективности в пользу возможности иметь определенный политический вес.

В свою очередь, политики могут становиться экспертами, уходя в отставку и полагая, что накопленный ими обширный практический опыт автоматически превращает их в экспертов. Нередко в подобных ситуациях формируется «ловушка субъективности». Показательна в этом контексте ситуация с участием С. Бэннона, консервативного документалиста и интеллектуала, который работал главным советником президента США Д. Трампа после его избрания. Во множестве своих писем, интервью, статей и заметок Бэннон утверждает, что в США существует пятая колонна, представленная в основном людьми, исповедующими ислам. Неудивительно, что самый антииммигрантский указ Трампа от 27 января 2017 года придуман при непосредственном участии Бэннона.

Приведенные примеры демонстрируют опасность депрофессионализации экспертного сообщества: с одной стороны, эксперты начинают заниматься политическим лоббированием или

пытаться вмешиваться в процесс принятия политических решений, по сути, выполняя чужую работу, в которой они профессионалами не являются. С другой стороны, активное вхождение в экспертное сообщество бывших политиков, не имеющих необходимых навыков и квалификации, понижает общий уровень экспертизы. «Возможно, стоит проводить различие между интеллектуалами в области безопасности и экспертами в области безопасности как таковыми (хотя некоторые люди могут удачно быть и тем и другим)» [Osborne 2015].

В связи с возрастающей важностью экспертного обеспечения политики возрастает спрос на снабжение политиков качественной аналитикой, ограждение их от возможных ошибок, поддержка гарантией выполнения ими какого-либо обязательства. Такая угроза требует внимания, особенно в ключевых сферах политической экспертизы, в первую очередь в сфере экспертизы безопасности.

Безопасность как политика

Является ли политической задача обеспечения безопасности человеческих и нечеловеческих сущностей? Копенгагенская школа безопасности предложила в этой связи концепт «нормальной политики» [Buzan, Wæver, de Wilde 1998]. Нормальная политика есть обычное, укладывающееся в «трубку траекторий», деполитизированное или политизированное состояние общества. В его девиантном состоянии в политике возникает аномалия – «момент безопасности» – необходимость защищать акторов и объекты нормальной политики от рисков, угроз и опасностей непредвиденной смены траектории развития общества. «Миграция “безопасности” в область нормальной политики – институализированный домен профессиональной политической деятельности – не есть однозначно плохое или хорошее явление. Это – результат эмпирического развития политики...» [Neal 2019]. Поэтому безопасность нельзя признать антиполитикой, она – продукт определенного времени и места реализации политики. Неслучайно в глобальный политический вокабулярный понятие безопасности вошло только после двух мировых войн, в 1945 году, т.е. в год образования ООН и одного из ее главных органов – Совета Безопасности. Чем чаще повторяются состояния, которые на всех уровнях международных отношений и в большинстве культур воспринимаются как опасность, тем скорее они типизируются. В итоге формируется «грамматика» безопасности, проникающая во все сектора социальной и поли-

тической жизни людей. Общей платформой этой «грамматики», справедливо считающейся основой любой непротиворечивой дефиниции безопасности, служит уверенность людей в том, что они всегда будут обладать вещами и возможностями, которые важны для их выживания и благосостояния.

Но в последние двадцать лет уверенность заметно убывает, и события, вызванные пандемией COVID-2019, только подтверждают этот факт. Очевидным становится, что экспертиза безопасности в условиях нарастания рисков на всех уровнях безопасности важна как никогда. Она представляет собой процесс производства знаний о политически и физически значимых угрозах, опасностях; процесс выявления и оценки того, что является риском, что представляет собой угрозу, что следует рассматривать как проблему безопасности, а что не следует рассматривать в качестве таковой [Хрусталёв 2015]. Эксперты в сфере безопасности объясняют сущность и причины происходящих событий, снимают неопределенность, предлагают различные направления действий, определяют, какие из них должны быть приоритетными, а какие – второстепенными. *Ключевой исследовательский вопрос* заключается в том, сможет ли экспертиза безопасности противостоять тенденции к депрофессионализации. Эмпирическим материалом исследования будет служить экспертиза безопасности, существующая в США и Европе. Выбор объяснен тем, что экспертиза безопасности западных стран диктует сегодня основные тренды развития института политической экспертизы, с их плюсами и минусами. Кроме того, взаимодействие между экспертами и политиками в США и Европе более прозрачно и просматриваемо, чем в азиатских или латиноамериканских странах.

Повестка дня в области безопасности XXI века

В 80-х годах прошлого века отход от традиционного понимания безопасности как исключительно элиминации внешних угроз государству – *негативная* безопасность – привел к формированию концепта *позитивной* безопасности [Ullman 1983]. Введенный критическим направлением исследования *security studies*, он означает, что государство, акцентируя фигуру «врага» в своей внешней политике, преследует лишь один сегмент целей и упускает из виду другой – не принимает во внимание проблемы безопасности, существующие в повседневной жизни людей. К их числу относятся проблемы онтологической безопасности, гендера,

этноцентризма, расизма, перенаселения, миграции, климата, болезней и др. Экспертам их нужно увидеть, понять, научиться с ними работать, решать их. В этом и заключается позитивная безопасность, предлагающая ответ на вопрос о том, какого рода политику безопасности граждане ожидают от государства прежде всего. В 1991 году в книге «Люди, государства и страх» Б. Бузан предложил многомерный подход к исследованиям безопасности, обозначив пять ее возможных измерений: социальное, военное, политическое, экономическое и экологическое [Buzan 1991]. Данный подход означал расширение спектра возможных определений безопасности и, соответственно, исследований и практики безопасности.

В XXI веке проблемы безопасности становятся еще более сложными, что обусловлено стремительным развитием новых форм взаимодействия власти и общества, разных слоев и групп общества. При этом указанные формы обладают разным, не всегда ясным и сложным генезисом. Речь идет о постгуманизме, искусственном интеллекте, биоинжиниринге, популизме, автократизме, движениях *Me Too* (или *#MeToo*), *BLM*, международном движении школьников в защиту климата *Fridays For Future* и пр. Такого рода воздействия оказывают существенное, а иногда и определяющее влияние на основные тренды современного глобального политического процесса, политическую систему и даже на мировой порядок в целом [Лукин 2020]. Суть вопроса состоит не только в росте их разнообразия, но и в неразрывной связи между внутренними и внешними аспектами безопасности, что ставит перед экспертами новые проблемы. Например, борьба с терроризмом, экстремизмом и повстанцами, растущим популизмом правого и левого толка.

Появление этих феноменов в качестве инструмента политического насилия оказало значительное влияние на возможности экспертизы безопасности. Сущность главного проблемного вопроса сводится к тому, какие объекты экспертизы можно рассматривать в качестве предмета *рационального* знания. Например, может ли выступать терроризм в качестве такого объекта, могут ли террористы иметь рациональные мотивы, или это фанатики и схизмогенетики? [Conzen 2005] Возникает пул вопросов этического, политического и аналитического характера. В их числе и вопросы о том, кто должен быть экспертом в борьбе с терроризмом, какой опыт он должен иметь, насколько он может «сближаться с тер-

рористами», чтобы научиться их понимать [Göb 2010]. Для этой экспертизы, вероятнее всего, необходимы межпрофессиональная миграция и междисциплинарный синтез. Вопросы такого рода сегодня остаются одними из наиболее сложных в экспертизе безопасности и объясняют, почему нет какой-либо общей теории экспертизы безопасности. Здесь дело обстоит так же, как с дипломатией: есть ее традиционная форма, существующая в виде определенного множества приемов коммуникативной практики, реализуемых профессиональными дипломатами, а есть «анти-дипломатия», которой «не хватает некоторой “официальности” или “легитимности”», но ее стратегии «воздействуют целенаправленно на внешнюю политику государства» [Торреальба 2018]. В исследованиях безопасности, где тоже нет единой теории, появляются и новые термины, усложняющие проведение экспертизы, например, *Homeland security*. Официально он введен в научный оборот и политический словарь в 2002 году, с открытием в США соответствующего департамента (*DHA*), созданного в связи с террористическими атаками 11 сентября 2001 года. В 2007 году в США принят документ «National Strategy for Homeland Security» – «Национальная стратегия безопасности *отечества*» как безопасность «государства, штатов, племен, локальных, территориальных, неправительственных и частных организаций, а также отдельных лиц, семьи и сообществ, разделяющих общий национальный интерес в благополучии и безопасности Америки и американского населения»¹. Обеспечением *Homeland security* занимаются во взаимодействии государственные службы разных уровней, эксперты и граждане. В этой связи особенно актуальными при изучении экспертизы безопасности являются вопросы ее институционализации и практики.

Институционализация экспертизы безопасности

Экспертным статусом могут обладать и отдельная личность, и коллективы экспертов (экспертные группы), аналитические центры, консультативные органы различных политических организаций. Статус человека как эксперта может быть определен по таким трем критериям, как эффективность, предметные знания и опыт [Krems 1996]. Эффективность высчитывается по количеству исследований на оценку выше среднего значения с точки зрения

¹ The National Strategy For Homeland Security, October 2007. P. 12. – URL: https://www.dhs.gov/xlibrary/assets/nat_strat_homelandsecurity_2007.pdf

затрат времени или частоты ошибок эксперта. Владение предметными знаниями означает, что эксперт обладает обширными и дифференцированными видами знаний (фактами, методами, процедурами) и умело применяет их для решения новых задач, возникающих в специальной области знаний. Опыт показывает, что профессиональные знания, которыми владеет эксперт, могут быть получены только в течение длительного, в том числе эмпирического изучения того или иного предмета. В рамках данной точки зрения «эксперт» – это специалист, который удовлетворяет критерию поддержания отличных результатов в определенной области в течение длительного периода [Gruber, Ziegler 1996]. К числу таких экспертов в России можно отнести, например, Алексея Арбатова, Сергея Ознобищева, Сергея Караганова, Федора Лукьянова и др. Среди зарубежных экспертов заслуженной известностью пользуются Джеймс Джей Карафано, Леон Арон, Александр Рар.

Ситуация, вызванная распространением эпидемии коронавируса, показала значимость специалистов, обладающих уникальными знаниями в области вирусологии, необходимых для понимания природы опасности, мер борьбы с ней. Однако такие специалисты не могут быть экспертами и в области безопасности, поскольку не обладают необходимыми компетенциями. Поэтому их рекомендации, особенно в начале пандемии, часто носили просветительский, а не прагматический характер. В то же время многие профессиональные «эксперты-безопасники», специалисты в области биобезопасности и борьбы с патогенами ограничивались общими комментариями ситуации или призывами к единству перед лицом кризиса, по сути, повторяя слова политиков [Maull 2020]. Известно и об угрозах экспертам. Например, доктор Энтони Фаучи, главный медицинский эксперт по пандемии в США и член целевой группы президента Д. Трампа по борьбе с коронавирусом, подчеркнул, что политики «не могут принять какое-либо решение, пока не поймут, с чем имеют дело» и что «им нужны данные». Он предложил для начала «закрыть» границы страны, чтобы контролировать распространение вируса [Bennet, Perez 2020]. И сразу же столкнулся с серьезными угрозами своей личной безопасности, исходящими от праворадикальных сил, не согласных с предложением эксперта. Подобные случаи, с одной стороны, влияют на мотивацию экспертов и заставляют их уходить из профессии. С другой – профессиональная деятельность эксперта ведет к неожиданным политическим следствиям,

например, дает возможность политикам максимально секьюритизировать ситуацию – в данном случае пандемию – в виде введения чрезвычайных ситуаций, политизации общественного пространства, требований самоизоляции, что является вызовом нормам демократической политики и повседневной жизни.

К мнению отдельных экспертов, как в случае пандемии, так и в целом, прислушиваются реже, поскольку для привлечения внимания к своим аналитическим материалам эксперту требуется колоссальный авторитет не только в научных, но и в общественно-политических кругах. При этом в последнее время появляется большое число т.н. экспертократов, которые, по мнению отечественного политолога Андрея Ашкерова, выдают себя за специалистов, в действительности инструментализируя знание [Ашкеров 2009]. Такие «эксперты» активно выступают в СМИ, фактически занимаясь зачастую апологетикой официальной государственной политики и пытаясь тем самым «продать» политикам свои труды.

Поэтому предпочтение в настоящее время все чаще отдается не отдельным экспертам, а их коллективам, которые надежнее и авторитетнее [Slaughter 2004]. В определенной мере эта тенденция отражает и особенности современного общества знаний, где один из ключевых акцентов сделан на теории сетевых акторов, на роли безличных механизмов науки в политических процессах. Не менее важно и то, что коллективы экспертов представляют собой т.н. пограничные структуры, в которых деятельность экспертов и политиков складывается наиболее оптимально, они работают, реально дополняя друг друга [Guston 1999]. Политолог Нина Беляева отмечает, что, в отличие от научно-исследовательских организаций, занимающихся сугубо академической исследовательской деятельностью, аналитические экспертные центры, выполняя экспертизу, одновременно подразумевают участие в политических процессах [Беляева 2007]. Аналитические центры как особый класс исследовательских организаций представляют собой нишу поставщиков политической экспертизы, в том числе в сфере безопасности. Согласно данным ежегодного рейтинга Пенсильванского университета [McGann 2020], количество аналитических центров, специализирующихся на вопросах безопасности, постоянно растет: если в 2013 году в рейтинге фигурировали 65 таких центров, то в 2019 году их было уже 110.

Семантика понятия «аналитический центр» («think tanks») с самого начала была ориентирована на исследование проблем безопасности, в частности военной обороны. Своего рода архетип аналитического центра воплотился в корпорации *RAND*, где в 1950-е годы разработана теория игр, дилемма заключенного и на их основе стратегии разрешения конфликтов и фокальных точек Т. Шеллинга, стратегический и системный анализ, технология *Planning-Programming-Budgeting-System* – «Система планирования, программирования, бюджетирования», ставшая основой «экономика обороны» в решении проблем национальной безопасности. Несколько пионерских исследований *RAND* внедрены в политику, например, знаменитое исследование «авиабаз», выполненное А. Уолстеттером, специалистом по применению экономико-математических методов, который впоследствии стал одним из главных авторитетов корпорации в области стратегического анализа.

Рост количества аналитических центров в начале XXI века трансформирует механизмы их деятельности, прежде всего в институтах, сосредоточенных на нетрадиционных видах безопасности, в том числе занимающихся нетрадиционными проблемами военной безопасности (например, такими как био- и кибертерроризм). Работающие в них эксперты перестали быть лишь «экспертами по безопасности», а оказались «экспертами-специалистами» в одном из конкретных видов опасности. Это привело и к специализации аналитических центров. Дж. МакГанн предлагает классифицировать их по семи направлениям.

Традиционные исследования в области безопасности:

- военная безопасность;
- ядерная безопасность.

Нетрадиционные исследования в области безопасности:

- исследования мира и конфликтов;
- экономическая безопасность;
- экологическая безопасность;
- политическая безопасность;
- безопасность человека [McGann 2015].

Как показывают собранные МакГанном данные, практически на всех уровнях – национальном, региональном и глобальном – наиболее востребованы в процентном отношении из перечисленных семи направлений политическая и экономическая безопасность. Сильные экономики и политические институты

практически везде считаются более насущными проблемами, чем, например, экологическая безопасность, хотя в последние два года этот тезис значительно скорректирован. Традиционные фокусы безопасности, а именно военная и ядерная безопасность, наиболее востребованы в Океании, США и Азии. Такой расклад можно объяснить тем, что в Океании немного аналитических центров. К тому же ввиду географического положения они заняты преимущественно традиционными проблемами. США, будучи мировой сверхдержавой, сосредоточены на поддержании своего превосходства и разработке новых видов вооружений, а Китай, Индия и Пакистан как региональные сверхдержавы – на наращивании традиционной военной мощи. Южная Африка посвящает лишь 1 % исследований ядерной безопасности и практически не занимается военными вопросами. Вместе с тем Ближний Восток и Северная Африка показывают пятипроцентное распределение по военным вопросам и менее 1 % на ядерную безопасность. Наконец, около 1 % латиноамериканских аналитических центров сосредоточены на военной безопасности, менее 1 % – на работе по ядерным вопросам [McGann 2015]. Европейские аналитические центры видят в качестве приоритетного направления для исследований политическую и экономическую безопасность (34 и 31 % соответственно), безопасность окружающей среды (11 %), исследования проблем мира и конфликтов, безопасность человека, военную и ядерную безопасность.

В России число аналитических центров, специализирующихся на вопросах безопасности – 30–50 % от общего их количества. В отличие от европейских центров, российские акцентируют внимание преимущественно на военной безопасности (в особенности на вопросах, связанных с угрозой распространения и применения ядерного оружия), несколько меньше – на энергетической (в особенности – безопасности атомной энергетики).

Практика экспертизы безопасности

Практика экспертизы безопасности понимается как ее результат, воплощенный в принятых политических решениях [Hansen 2006]. Аналитические центры не просто принимают активное участие в том, чтобы обеспечить реализацию определенных идей на практике, но и, по словам отечественного исследователя Андрея Кокошина, пытаются обеспечить компромисс и принятие этих идей разными участниками политического процесса [Кокошин 1981].

В США, например, подобная практика прослеживается легко, поскольку часто политики напрямую заявляют о том, кто разработал конкретную инициативу, называют аналитический центр или имя отдельных исследователей. Например, в случае президента США Д. Трампа и фонда «Наследие», которые приняли участие в формировании политической программы главы государства и его администрации, получая при этом похвалу со стороны Белого дома².

В странах Европейского союза ситуация несколько иная, ввиду особенностей региональной и национальных политических культур, специфики взаимодействия экспертной и политической сфер. Но и в этих государствах практическую составляющую можно проследить, сопоставляя ряд ключевых факторов. Например, в 2013 году эксперты Немецкого института международных отношений и безопасности Штеффен Ангенендт, Маркус Энглер и Ян Шнайдер опубликовали статью «Европейская политика в отношении беженцев». В ней они проанализировали действующие механизмы миграционной политики, их сильные и слабые стороны, а также предложили план по реформированию существующей политики [Angenendt, Engler, Schneider 2013]. Важность их работы заключается в том, что именно в ней предложена система квот, рассчитанная на основании данных о ВВП, населении и уровне безработицы каждой страны ЕС. Предложенная методика распределения беженцев, хотя и с некоторыми отвечающими текущему положению дел изменениями, в конечном счете принята ЕС в 2015 году³. В соответствии с этой экспертной методикой Германии необходимо было принять наибольшее число мигрантов, независимо от желания и готовности ее политического класса. План экспертов не предусматривал и трансфер тех, кто ищет убежище, и вероятность того, что они попытаются остаться в транзитных странах, а не в государстве своего назначения.

Невозможно с уверенностью *утверждать*, что европейская миграционная политика 2015 года построена на результатах исследований указанных экспертов, но существуют веские основания

² Heritage Foundation. Trump Administration Embraces Heritage Foundation Policy Recommendations (2018) // Heritage Foundation. – URL: <https://www.heritage.org/impact/trump-administration-embraces-heritage-foundation-policy-recommendations>

³ Migrant crisis: EU's Juncker announces refugee quota plan. (2015) // BBC News. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34193568>

полагать, что введение квот на мигрантов стало возможным и благодаря таким исследованиям. Обратим внимание на ряд фактов:

– Ш. Ангенендт являлся советником в Немецком министерстве экономического сотрудничества и развития, неоднократно выступал консультантом для различных международных организаций и институтов, включая Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Европейскую комиссию;

– М. Энглер являлся политическим консультантом в Управлении ООН по делам беженцев;

– работа экспертов опубликована в виде книги и широко ратифицирована.

В некоторых случаях найти примеры влияния центров на принятие политических решений крайне сложно. Например, аналитические материалы российских центров, направляемые в профильные ведомства, публикуются редко. Однако это не означает, что практического эффекта от данных рекомендаций нет. Так, огромную роль в исследовании вопросов безопасности, в том числе в ядерном секторе, занимает созданный в 1994 году ПИР-Центр, эксперты которого находятся в тесном контакте с профильными министерствами и ведомствами, выпускает аналитику в журнале «Индекс безопасности». Комментарии политиков относительно экспертизы центра свидетельствуют о том, что к данному аналитическому центру как минимум прислушиваются. Еще один пример – доклад «Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: новые идеи для внешней политики России», подготовленный группой экспертов Высшей школы экономики под руководством С. Караганова, был широко представлен в СМИ и направлен в МИД России [Караганов 2020].

Перечисленные примеры объединяет их практикоориентированность, стремление аналитических центров, являющихся институтами экспертного обеспечения политики безопасности, не только предоставлять политикам данные и рекомендации, но и формулировать пути решения тех или иных проблем, активно призывать политиков использовать соответствующие решения. Парадокс состоит в том, что именно это и подвергает такие центры рискам депрофессионализации, описанным в начале статьи. Участие бывших политиков в экспертном обеспечении деятельности их коллег влечет за собой опасность предвзятости и ангажированности, желания действовать исходя из сугубо политических, даже субъективных мотивов, отставляя экспертизу

на второй план. Этим, возможно, отчасти объясняется провал плана ЕС по урегулированию миграционного кризиса и критика в адрес упомянутой системы квот. В свою очередь, слишком тесное взаимодействие центров и политических элит, подкрепляемое финансированием деятельности экспертов, побуждает последних к ангажированному политическому лоббированию и апологетике идей определенных политических сил, как в случае фонда «Наследие», активно защищающего инициативы администрации Д. Трампа. Подобные факторы ставят экспертизу безопасности под угрозу, делая ее уязвимой перед снижением качества аналитики и, как следствие, эффективности. По мнению отечественного исследователя Федора Войтоловского из спектра аналитических центров лишь немногие являются проводниками «свежих», оригинальных идей и исследований. Остальные приспособляются к сотрудничеству с политическими силами [Войтоловский 2015].

Наметившаяся общая тенденция депрофессионализации пока еще может быть сбалансирована, поскольку ядро аналитических центров составляют именно эксперты, а боязнь потери авторитета в научном сообществе вынуждает их внимательнее подходить к чрезмерному сближению с определенными политическими силами. Сохранение атрибуции науки является ключевым моментом в борьбе за достоверность экспертизы. Тем не менее существующими рисками не стоит пренебрегать.

Заключение

Быстрые изменения в среде безопасности на всех ее уровнях и усиливающаяся повсеместная неопределенность, рост акторов обеспечения безопасности и конкуренции между ними чрезвычайно усиливают востребованность экспертизы в области безопасности. Уникальность и сложность задач, срочность их решения требует от экспертов и политиков максимального коллективного сотрудничества, так, чтобы сработал эффект «spill-over» (переливания) и результаты экспертизы безопасности прямо влияли бы на выработку политиками стратегий безопасности, от национальной до глобальной [Guston 1999]. Это позволит развить взаимопонимание между сторонами и тем самым оптимизировать их взаимодействие.

Но именно ввиду влияния и востребованности экспертиза безопасности, с одной стороны, постепенно превращается в прикладную науку и научное консультирование, утрачивая

профессиональную идентичность. Высокие требования к экспертизе безопасности и отсутствие в ряде случаев права на ошибку постепенно превращает экспертов по безопасности в закрытую группу исследователей, которые выстраивают собственную экспертизу на своих же научных работах. Боязнь совершить ошибку может завести таких экспертов в «ловушку рациональности», привести их к отрыву от реального положения дел в пользу проверенных методов. Кроме того, вместе с боязнью совершения ошибки у экспертов может присутствовать нежелание терять тесные партнерские связи с политическими кругами, финансирующими исследования и оказывающими поддержку, в связи с чем многие предпочитают идти по проторенной дорожке уже знакомых теорий или следовать предпочтениям и мнению своих заказчиков по ключевым вопросам, что сказывается на качестве экспертизы.

С другой стороны, растущий спрос на экспертизу безопасности и дефицит профессиональных экспертов-безопасников порождает приток в экспертное сообщество сторонних людей, не обладающих необходимыми компетенциями ни в одной из сфер – ни науке, ни в безопасности. Количество экспертов, которые уходят в политику, и политиков, которые занимаются экспертной деятельностью, становится больше. Помимо очевидных следствий – внешнего соединения имеющихся фактов, неадекватного ввода в результаты экспертизы фактов воображаемых, лоббизма чьих-то интересов и др. – это ведет к политической борьбе вокруг безопасности как таковой: что считать принадлежащим к ее сфере, а что нет. Результатом может стать дестабилизация всех пространств состояний опасности/безопасности. И в первом, и во втором случаях результатом является реальная тенденция депрофессионализации экспертизы безопасности.

Перечисленные проблемы заставляют по-новому взглянуть на проблему формирования «общества знания» и соотношения «общества знаний» и «практики знаний». Одним из следствий формирования такого «общества» может стать снижение автономности научной сферы, а побочным эффектом такой тенденции – описанная выше депрофессионализация знаний. Наблюдаемое сращивание экспертной и политической сфер оказывает серьезное негативное влияние на качество экспертизы и профессионализм исследователей, ориентирующихся на заказчика, а не на научные принципы, пытающихся угодить заказчику и испытывающих давление ввиду получения от чиновников

финансирования своих исследований. Остановить эту опасную тенденцию можно созданием организующей основы, например, введением на национальном и международном уровне строгих профессионально-квалификационных стандартов, системы аттестации, ужесточением верификации результатов экспертного исследования. На практике это может быть трудновыполнимо, но попытки решения проблемы уже могут дать положительные результаты. Разумеется, выявленная тенденция еще не набрала опасной критической величины, но поиск путей ее купирования уже стал срочной задачей.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ашкеров 2009 – *Ашкеров А.Ю.* Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. – М.: Издательство «Европа», 2009.

Войтоловский 2015 – *Войтоловский Ф.Г.* «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2015. – URL: <http://intertrends.ru/old/eleventh/008.html>

Жижек 2002 – *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

Караганов, Суслев 2020 – *Караганов С.А., Суслев Д.В.* Защита мира, Земли, свободы выбора для всех стран: Новые идеи для внешней политики России. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Кобринская 1986 – *Кобринская И.Я.* «Мозговые тресты» и внешняя политика США. – М.: Международные отношения, 1986.

Кокошин 1981 – *Кокошин А.А.* США: за фасадом глобальной политики. – М.: Политиздат, 1981.

Лукин 2020 – *Лукин А.В.* Теория всеобщего расизма - новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. 2020. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/teoriya-rasizma-novaya-versiya/>

Сравнительный анализ... 2007 – Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case study / сост. и ред. Н.Ю. Беляева, Д.Г. Зайцев. – М.: ГУ – ВШЭ, 2007.

Торреальба 2018 – *Торреальба А.А.* Антидипломатия: модели, формы, методы, примеры и риски. – 2018.

Хрусталева 2015 – *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. – М.: Аспект Пресс, 2015.

Angenendt, Engler, Schneider 2013 – *Angenendt S., Engler M., Schneider J.* European Refugee Policy // Stiftung Wissenschaft und Politik. 2013. – URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2013C36_adt_engler_schneider.pdf

Archibald 1970 – *Archibald K.* Three Views on the expert's role in policymaking: systems analysis, incrementalism and the clinical approach // RAND Corporation. 1970. – URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2009/P4292.pdf>

Bennet, Perez 2020 – *Bennet K., Perez E.* Nation's top coronavirus expert Dr. Anthony Fauci forced to beef up security as death threats increase // CNN Politics. 2020. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/01/politics/anthony-fauci-security-detail/index.html>

Buzan 1991 – *Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / 2nd ed. – London: Harvester Wheatsheaf, 1991.

Buzan, Wæver, de Wilde 1998 – *Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.

Conzen 2005 – *Conzen P.* Fanatismus: Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens. – Stuttgart: Kohlhammer, 2005.

Easterly 2015 – *Easterly W.* The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor. – New York: Basic Books, 2014.

Göl 2010 – *Göl A.* Editor's Introduction: Views from the "Others" of the War on Terror // *Critical Studies on Terrorism*. 2010. Vol. 3. No. 1. P. 1–5.

Gruber, Ziegler 1996 – *Gruber H., Ziegler A. (Eds.)* Expertiseforschung. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.

Guston 1999 – *Guston D.* Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization. // *Social Studies of Science*. 1999. Vol. 29. No. 1. P. 87–112.

Haas 1990 – *Haas E.B.* When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organizations. – Berkeley, CA: University of California Press, 1990.

Habermas 1987 – *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. – Cambridge, UK: Polity, 1987.

Hansen 2006 – *Hansen L.* Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War. – London: Routledge, 2006.

Krems 1996 – *Krems J.* Expertise und Flexibilität // *Expertiseforschung* / ed. by H. Gruber, A. Ziegler. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. P. 80–91.

Mansharamani 2020 – *Mansharamani V.* Think for Yourself: Restoring Common Sense in an Age of Experts and Artificial Intelligence. – Boston, MA: Harvard Business Review Press, 2020.

Mauß 2020 – *Mauß H.* Internationale Zusammenarbeit in der Corona-Krise: Chancen für Europa, Gefahren für die Welt // *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2020. – URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/internationale-zusammenarbeit-in-der-corona-krise-chancen-fuer-europa-gefahren-fuer-die-welt/>

McGann 2015 – *McGann J.* Think tanks in security and international affairs // *Security Expertise Practice, Power, Responsibility* / ed. by T. Villumsen Berling and C. Buege. – New York: Routledge, 2015.

Neal, Andrew 2019 – *Neal, Andrew W.* Security as Politics. Beyond the State of Exception. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019.

Osborne 2015 – *Osborne T.* In Defence of Security // *Security Expertise Practice, Power, Responsibility* / ed. by T. Villumsen Berling, C. Bueger. – New York: Routledge, 2015.

Slaughter 2004 – *Slaughter A.M.* A New World Order. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

Soler, Zwart, Lynch, Israel-Jost 2014 – Soler L., Zwart S., Lynch M. & Israel-Jost V. (Eds.) *Science after the Practice Turn in the Philosophy, History, and Social Studies of Science*. 1st edition. – New York: Routledge, 2014.

Ullman 1983 – Ullman R.H. *Redefining Security* // *International Security*. 1983. Vol. 8. № 1. P. 129–153.

Waver 2010 – Waver O. *Towards a political sociology of security studies* // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 6. P. 649–658.

REFERENCES

Ashkerov A. (2009) *Expertocracy. Managing Knowledge: Production and Circulation of Information during Ultracapitalism*. Moscow: Evropa Publishing (in Russian).

Angenendt S., Engler M. & Schneider J. (2013, November) *European Refugee Policy*. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. Retrieved from https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2013C36_adt_engler_schneider.pdf

Archibald K. (1970, January) Three Views on the expert's role in policy-making: systems analysis, incrementalism and the clinical approach. *RAND Corporation*. Retrieved from <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2009/P4292.pdf>

Belyaeva N.Yu. & Zaytsev D.G. (Eds.) (2007) *Comparative Analysis of Russian and Foreign Think Tanks: Case Study*. Moscow: High School of Economics Press (in Russian).

Bennet K. & Perez E. (2020) Nation's Top Coronavirus Expert Dr. Anthony Fauci Forced to Beef up Security as Death Threats Increase. *CNN Politics*. Retrieved from <https://edition.cnn.com/2020/04/01/politics/anthony-fauci-security-detail/index.html>

Buzan B. (1991) *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era* (2nd ed.). London: Harvester Wheatsheaf.

Buzan B., Wæver O., & de Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.

Conzen P. (2005) *Fanatismus: Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens*. Stuttgart: Kohlhammer (in German).

Easterly W. (2015) *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*. New York: Basic Books.

Göl A. (2010) Editor's Introduction: Views from the "Others" of the War on Terror. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 3, no. 1, pp. 1–5.

Gruber H. & Ziegler A. (Eds.) (1996) *Expertiseforschung*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Guston D. (1999) Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization. *Social Studies of Science*. Vol. 29, no. 1, pp. 87–112.

Haas E.B. (1990) *When Knowledge is Power: Three Models of Change in International Organizations*. Berkeley, CA: University of California Press.

Habermas J. (1987) *The Theory of Communicative Action*. Cambridge, UK: Polity.

Hansen L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. London: Routledge.

Hrustalev M.A. (2015) *International Situation Analysis and Political Expertise*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Karaganov S.A. & Suslov D.V. (2020) *The Protection of Peace, Earth, Freedom of Choice for All Countries. New Ideas for Russia's Foreign Policy*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Kobrinskaya I.Ya. (1986) *Think Tanks and the USA Foreign Policy*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya (in Russian).

Kokoshin A.A. (1981) *USA: Behind the Global Politics' Facade*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Krems J. (1996) Expertise und Flexibilität. In: Gruber H. & Ziegler A. (Eds.) *Expertiseforschung* (pp. 80–91). Opladen: Westdeutscher Verlag (in German).

Lukin A.V. (2020, July 14) Theory of universal racism – new version of American cultural dominance. *Russia in Global Affairs*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/teoriya-rasizma-novaya-versiya/>

Mansharamani V. (2020) *Think for Yourself: Restoring Common Sense in an Age of Experts and Artificial Intelligence*. Boston, MA: Harvard Business Review Press.

Maull H. (2020, March 30) Internationale Zusammenarbeit in der Corona-Krise: Chancen für Europa, Gefahren für die Welt. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. Retrieved from <https://www.swp-berlin.org/publikation/internationale-zusammenarbeit-in-der-corona-krise-chancen-fuer-europagefahren-fuer-die-welt/> (in German).

McGann J. (2015) Think tanks in security and international affairs. In: Villumsen Berling T. & Bueger C. (Eds.) *Security Expertise Practice, Power, Responsibility*. New York: Routledge.

Neal, Andrew W. (2019) *Security as Politics. Beyond the State of Exception*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Osborne T. (2015) In Defence of Security. In: Villumsen Berling T. & Bueger C. (Eds.) *Security Expertise Practice, Power, Responsibility*. New York: Routledge.

Slaughter A.M. (2004) *A New World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Soler L., Zwart S., Lynch M. & Israel-Jost V. (Eds.) (2014) *Science after the Practice Turn in the Philosophy, History, and Social Studies of Science*. New York: Routledge.

Torrealba A.A. (2018) *Antidiplomacy: Models, Forms, Methods, Examples and Risks* (Russian translation).

Ullman R.H. (1983) Redefining Security. *International Security*. Vol. 8, no 1. pp. 129–153.

Voitlovski F.G. (2015, January-March) Creation of intellectual space of world politics. *International Trends*. Retrieved from <http://intertrends.ru/old/eleventh/008.htm>

Waver O. (2010) Towards a political sociology of security studies. *Security Dialogue*. Vol. 41, no. 6, pp. 649–658.

Žižek S. (2002) *Welcome to the Desert of the Real*. London: Verso Books (Russian translation: Moscow: Pragmatika kul'tury Foundation, 2002).

Гибридная война: военно-политический панкратион XXI века

А.В. Соловьев

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена межгосударственного противоборства, получившего название «гибридная война». Осуществлена попытка соотнесения данного явления с историческим греческим видом противоборства «панкратион». Анализируются философские и исторические предпосылки гибридной войны, ее гносеологические и идеологические аспекты. Оценивается истинность утверждения, объявляющего Россию виновной в ведении данного вида войны. Исследование релевантных источников позволяет ответить на вопрос о теоретических предпосылках формирования концепции гибридных войн, указать имена авторов, стоящих у истоков возникновения взглядов трансформации войны в новую разновидность военного противоборства. Осуществляется сравнительный анализ различных интерпретаций понятия «гибридная война». Рассматривается место данного понятия среди других, относящихся к так называемым «новым войнам». Подвергается сомнению попытка придать негативную коннотацию концепту гибридной войны и правомерность попыток западных стран приписать ведение подобного вида военных действий исключительно России. Критикуется использование рядом стран комплекса «козла отпущения», описанного французским философом Р. Жираром, против России. Расширительная трактовка данного комплекса знаменует собой сакрализацию коллективной агрессии, но не по отношению к индивиду, а применительно к суверенному актору международных отношений. Осмысление сущностных черт гибридной войны, ее тенденций к устранению ограничений и регламентации форм и способов достижения военно-политических целей позволяет выявить возможности противостояния агрессивным устремлениям стран, пытающихся навязать другим субъектам свои сценарии разрешения межгосударственных противоречий.

Ключевые слова: философия войны, безопасность, международные отношения, противоборство, мятежевойна, не-война, военная стратегия.

Соловьев Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

alexol.ross.msc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0814-0473>

Для цитирования: *Соловьев А.В.* Гибридная война: военно-политический панкратион XXI века // *Философские науки.* 2021. Т. 64. № 6. С. 55–73. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-55-73

Hybrid Warfare: Politico-Military Pankration of the 21st Century

A.V. Soloviev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of interstate confrontation known as “hybrid war.” It attempts to consider this phenomenon in relation to *pankration*, the ancient Greek martial art with minimum limitations. The paper defines the philosophical and historical preconditions for hybrid war, its epistemological and ideological aspects. The author assesses the statement declaring Russia guilty of waging this type of war. Analysis of relevant sources allows us to answer the question of the theoretical prerequisites for the formation of the concept of hybrid wars and to name the authors who first expressed ideas of the transformation of war into a new type of military confrontation. An attempt is made to perform a comparative analysis of various interpretations of the concept of “hybrid war.” The place of this concept among others that are related to the so-called “new wars” is considered. The author questions a negative connotation to the concept of hybrid war and the legitimacy of attempts by Western countries to attribute the conduct of this type of military action exclusively to Russia. A number of countries attempt to use Russia as a “scapegoat,” and this complex has been described by the French philosopher R. Girard. A broader interpretation of this mechanism leads to sacralization of collective aggression, but not in relation to an individual but in relation to a participant in international relations. Comprehension of the essential features of hybrid war, of its tendencies towards eliminating restrictions and regulating forms and methods of achieving military and political goals makes it possible to identify the possibilities of resisting aggressive aspirations of some countries trying to impose their scenarios for resolving international contradictions on other states.

Keywords: philosophy of war, security, international relations, confrontation, mutiny-war, non-war, military strategy.

Alexey V. Soloviev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of the Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

alexol.ross.msc@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0814-0473>

For citation: Soloviev A.V. (2021) Hybrid Warfare: Politico-Military Pankration of the 21st Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 55–73.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-55-73

Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
Но, к счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
...Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

А.С. Пушкин. Гавриилиада

Введение

Сегодня Российская Федерация испытывает на себе нарастающее давление стран Запада, стремящегося подчинить Россию и превратить ее в свой сырьевой придаток. В борьбе против нашего государства используются средства экономического, политического, финансового, идеологического и психологического воздействия, шантаж, угрозы и иные методы. Недавно этот список пополнился новым видом комплексной борьбы – гибридной войной. Концепт, соответствующий данному феномену, по замыслу его авторов был направлен на дискредитацию России.

Придавая термину «гибридная война» негативную коннотацию по примеру успешно опробованного образца («империя зла»), антироссийски настроенные круги за рубежом в очередной раз пытаются пристыдить нас за то, чем сами давно и систематически занимаются в военно-политической сфере. В данной ситуации своевременным представляется историко-философский анализ феномена и понятия «гибридная война».

На что похожа гибридная война? В какой-то степени она сходна со смешанными боевыми искусствами, античным предшественником которых является панкратион. Этот вид единоборств стал

частью античных Олимпийских игр с 648 года до н.э. (принято считать, что греческий философ Платон искусно владел этим видом борьбы), отличаясь от прочих тем, что ограничения в нем были сведены к минимуму. В Спарте существовал даже женский панкратион. Сегодня такой вид борьбы возродился, став предтечей смешанных видов единоборств. Как и смешанные боевые искусства, гибридная война стремится к минимизации правил. Отчасти поэтому она получила распространение в современной международной жизни.

Философские и исторические предпосылки гибридной войны

«Изменение» как превращение в нечто иное издавна было предметом внимания и изучения мыслителей. Истолковывая изменение как движение, Гераклит считал изменение универсальным свойством мироздания. Его утверждения об изменчивости всего сущего стали классическими. К ним относится и следующее: «Одно и то же в нас живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти противоположности, переменившись, суть те, а те, вновь переменившись, суть эти» [Фрагменты... 1989, 213]. Для него основой всего сущего является война, обладающая изменчивым характером. Позднее подобная трактовка свойственных этому феномену качеств нашла отражение в культуре бога Януса у древних римлян.

О трансформациях войны писали многие: Сунь-Цзы, Клаузевиц и др. В XX веке французский полемолог Р. Каррер сравнивал войну с мифическим героем Протеем (сыном Посейдона и Геры), способным менять свое обличье [Carrère 1969, 19–22]. Чтобы лучше понять изменения в войне на протяжении длительного исторического периода, стоит проанализировать понятие «цивилизация». Война имманентна цивилизации, а значит, вопрос о причинно-следственной связи между этими категориями важен для понимания логики развития миро-военного процесса. Независимо от того, что возникло раньше – война или цивилизация, можно констатировать постоянное развитие этих явлений, о чем писал и немецкий историк Г. Дельбрюк в «Истории военного искусства» [Дельбрюк 2003, 4]. В войнах участвовали объединения людей на разных ступенях общественного развития: от племен до государств, демонстрируя историческую тенденцию к смягчению нравов, периодически

впадая в рецидивы жестокости по отношению к противнику и гражданскому населению. Так, в ходе Англо-бурской войны (1899–1902) британские военные впервые осуществили тактику выжженной земли и создали концентрационные лагеря для семей воюющих буров. В период Первой мировой войны цивилизованная Германия впервые в мире применила боевой отравляющий газ (иприт) в борьбе со своим не менее цивилизованным противником. В конце Второй мировой войны США использовали ядерное оружие, основанное на новых физических принципах, против Японии.

Разница между приведенными примерами заключается в том, что в Первой мировой войне немцы использовали оружие массового поражения, воздействуя на личный состав противника, а на завершающем этапе Второй мировой войны (когда поражение Японии было предопределено) американцы направили апокалиптическое оружие против гражданского населения противника ради достижения военно-политических целей. Этическая оправданность атомных бомбардировок Хиросимы (6 августа 1945 года) и Нагасаки (9 августа 1945 года) остается недоказанной, а стратегическое значение представляется сомнительным, так как после вступления СССР в войну против Японии (8 августа 1945 года) боевые действия продолжались до 15 августа 1945 года, а акт о капитуляции подписан 2 сентября 1945 года.

В историческом аспекте интересен еще один пример, восходящий к Первой мировой войне, когда Германия использовала против Франции средства, не оправданные военной необходимостью. Уже в военное время французская сторона приводила документально зафиксированные факты, свидетельствующие об этом [*Les dévastations allemandes...* 1917, 78]. Французы считали такие действия предумышленными. Они утверждали, что немецкая армия применяла (в соответствии с доктринальными установками германского Генерального штаба) особо жестокие способы не только на поле боя, но и по отношению к гражданскому населению, чтобы быстрее победить. Но жестокое ведение войны преследовало, по их мнению, и другую цель – устранить на поле боя завтрашнего конкурента, чтобы обеспечить немецким промышленникам и немецкой экономике в целом более благоприятные условия развития в мирное время. Большая часть разрушений осу-

ществлялась, систематически, вне ведения боевых действий [Tardieu 1921, 308–309].

Гносеология гибридной войны

Главным препятствием, с которым мы сталкиваемся при попытке объективного рассмотрения исследуемого нами явления и отражающего его понятия является отсутствие четкой дефиниции войн подобного рода, что приводит к путанице в понимании их сущности, а, следовательно, к трудностям их классификации. Содержание понятия зависит от того, в каком контексте оно употребляется. Понятие «гибридная война» может иметь две трактовки: узкую и широкую. В узком смысле слова под ним подразумевается комбинированный вид боевых действий, в широком – противоборство между противниками в различных сферах. Следует отметить, что анализируемый термин является «обоюдоострым». Обвинения в ведении такой войны слышатся как с одной, так и с другой стороны. США и их сторонники обвиняют в этом Россию. Россия и поддерживающие ее акторы утверждают обратное. Очевидным становится необходимость научного определения [Белозёров, Соловьев 2015, 8–9].

Метаморфозы войны тесно связаны с разработкой вопроса о типологизации войн и выявлением критериев, по которым это можно осуществить. Надлежащая классификация войн способствует определению тенденций развития способов вооруженной борьбы и направлений подготовки к возможным военным конфликтам. Война, будучи многогранным явлением, содержит в зачаточном состоянии потенциальные возможности появления новых типов конфликтов с преобладанием тех или иных качеств, которые придают им специфические свойства. Различные комбинации составных частей позволяют давать войнам названия, фиксирующие преобладающие свойства. В зависимости от критериев, выбираемых для классификации, формируется типология по преобладающему признаку (локальная война, мировая война, война малой интенсивности, оборонительная война и т.д.). В войне присутствуют постоянные и переменные элементы [Соловьев 2015, 59–60].

Об изменениях облика войны сегодня пишут много на разных языках. Чаще всего на русский язык переводят англоязычные источники, что создает определенный дисбаланс в оценке тенденций развития феномена войны и вкладе авторов в этот процесс. Среди

широко известных в России авторов можно назвать Мартина ван Кревельда¹ и Мэри Калдор². Они освещают проблему превращения войн в современную эпоху.

Ван Кревельд во введении к своей книге «Трансформация войны» (1991) говорит о предназначении произведения: «Настоящая книга имеет своей целью обратиться к наиболее фундаментальным вопросам, которые война ставит перед человеком на протяжении всей истории: кто ведет войны, что такое война, как, из-за чего и почему ее затевают. Эти вопросы отнюдь не новы, и лишь ответы на них, в соответствии с мнениями людей разных эпох и представителей разных наций, были бы равно-масштабны изложению истории цивилизаций. Многие читатели, несомненно, отнесутся к некоторым из данных вопросов как к чисто философским, возможно, даже сочтут их не связанными с “практикой” ведения боевых действий. Однако очевидно, что ни один вид человеческой деятельности не может фактически существовать, тем более успешно развиваться, без четкого понимания принципов, лежащих в основе противостояний и ведения войны как такового. Вот почему чрезвычайно важно найти верные ответы на перечисленные вопросы» [ван Кревельд 2015, 17]. Автор размышляет над изменениями, произошедшими в ведении и понимании современной войны, пытается заглянуть в будущее феномена. Что-то ему удастся, что-то, как многие заметили в 2020 году, отличается от его предвидений, но, в целом, многое совпадает. Основным термином, который он употребляет является «война низкой интенсивности». По его мнению, в будущем «...войны будут вести не армии, а группы, членов которых мы сегодня называем террористами, партизанами, бандитами и грабителями...» [ван Кревельд 2015, 273]. О гибридной войне он не упоминает, т.к. термин появился позднее.

Возвращаясь к теме новых и старых войн, Мэри Калдор в своей книге, появившейся на свет в 2012 году, нейтрально упоминает

¹ Мартин Леви ван Кревельд (род. 1946) – израильский историк, специалист по вопросам военной истории, стратегии, военный аналитик, профессор Иерусалимского университета. Автор более пятнадцати работ по истории и военной стратегии.

² Мэри Генриетта Калдор (род. 1946) – британский академик, профессор Лондонской школы экономики, руководитель отдела исследований гражданского общества и безопасности человека. Преподает также в Барселонском институте международных исследований. Автор нескольких работ о войне.

о гибридных войнах: «Более поздним понятием, используемым Фрэнком Хоффманом и получившим широкое хождение, в частности у военных, является термин “гибридные войны”; он очень хорошо схватывает ту размытость публичного и частного, государственного и негосударственного, формального и неформального, которая так свойственна новым войнам. Он также используется для обозначения тех конфликтов, для которых характерно смешение разных типов войны (например, войны с применением обычных вооружений, борьбы с повстанцами, гражданской войны), и в этом качестве, возможно, упускает специфическую логику новых войн» [Калдор 2015, 31].

Многое из того, о чем пишут эти исследователи, задолго до них осветил в начале 60-х годов XX столетия представитель русской эмиграции Е.Э. Месснер³. Он ввел понятие «мятежевойна», отражавшее перемены в сущности современных войн: «Мятежевойна есть современная форма войны. Никаких норм, шаблонов мятежевойна не признает... Индивид мятежевойны не признает классических, грандиозных, массовых сражений... Против массовых армий – тактика комаров и иные приемы мятежевоевания: террор, бандитизм, восстания, беспорядки и даже демонстрации и манифестации... Оператика мятежевойны шагает по таким фазам: деморализация, беспорядки, террор, постепенная вербовка в революционность, перестройка душ... Стратегия мятежевойны имеет конечной целью разрушение структуры, а “разрушенное государство не может быть восстановлено, мертвый не может быть пробужден к жизни” (Сунь-Цзы)... Надо отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война – это когда воюют, а мир – когда не воюют. Можно быть в войне, не воюя явно...» (цит. по: [Домнин, Савинкин 2005]).

Приблизительно в эти годы К. Шмитт публикует небольшую по объему, но значимую в концептуальном плане работу «Теория партизана» (1963), в которой он рассматривает актуальную проблему – проблему изменения привычного образа войны. Он развивает представление о «политическом» применительно к феномену партизана. Впервые возникшая в Испании в период наполеоновских походов герилья продемонстрировала иной тип

³ Евгений Эдуардович Месснер (1891–1974) – военный теоретик, полковник Генерального штаба Русской армии, эмигрировавший из России после гражданской войны. Автор многих работ, предрекавших наступление эпохи «мятежевойн».

ведения боевых действий, субъектом которых был народ. Характерная черта нового в войне этого типа – нарушение правил и пренебрежение правилами. Он экстраполирует схожие проявления на более ранний период (на Тридцатилетнюю войну на немецкой земле, на гражданские и колониальные войны). Кроме того, подчеркивает опыт России: «Русская армия в течение всего XIX века вела многочисленные войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-германская армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу с наполеоновской армией» [Шмитт 2007, 22].

Работы Шмитта и Месснера стали теоретической основой нового восприятия войны, соответствующего военно-политической ситуации в мире в начале 1960-х годов. В дальнейшем их идеи творчески развили другие теоретики.

Бельгийский политолог Ж. Анротен⁴, не упоминая работы Месснера и Шмитта, как и русскоязычную специальную литературу, посвященную данной проблеме, родоначальником понятия «техно-герилья» называет Ги Броссоле с его работой «Эссе по не-войне» [Brossollet 1975], а Францию – страной, в которой такой концепт формализован. Понятие «техно-герилья» он определяет как тесную комбинацию партизанских действий и технологий, изначально воспринимаемых прерогативой государства. Из этого следует, что она становится доступной отдельным «суб-государственным группам», а также странам, опирающимся на такие группы, или развивающим свои способы ведения войны в данном направлении. Различие между «герильей» и «техно-герильей» заключается, по его мнению, в возросшей огневой мощи с точки зрения дальности, но особенно в развитии более разнообразных военных возможностей. В указанной работе автор стремится подвергнуть деконструкции (т.е. применяет пост-структуралистский прием) ряд мифов, в том числе связанных

⁴ Жозеф Анротен (род. 1975) – доктор политических наук, руководитель исследований в Центре анализа и прогнозов международных рисков (*Centre d'analyse et de prévision des risques internationaux – CAPRI*, Париж) и в Институте стратегии и конфликтов (*Institut de Strategie et des Conflits – ISC*, Париж). Является руководителем факультативного семинара в Высшей военной школе (*Ecole Supérieure de Guerre*). Главный редактор журнала «Оборона и международная безопасность» (*Défense & Sécurité Internationale*). Автор книги на французском языке «Техно-герилья и гибридная война. Худшее для двух миров» (2014).

с технологией и регулярной войной. «Гибридизация» превращается в самостоятельный способ ведения войны, который становится настоятельно необходимым для стратегических акторов, в том числе для государств.

Следовательно, можно предположить, что именно такой дискурс деконструкции, перенесенный в сферу политики, нужен сегодня Западу для описания процессов, происходящих в международной политике. Западные политические деятели и теоретики бездоказательно приписывают ведение гибридных войн российскому государству. Они говорят о том, что важно изучать практику войны, которую Россия, якобы, ведет на Украине. Разоблачать эти инсинуации непросто, поскольку РФ является заинтересованной стороной, а массированная информационная война против нее не позволяет ей доводить до жителей европейских государств объективную информацию во всей ее полноте. Но западная общественность начинает «прозревать» и выражать точку зрения, отличную от официальной.

Интересна в этом контексте реакция западных, в частности, французских представителей интернет-сообщества. Они заявляют, что «нелинейная война» (гибридная) уже осуществлялась Западом в Боснии, Косово, Ливии, Кот-д'Ивуар, Никарагуа, а русскими в Осетии, Абхазии и других местах. Некоторые из них считают, что у НАТО не получается убедительно объяснить свое поражение на Украине, поэтому она пытается «дурочить людей», хотя очевидно, что Россия не применила ничего нового в существующей практике ведения войны.

Несомненно, концепция «гибридной войны» заслуживает изучения как один из возможных вариантов развития тактики и стратегии современности. Но нельзя сосредоточивать внимание только на ней. Наша задача состоит в разработке собственной военной науки, военной доктрины, отвечающей актуальным и перспективным задачам, а также средств, усиливающих ее силовую составляющую. Нам есть – у кого учиться среди отечественных теоретиков, но не следует упускать из виду передовую иностранную военную мысль. «Гибридная война» – концепт, появившийся недавно. Чтобы ответить на вопрос, чему он соответствует в действительности, необходимо найти адекватное определение для исследуемого понятия, уточняющее количество объектов, входящих в класс предметов, характеризующихся таким образом. Важно определить достаточный объем понятия, чтобы

называть ту или иную войну гибридной. Основным препятствием, на которое мы наталкиваемся, – отсутствие четкой дефиниции войн подобного рода, что приводит к путанице в понимании сущности этого типа войн, и, следовательно, к трудностям в их классификации.

Идеологические аспекты гибридной войны

Концепт «гибридная война» введен в военно-политический дискурс бывшим генеральным секретарем НАТО Андерсом Фог Расмуссеном и главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе Филипом М. Бридлавом, обвинившими Россию в том, что она ведет в Украине «гибридную войну», представляющую собой сочетание известных и новых способов противоборства. Изложенную позицию активно поддерживают США и страны Прибалтики, ряд других членов ЕС и Украина. В их высказываниях просматривается не столько озабоченность гибридной войной, сколько неким «желанием» России изменить существующий международный порядок, а также ее региональными и мировыми амбициями [Kudors 2015]. Подобную мысль можно встретить в официальных документах США.

Коллективный Запад обвиняет Россию в том, что она ведет в Украине гибридную войну, представляющую собой сочетание известных и новых способов противоборства. Однако эту точку зрения разделяют далеко не все представители западной общественности. Например, Павел Фельгенгауэр, эксперт по военным вопросам, оппозиционный журналист утверждает, что это не что иное, как «пропагандистский трюк». По его мнению, нет ничего нового в способах борьбы, ведомой государствами, изменяются лишь технические средства. Журналист приводит в подтверждение примеры аншлюса Австрии, аннексии Судетской области, где уже присутствовал продолжительный период дестабилизации до введения войск. Следуя этой логике, можно было бы дополнить этот список аннексией Германской Демократической Республики (ГДР) Федеративной Республикой Германией в 1990 году, но западные правительства не хотят использовать этот термин применительно к этому историческому событию. В данном случае они предпочитают говорить о «воссоединении двух Германий».

Член комитета по международным делам Бундестага ФРГ Родерих Кизеветтер придерживается иной, антироссийской идеологической установки. Он считает, что гибридная война – это сочета-

ние классических военных действий, усиленных пропагандой и дезинформацией. Все это, по его мнению, Россия делает для того, чтобы дестабилизировать ЕС, нарушить его единство в вопросе санкций против РФ, дестабилизировать Украину и повергнуть ее с целью создания на долгие годы проблем для ЕС. Приведенные утверждения представляются продуманной ложью, единственная цель которой – переложить свои ошибки на противника. Чтобы добиться желаемого результата, широко используется методика бездоказательного обвинения и фальсификаций.

Эксперты из «NATO Review» утверждают, что международные организации (в т.ч. НАТО) не знают, как адаптироваться к новому типу агрессии, названному гибридной войной. Они утверждают, что русские оказались хитрее, что в информационной войне они страшны, что *Russia Today* бьет прямо в цель. Для западного обывателя создается пугающая картина, где Россия по всем статьям превосходит Запад⁵. Такие утверждения влияют на общественное мнение в странах атлантического блока. Так, неофициальный опрос, проведенный журналистом Марком Дайсом, показал, что превентивное применение ядерного оружия по противнику (Россия) большинством опрошенных граждан США воспринимается как вполне допустимое⁶. Подобные настроения жителей стран, входящих в НАТО, служат оправданием увеличения расходов на военные нужды и обоснованием справедливости недружественных шагов по отношению к России.

«Гибридная война» – лишь один из терминов, применяемых при характеристике т.н. новых войн. Различные авторы именуют их «войнами среди людей», «войнами третьего рода», «приватизированными войнами», «мультивариантными войнами», «комплексными военными действиями» [Калдор 2015, 378, 384] и т.д. Полагаем, термин «гибридная война» – из приведенных названий наиболее подходящий, поскольку он обладает воздействием как на рациональное, так и на эмоциональное его восприятие субъектом. Вместе с тем, его следует подвергнуть скрупулезному анализу в целях установления его функциональности и содержательности.

⁵ См.: La guerre hybride et le choix de la riposte // NATO Review. 2014. 01 juillet. – URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm>

⁶ См.: Американцы далеки от российской реальности, но готовы нанести превентивный ядерный удар // RT. 2015. 12 июня. – URL: <http://russian.rt.com/article/96947>

В Национальной военной стратегии США 2015 года большое внимание уделено проблеме гибридных войн, рассматриваемых в качестве элемента военно-политической активности государств, противостоящих США. В разделе «Обстановка в сфере безопасности» указывается на существование различных источников конфликтности, где пересекается государственное и негосударственное насилие. В ходе данных конфликтов для достижения поставленных целей могут применяться комбинированные силы и средства, методы и ресурсы. В тексте документа отмечается: «В таких “гибридных” конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму» [Национальные военные стратегии... 2018, 106]. Составителями документа, по-видимому, не случайно использован термин «гибридный конфликт», в котором происходит замена слова «война» словом «конфликт», что приводит к расширению понятийного поля термина, позволяющему различные трактовки. Так, в теоретическом аспекте более удобным представляется понятие «гибридный конфликт», а в пропагандистском плане – более эффективным видится «гибридная война», т.к. категория «война» гораздо сильнее затрагивает эмоциональную сферу людей, а также влияет на их политические настроения.

Анализируя контекст, в котором вызревали предпосылки появления гибридной войны можно с уверенностью утверждать, что «изобретателем» этого вида современных боевых действий и соответствующего термина является мощнейшая держава в мире. Именно она имеет достаточно средств, чтобы позволить себе экспериментировать во всех областях, включая войну. В СМИ и среди политических деятелей распространено мнение о том, что гибридная война – форма борьбы бедных стран. Идея далеко не оригинальная. О соотношении экономического уровня государства и характера войн, которые оно способно вести, французский социолог Гастон Бутуль писал в своих работах еще в 1970-х годах. Выдвигаемый тезис вызывает обоснованные сомнения. Чтобы использовать весь набор средств борьбы, предполагаемых в современной гибридной войне, скорее, нужно быть богатым.

Одной из фундаментальных составляющих «гибридной войны» является информационная война. Неслучайно те, кто надеются победить в ней, придумывают новые категории, чтобы контролировать, направлять, и, следовательно, главенствовать в ментальной и реальной борьбе. Сунь-Цзы еще в VI веке до н.э. говорил

об «идеальной» войне, без применения оружия, утверждая, что подчинение противника силой не является вершиной военного искусства, а вершиной военного искусства является подчинение противника без единой капли крови. Примером применения подобной стратегии служит распад СССР. В итоге наша страна получила действенную «вакцинацию» против иллюзий о благожелательном отношении Запада к России.

Практика обвинений в адрес нашей страны имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить прецедент, связанный с именем Р. Рейгана, заклеймившего СССР как «империю зла». Нельзя не вспомнить о древнем, но по-прежнему актуальном сакральном методе возложения всех грехов на одного субъекта, чтобы он понес наказание за якобы содеянное. В теоретическом аспекте комплекс «козла отпущения», являющийся сакрализацией коллективной агрессии по отношению к индивиду, рассмотрен Р. Жираром в ряде его философских работ [Жирар 2010; Жирар 2018]. В политическом аспекте этот комплекс экстраполируется западными теоретиками и практиками на конкретную страну.

Распад Советского Союза, Варшавского договора и социалистической системы мало что изменил в отношении Запада к обновленной России. Взамен политических и военных уступок Россия получила расширение НАТО в сторону своих границ, лицемерное, недружественное и высокомерное отношение к себе. Вопросы противоракетной обороны и внеблокового статуса Украины перестали обсуждать. В Европе муссируются утверждения, что Россия может распространить гибридную войну на прибалтийские страны.

В информационной записке «Гибридная война: новый вызов Европе», составленной А. Кудорсом из Центра восточноевропейских политических исследований (*Centre for East European Policy Studies*) дана одна из существующих дефиниций гибридной войны: «Гибридная война – это конфликт, связанный с наличием внутренних или внешних угроз для какой-либо страны, в которой одновременно применяется несколько типов ведения военных действий: обычные вооруженные силы, тактика нерегулярных вооруженных формирований, а также нелегитимные действия, нацеленные на дестабилизацию ситуации [Kudors 2015]. Однако для вывода о том, что такая война исходит из России, нет достаточных оснований. Возможна ли война, в том числе гибридная, со стороны РФ против новых независимых европейских государств?

Безусловно, нет, потому что она не нужна России. В случае развязывания этими государствами войны против России с ее стороны она не будет гибридной по своему характеру.

В английском языке термин «hybrid warfare» означает военную стратегию, объединяющую классическую войну, малую войну и кибервойну. Этот термин используется и для обозначения сопровождаемых информационным противоборством – ядерного нападения, биологических и химических атак, применения самодельных зарядов. Другая интерпретация основана на определении гибридной войны как главного метода действий в асимметричной войне. Гибридная война ведется на трех разных полях сражения: внутри населения зоны конфликта, среди населения в глубине боевых действий и с международным сообществом. Среди ряда дефиниций, приемлемым можно считать определение, предложенное Джонатаном Маркусом: «Гибридная война – это сплав открытой и тайной военной мощи, комбинация провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них»⁷. Но это определение в большой степени подходит для событий в Сирии. В таком случае возникает логичный вопрос. Разве гибридная война является исключительно российским феноменом? Очевидно, что нет. Ввиду происходящего на юго-востоке Украины создается впечатление «дежавю». Аналогичные ситуации возникали не раз. Это косвенно подтверждают эксперты «NATO Review», заявляя, что этот быстро развивающийся вид агрессии является своего рода стратегией, применяемой с некоторого времени, в частности, русскими⁸. То есть, в общем, применяется многими и не только Россией.

Заключение

Начало XXI столетия не оправдало утопических надежд на бесконфликтное развитие человеческого общества. Подобно тому, как в свое время Р. Арон писал о разочаровании в прогрессе [Aron 1969], мы можем говорить о разочаровании в пацифизме. Военно-

⁷ Маркус Д. Гибридная война Путина – головная боль НАТО // BBC News. 2014. 1 декабря. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy

⁸ См.: La guerre hybride et le choix de la riposte // NATO Review. 2014. 01 juillet. – URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/Russia-Ukraine-Nato-crisis/Russia-Ukraine-crisis-war/fr/index.htm>

политическая реальность свидетельствует о необходимости выработки новых политико-философских концепций и теорий в области международных отношений. Россия при этом оказалась в непростом положении. Потеряв в период «перестройки» многих союзников, пережив распад СССР, Варшавского договора, ослабление военного и экономического потенциала, позиций на мировой арене, она оказалась перед фактом настойчивого продвижения НАТО на Восток, непрекращающегося военно-политического и психологического давления.

Что можно и нужно противопоставить тем, кто считает и даже объявляет Россию своим врагом? Одной из насущных задач, стоящих перед Россией помимо совершенствования вооруженных сил страны, является укрепление уверенности в своей правоте. Попытки оказать давление на Россию, обвинить в ведении гибридной войны, при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными. Французские авторы на историческом материале показывают, что прототипы гибридной войны можно найти в Античности. Русский философ войны Е.Э. Месснер посвятил в 60-е годы XX столетия несколько книг исследованию «мятежевойны». К. Шмитт создал «теорию партизана». В 70-е годы французский исследователь Г. Бросоле предложил термин «не-война». Отечественные ученые, ссылаясь на источники, подтверждают, что о гибридной войне заговорили намного раньше, чем западные политики обвинили наши вооруженные силы в ведении такой войны [Комлева 2017]. Вместе с тем, западные страны широко используют практику гибридной войны.

Сегодня, когда недружественное окружение старается всеми способами и средствами нанести ущерб России, чтобы она не оправилась от результатов перестройки и не заняла достойное место в системе международных отношений, страна должна быть готова к различным сценариям, в том числе к попыткам втянуть ее в военные конфликты. В этом случае мы должны осознавать, что по отношению к нам будут применяться все средства. Таким образом, если нас попытаются втянуть в современный военно-политический панкратион, нашему государству необходимо осваивать приемы возможной борьбы, искать у противника «то место роковое», воздействие на которое позволило бы не допустить его агрессивных действий в дальнейшем.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белозёров 2014 – *Белозёров В.К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. 2014. № 4 (28). С. 9–13.

Белозёров, Соловьёв 2015 – *Белозёров В.К., Соловьёв А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.

Валлерстайн 2003 – *Валлерстайн И.* После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

ван Кревельд 2015 – *ван Кревельд М.* Трансформация войны. – М.: Ирисэн, 2015.

Дельбрюк 2003 – *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Античный мир. Германцы. – Смоленск: Русич, 2003.

Домнин, Савинкин 2005 – *Домнин И.В., Савинкин А.Е.* Ассиметричное воевание // Отечественные записки. 2005. № 5 (26). С. 66–72.

Жирар 2010 – *Жирар Р.* Козёл отпущения. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

Жирар 2018 – *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего как молния. – М.: ББИ, 2018.

Калдор 2015 – *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

Клаузевиц 1997 – *Клаузевиц К.* О войне. – М., 1997.

Комлева 2017 – *Комлева Н.А.* Гибридная война: сущность и специфика // *Tempus et memoria.* 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 128–137.

Национальные военные стратегии... 2018 – Национальные военные стратегии США / сост. Д.В. Кузнецов. – Б.м.: Б. изд., 2018.

Панарин 2004 – *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2004.

Панарин 2004 – *Панарин А.С.* Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Соловьёв 2015 – *Соловьёв А.В.* Цивилизация и война // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ.* Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 52–62.

Сунь-Цзы 2003 – *Сунь-Цзы* Трактаты о военном искусстве. – М., 2003.

Фрагменты... 1989 – *Фрагменты ранних греческих философов.* Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989.

Хантингтон 1994 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис.* 1994. №1. С. 33–48.

Шмитт 2007 – *Шмитт К.* Теория партизана. – М.: Праксис, 2007.

Aron 1969 – *Aron R.* Les Désillusions du progrès. – Paris, Calmann-Lévy, 1969.

Brossollet 1975 – *Brossollet G.* Essai sur la non-bataille. – Paris: Belin, 1975.

Carrère 1969 – *Carrère R.* La guerre, cette inconnue // Guerre et paix. 1969. No. 1. P. 19–22.

Henrotin 2014 – *Henrotin J.* Techno-guérilla et guerre hybride. Le pire des deux mondes. – Paris: Nuvis, 2014.

Kudors 2015 – *Kudors A.* Hybrid War – A New Security Challenge for Europe // Background Notes of Latvian Presidency of the Council of the European Union. 2015.

Les dévastations allemandes... 1917 – Les dévastations allemandes dans les départements envahis, mars-avril 1917. – Paris; Nancy: Librairie Militaire Berger-Levrault, 1917.

Tardieu 1921 – *Tardieu A.* La Paix. Préface de Clémenceau. – Paris: Payot & Cie, 1921.

REFERENCES

Aron R. (1969) *Les Désillusions du progress.* Paris: Calmann-Levy (in French).

Belozеров V.K. (2014) Controlled Chaos and Global Political Strategies. *Geopolitika i bezopasnost'*. No. 4, pp. 9–13 (in Russian).

Belozеров V.K. & Soloviev A.V. (2015) Hybrid War in the Domestic Political and Scientific Discourse. *Vlast'*. No. 9, pp. 8–9 (in Russian).

Brossollet G. (1975) *Essai sur la non-bataille.* Paris: Belin (in French).

Carrère R. (1969) La guerre, cette inconnue. *Guerre et paix.* No. 1, pp. 19–22 (in French).

Delbrück H. (2003) *History of the Art of War. The Ancient World. The Germans.* Smolensk: Rusich (Russian translation).

Domnin I. & Savinkin A. (2005) Asymmetric Warfare. *Otechestvennye Zapiski.* No. 5 (26), pp. 66–72 (in Russian).

Girard R. (2010) *The Scapegoat.* Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House (Russian translation).

Girard R. (2018) *I See Satan Falling Like Lightning.* Moscow: BBI publishing house (Russian translation).

Henrotin J. (2014) *Techno-guérilla et guerre hybride. Le pire des deux mondes.* Paris: Nuvis (in French).

Huntington S. (1994) The Clash of the Civilizations? *Polis.* No. 1, pp. 33–48 (Russian translation).

Kaldor M. (2015) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era.* Moscow: Gaidar Institute Press (Russian translation).

Komleva N.A. (2017) Hybrid Warfare: Its Essence and Specificity. *Tempus et memoria.* Vol. 12, no. 3, pp. 128–137 (in Russian).

Kudors A. (2015) *Hybrid War – A New Security Challenge for Europe.* Background Notes of Latvian Presidency of the Council of the European Union.

Kuznetsov D.V. (Comp.) (2018) *National Military Strategies of the USA*. n.p. (in Russian).

Lebedev A.V. (Comp.) (1989) *Fragments of early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism*. Moscow: Nauka (in Russian).

Panarin A.S. (2004) *Strategic Instability in the 21st Century*. Moscow: Algoritm (in Russian).

Panarin A.S. (2014) *Orthodox Civilization*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publisher (in Russian).

Schmitt C. (2007) *The Theory of the Partisan*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Soloviev A.V. (2015) Civilization and War. In: Moshelkov E.N., Boitsova O.Yu., & Rastorguev V.N. (Eds.) *Philosophy of Politics and Law: Yearbook of Research Papers. Volume 6: Civilizations in the Era of Globalism* (pp. 52–62). Moscow: A.V. Vorobiev Publishing (in Russian).

Sun Tzu (2003) *Treatises on the Art of War*. Moscow (Russian translation).

Tardieu A. (1921) *La Paix. Préface de Clémenceau*. Paris: Payot & Cie (in French).

van Creveld M. (2015) *The Transformation of War*. Moscow: IRISEN (Russian translation).

von Clausewitz C. (1997) *On War*. Moscow (Russian translation).

Wallerstein I. (2003) *After Liberalism*. Moscow: URSS (Russian translation).

Welschinger H. (Comp.) (1917) *Les dévastations allemandes dans les départements envahis, mars-avril 1917*. Paris: Librairie Militaire Berger-Levrault (in French).

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-74-91

Original research paper

Оригинальная исследовательская статья

Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

B. Koch

Institute for Theology and Peace, Hamburg, Germany

Abstract

The paper argues that in our usage of moral language we relate three concepts: guilt, forgiveness, and reconciliation. This assumes that we can distinguish between external actions and internal executions, because guilt as well as forgiveness and reconciliation are realities that first affect our inner humanity. When a relationship has been damaged by culpable actions (sometimes even by both sides), forgiveness is the precondition of reconciliation. As long as people accuse each other, there can be no talk of true reconciliation. Although these are attitudes, that is, inner engagements, reconciliation also becomes outwardly recognizable as peace. However, these relationships can only be explained well in the connections of individual persons to each other. When political communities confront each other, our moral sense becomes fuzzy, because it is not so easy to say how such collectives (e.g., peoples) are to be determined in their inside and outside. Who can and may forgive, if other persons have become victims of culpable actions, but cannot forgive themselves? Here, then, the difficulty of individuality and collectivity is added. The essay pleads for maintaining the conceptual conjunction between individual and collective forgiveness. However, this should not be done at the price of a complete socio-ontological dissolution of collectives. Therefore, one must also be cautious about rash universalistic appropriation of the Other or the other group, because this is usually accompanied by a failure to recognize and endure the selfhood of the Other. Before it comes to a “false” reconciliation in this way, it is better to at least recognize each other – also in diversity. This should also be reflected in the rules of conflict, which must above all be oriented toward ensuring that conflicts are not carried out in such a way that the manner in which the conflict is carried out makes reconciliation impossible. But in both collective and individual reconciliation, the person does not have the outcome of the process entirely in his or her own hands. Reconciliation is not a technique, but a relational event that is carried out in a “space of the open.”

Keywords: social philosophy, philosophy of war, ethics, theory of conflict, conflict resolution, peaceful resolution, individuality and collectivity.

Bernard Koch – Ph.D., Professor, Deputy Director of the Institute for Theology and Peace (Hamburg).

koch@ithf.de

<https://ithf.de/en/blog/staff/pd-dr-bernhard-koch>

For citation: Koch B. (2021) Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 74–91.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-74-91

Вина – прощение – примирение – признание в вооруженном конфликте

Б. Кох

Институт теологии и мира, Гамбург, Германия

Аннотация

В статье обосновывается, что, размышляя о вопросах морали, мы связываем три понятия: вину, прощение и примирение. Это предполагает, что можно различать внешние действия и внутренние действия, т.к. вина, прощение и примирение – реальности, которые в первую очередь влияют на внутреннюю сторону человечности. Если отношения испорчены действиями, предполагающими вину (иногда даже с обеих сторон), прощение является предварительным условием примирения. Пока люди обвиняют друг друга, об истинном примирении не может быть и речи. Хотя и говорится о личных позициях, предполагающих внутреннюю вовлеченность, состояние примирения имеет и внешнюю составляющую – то, что мы называем миром. Однако это состояние можно объяснить только связями отдельных людей между собой. Если политические сообщества противостоят друг другу, наше понимание нравственного становится нечетким, потому что не вполне ясно, как границы таких социальных групп (например, народов) должны быть определены изнутри и снаружи. Возникает вопрос о том, кто может и имеет право простить, если люди, которые стали жертвами действий, предполагающими вину по отношению к ним, сами не могут даровать прощение. В данной ситуации проблема усложняется вопросами о личности и коллективе. В статье содержится призыв учитывать концептуальную связь между индивидуальным и коллективным прощением. Однако это не должно происходить ценой полного социоонтологического разложения коллективов. Нужно быть остo-

рожным и в отношении поспешного универсалистского присвоения Другого или другой группы, поскольку это обычно сопровождается неспособностью признать и выдержать самость Другого. Прежде чем таким образом произойдет «ложное» примирение, сторонам следует хотя бы признать непохожесть друг друга, что, соответственно, находит отражение в правилах ведения конфликта. В первую очередь они должны быть ориентированы на обеспечение возможности примирения. Но, как в коллективном, так и в индивидуальном примирении, результат процесса в полной мере не находится под контролем участников конфликта. Примирение – это не метод, а действие, связанное с отношениями и осуществляемое в «открытом пространстве».

Ключевые слова: социальная философия, философия войны, этика, теория конфликта, разрешение конфликтов, мирное разрешение, индивидуальное и коллективное.

Кох Бернад – доктор философии, профессор, заместитель директора Института теологии и мира (Гамбург).

koch@ithf.de

<https://ithf.de/en/blog/staff/pd-dr-bernhard-koch/>

Для цитирования: Кох Б. Вина – прощение – примирение – признание в вооруженном конфликте // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 74–91. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-74-91

Introduction: The difference between the inner and outer world

The greatest difficulty for our ethical thinking lies in the difference of internal and external perspectives that we can take of ourselves. For such philosophers as Thomas Nagel, subjectivity – also in moral reflection – has become a life-long subject. Because we somehow cannot achieve a unified theory of the subjective and the objective in ourselves, it purportedly makes sense to simply reduce one of these two sides to the other or to completely eliminate one of the two. For example, one can pretend that for ethical consciousness only the inner, the subjective should count, and everything that happens in the world of external things is irrelevant to ethics. This was the way of numerous classical philosophers and theologians, e.g., the Stoics, or Peter Abelard in the High Middle Ages. Kant's thesis that nothing in the world can be called truly good, except a good will, also fits in here [Kant 1997]. Much more widespread today, however, is the position that reduces the moral “inner life” of people to external changes or completely deletes it from the list of objects of ethical thought. In its most radical form, this approach is always found wherever artificial devices and machines are granted

with capacities of moral thought and action. Such reductionism has the “advantage” that we can also transfer the familiar ways of scientific thinking to the sphere of ethics. We can proceed from observation, form a theory, and then question the same and either correct or refute it with arguments – which are themselves in a certain way external. But before rashly venturing on ontological reductions, one should perhaps first acknowledge that the different ways in which moral facts are given to us – whether internally, subjectively or externally, objectively – are due to the different ways in which we look at the object: whether from a point of view that is outside, or inside. Perhaps the reference to the grammatical mode of expression here is quite illustrative: the first person or the third person mode of discourse.

1. Peace: external but dependent on internal attitudes

Now our social coexistence is indeed an “external” thing: it is the people in their empirical forms (Kant would say: as *homo phaenomenon*) who form a social community. Therefore – at least to a certain extent – the behavior of empirical people can be coordinated by an external set of rules – we speak of “law.” When peace ethics says that “peace through law” is to be achieved (cf. [Justenhoven, O’Connell 2016]), it means that the norms of law can coordinate the behavior of people who interact with each other in such a way that there are no violent actions that occur between them. One of the Latin Church Fathers, St. Augustine, used the expression *concordia*, that is, concord, for this coordinated life of a social community. Thomas Aquinas pointed out (quite correctly, in my opinion) – that this concept of concord is not sufficient for a full concept of peace: “Peace includes concord and adds something thereto. Hence wherever peace is, there is concord, but there is not peace, wherever there is concord, if we give peace its proper meaning” (*S. Th.*, II–II, q. 29, a. 1 [Thomas Aquinas 1916, 382]). Today, peace science distinguishes between positive and negative peace: negative peace can be achieved through legal coordination of behavior, but positive peace demands more. For Thomas Aquinas, this is the common aspiration toward the highest good and, ultimately, toward God. However, this orientation is no longer empirical data, but belongs to the inner side of a person. People – at least the “Western people”¹ – take this inner side particularly important for assessment

¹ Since the author himself belongs to this group, it is difficult for him to assess how these things behave in other cultural traditions, toward which he cannot take an inside view. There is indeed talk of a difference between cul-

of their own actions, and of other people. The reactive moral feelings are very different in a person who is riding on a bus and accidentally steps on another passenger's foot because the bus has braked abruptly, or in the same person who intentionally kicks another person on the foot. The "quantum of pain" in the foot may be the same in both cases, but the indignation at the behavior of the other person is quite different. The inner attitude counts – even when it comes to compliance with external legal norms. Anyone who adheres to the law because he or she knows that the law conveys and secures the freedom of all people and therefore acts in accordance with the law out of respect for his fellow human beings behaves differently than someone who, fearing punishment but with great inner reluctance, adheres to the legal norms or follows the established patterns of his social role. If, in a social community, people accept the legal co-ordination of conduct only in the second sense, that is, with reluctance, but fear punishment – that is, living in a Hobbesian state – it is difficult to say that this is true peace. Violence is latently hanging over this community all the time, and as soon as the fear of punishment ceases, an outbreak of violence is to be expected.

2. Guilt and forgiveness (in terms of moral language)

Thus, the inner side of our moral life does matter. It is especially important in view of the peaceful coexistence of people, where it is important that no hostile, vindictive, or resentful moral feelings prevail against each other. People, despite all their efforts, repeatedly do wrong to other people, so it is no wonder if feelings of retribution prevail among victims of wrong-doing. Since retribution itself is often perceived as wrong by those against whom it is directed, there is also a new violent urge on this side. Thus, there is no escape from the eternal cycle of violence or from the unraveling spiral of violence. The alternative way of dealing with injustice and past violence lies in reconciliation. But reconciliation presupposes that the other is forgiven for his wrong-doing², through which – as we often say in moral lan-

tures of guilt and those of shame, and in the "West" they rather speak of the "cultures of guilt," while "cultures of shame" are supposed to be "Eastern." Cf. [Lotter 2012].

² Cécile Fabre denies this for a political reconciliation [Fabre 2016, 253–257]. In her view, reconciliation requires trust [Fabre 2016, 257–260], but not forgiveness. It seems to me that in two respects her considerations are different from those employed here. (1) Fabre has a political reconciliation in mind, and starts from the outset with collectives (which is not necessarily obvious, from a cos-

B. KOCH. Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

guage – guilt has arisen. Thus, the connection of these three concepts is marked: guilt – forgiveness – reconciliation. Reconciliation – that is how I define the terms here – requires forgiveness: forgiveness presupposes that a fault has occurred³.

In his work *On the Genealogy of Morality*, Friedrich Nietzsche subjected the moral concept of guilt to sharp criticism:

How, then, did that other ‘dismal thing’, the consciousness of guilt, the whole ‘bad conscience’, come into the world? [...] Have these genealogists of morality up to now ever remotely dreamt that, for example, the main moral concept ‘Schuld’ (‘guilt’) descends from the very material concept of ‘Schulden’ (‘debts’)? [...] The debtor, in order to inspire confidence that the promise of repayment will be honoured, in order to give a guarantee of the solemnity and sanctity of his promise, and in order to etch the duty and obligation of repayment into his conscience, pawns something to the creditor by

mopolitan point of view). However, since political forgiveness is usually vicarious, which is impossible, a dependency of reconciliation on forgiveness seems to lead to a situation where reconciliation can hardly occur. Fabre formulates a significant challenge, but does not the question of trust arise in a similar way? Can there be a vicarious trust? – (2) Fabre’s peace-ethical vanishing point is not an ideal positive peace, but Just Peace “all things considered,” i.e., a peace that is actually implementable. Thus, Fabre rather rejects the visionary or utopian moments of political ethics. This is different in these considerations here. A conceptual structure is sketched below, to which reality can probably approach at best.

³ If A and B are unreconciled, then A may have committed a moral error that B suffers from. So, for reconciliation, it would be necessary for B to forgive A for the mistake. It may also be that A has not committed a moral error, but B unjustly accuses him of a moral error. Then B commits a moral error, which A has to forgive if reconciliation is to take place. – The concept of “reconciliation” that I use here is therefore much more demanding than the concept of reconciliation that can be found in political or political-ethical debates. A very broad concept of this reconciliation can be described as “improvement in the relationship between two or more parties who were previously in conflict” [Radzik & Murphy 2015] but a good part of the point of reconciliation is lost with such a “functional” definition. In addition, one would have to ask what can be considered an “improvement” at all. When is a relationship “good”? – From this determination that is used here and goes even more into the ontological, also follow other controversial things in the current discussions, e.g., that reconciliation is only possible between parties who know each other, who share a common history in which culpable action has taken place, etc. “Reconciliation” in its basic sense does not express a “scalar concept” here either, but a perfection. So one is not “more or less” reconciled, but only “reconciled” or not. But conceptual perfection, of course, does not mean that reality lags behind the conceptual ideal. It is similar with the concept of peace, which is also a concept of perfection.

means of the contract in case he does not pay, something that he still ‘possesses’ and controls, for example, his body, or his wife, or his freedom, or his life... But in particular, the creditor could inflict all kinds of dishonour and torture on the body of the debtor, for example, cutting as much flesh off as seemed appropriate for the debt: [...] Let’s be quite clear about the logic of this whole matter of compensation: it is strange enough. The equivalence is provided by the fact that instead of an advantage directly making up for the wrong [...] a sort of pleasure is given to the creditor as repayment and compensation, – the pleasure of having the right to exercise power over the powerless without a thought. (...) So, then, compensation is made up of a warrant for and entitlement to cruelty [Nietzsche 2006, 39–41].

For Nietzsche, the concept of guilt serves to legitimize cruelty. By using the concept of guilt, one can legitimately injure others, even cut flesh out of their bodies, as it is presupposed in Shakespeare’s *The Merchant of Venice*. Thus, the use of the concept of guilt ultimately serves to subjugate others and exercise power over them.

In fact, the concept of guilt as such is not unproblematic. Nietzsche’s analysis can be enhanced even more psychologically (psychoanalytically): someone may use the concept of guilt to suppress another person and make their guilt clear to themselves. But the person subject to – supposed – guilt may also suppress it himself because he perceives the guilt in a sense of guilt and this may lower his self-esteem. It allows a non-determined external power (the “superego,” for example) to rule over one’s own consciousness and thinking – and this mostly happens unconsciously. The feeling of guilt can so oppress people in their self-esteem that they may harbor the will to self-destruction.

But an analytical consideration must distinguish between guilt (as a concept of our moral language that pretends to denote a moral fact) and the feeling of guilt as a psychological fact. The fact that the feeling of guilt can have destructive effects does not yet constitute an objection to the existence of guilt as such. As Nietzsche rightly points out, guilt represents a relational attitude that takes its starting point in an exchange relationship. Guilt indicates that the relationship between two subjects in an exchange is not balanced (yet). True, A has already given B something, but B has not yet returned it to A. B is A’s debtor. B can now pay the debt, that is, give A what he owes him, or A may waive his or her right to get from B what is still outstanding for payment. In the second case, the debt may be settled from a legal or economic point of view, but there may still be a moral grudge, because B cannot repay the debt waiver on his part.

3. The ontological consideration (speculation) on guilt

Humans very early developed an awareness that they are fundamentally in debt, namely that which has to do with their individual identity. That we are there, that there is us, and that there is me as an individual, I could not afford that out of myself, but it came from an exterior from where I received something without giving anything back. If we refer to this circumstance with the concept of guilt, then we can say that we stand here in a fundamental original guilt. However, we are only temporarily in this debt, because through our death we return to the de-individualized primordial mass and thus atone for our “misdemeanour” of ontological individualization. This would restore ontological justice. However, things are worse: as individuals, we become the cause of destruction of other individuals – in the worst case, by the intentional killing of another: Cain slays his brother Abel (Gen. 4:1–16). Here the question of guilt arises on a twofold level: (1) The one who destroys can no longer compensate for destruction in relation to the destroyed, because the destroyed (e.g., the murdered person) no longer exists. (2) He or she could destroy him- or herself, but would thereby be indebted to the one who first placed him in this individual existence; he would therefore have to be destroyed by another. (In Gen. 4:15, Cain therefore receives a sign placed on the body that protects him from destruction by others, but thereby condemns him to the permanent guilt-laden continuation of his life.) The murderer is indebted to the murdered person, but at the same time he is also indebted to the creator of the murdered person – and in the case of suicide he is indebted to his own creator.

These connections of the thoughts of guilt and atonement have strongly shaped man’s moral consciousness—especially the “inside” of moral consciousness. It obviously does not seem to be simply about an emotional state that could be clarified by therapeutic interventions, just as one treats a pathological anxiety disorder in psychological practice. Such a feeling of guilt is based on propositionally expressible thoughts, which can also be questionable. It is not irrational emotivism that forms the basis of the consciousness of moral guilt, but cognitivism. The connection between culpable acts of destruction, which are atoned for by other acts of destruction, i.e., the connection between violence and retribution, is therefore not irrationalism, which could simply be clarified by “correct thinking,” just as we have learned through more precise knowledge that it is not the sun that revolves around the earth, but the other way round. Yet this connection of violence and

retribution makes its account without the – enigmatic – freedom. We humans are able to desist from the guilt of another person toward us and to forgive it. In the religious perspective, where God is accepted, who in some way represents absolute freedom, this very God can also forgive *par excellence*.

Forgiveness is only conceivable as a free act and therefore an “inner” process in a person. Forgiveness loses its character when it is imposed or enforced from the outside. It is no longer forgiveness as such, even when it is phrased so. No act of atonement can compel a victim to forgive a wrongdoer, even if the victim may express such forgiveness for reasons of social conformity⁴. In this sense, forgiveness is like grace: it cannot be brought about by a mechanism. It is absolutely “non-technical,” even “anti-technical”⁵. The difficulty is that this inner act is never fully visible from the outside, so that even the person who has been forgiven can never be completely sure whether he or she has been forgiven, and this is not reversible⁶. We perceive physical reactions, linguistic expressions and gestures, relate them to our own internal circumstances, and generally get a very good sense of whether another person sincerely asks for forgiveness and sincerely forgives. Sometimes we also have a subjective certainty, but this cannot then be represented objectively to the same extent as, for example, the trajectory of an asteroid or chemical reactions.

4. Reconciliation between people

When people desist from the guilt of the other and forgive him, this becomes a prerequisite of reconciliation. Actually, forgiveness forms

⁴ The field of guilt, forgiveness and reconciliation is very subtle. Thus, punishment or the conviction for reparation payments may be desired by the offender because he hopes that the victim will now have to forgive him. But the external actions cannot force the consciousness.

⁵ So forgiveness in the sense of changing an inner attitude is not simply a waiver of rights toward another person. This would be a more “functional determination” of forgiveness, in which a meaningful distinction can also be made between conditioned and unconditioned forgiveness. With the “ontological definition” of forgiveness made here, forgiveness is always unconditioned. A consideration such as: “If he gives me \$ 300, I will forgive him” is meaningless: maybe he gives me \$ 300, and yet I am unable to forgive.

⁶ In this sense, forgiveness and trust are not alternatives, but complementary: forgiveness must also be trusted. However, trust can quickly be read purely functionally: in order for cooperation to be possible in the future, trust is instrumentally necessary. However, a purely functional view does not do justice to the connections here.

B. KOCH. Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

the basis for reconciliation. Law is a prerequisite for negative peace, in that the coordinated management of behavior – or the “balance of interests” – is achieved precisely by following the normative requirements of the law. If there is no law, the normative requirements cannot be followed. But the law is not the cause of negative peace, because the right itself does not guarantee its observance (except, perhaps, under sophisticated totalitarianism). Totalitarian law sanctions any deviation, and the sanctioning body itself is then subject to a threat of sanction if it fails to enforce a sanction. It is doubtful whether such a totalitarianism could be established at all. Perhaps one day ‘artificially intelligent’ robots could be subject to such a total system of law (total software technologies). In the case of robots, however, there is also no difference between the internal perspective and the external perspective, between the first and the third person. People, on the other hand, must once again decide to comply with the law themselves. The resolution to law-abidance is the (inner) cause of negative peace.

Reconciliation is not to be understood in the sense of a negative peace⁷. If people behave in such a coordinated way that there is no violence, this certainly does not mean that these people become reconciled. They are not reconciled even if they follow the norms that govern their coordinated behavior out of insight and consent. Reconciliation does not mean agreeing to behavioral norms, but bringing the other person to approve of his existence. In this sense, reconciliation is “more” than negative peace, but “less” than the positive peace presented by Thomas Aquinas, because according to him, different people look in the same direction to the supreme good, which for the Father of the Church is ultimately God. We would rather say today that joint “projects” are pursued in positive peace. Reconciliation does not require this harmonization of the line of sight, but it requires recognition of

⁷ It seems plausible to me what Cécile Fabre says about the graduality of political reconciliation (despite footnote 6): “There are lesser and greater modes of political reconciliation, of course – just as there are lesser and greater modes of reconciliation in interpersonal relationships” [Fabre 2016, 247]. However, I do not believe that the reconciliation effort increases proportionally with the level of violence of the conflict. Fabre says: “The bloodier, longer, and more encompassing the conflict was, the more do reconciliatory processes require attitudinal changes” [Fabre 2016, 250]. It seems to me that, under certain circumstances, a very violent conflict, in which both parties to the conflict experience their own abysses and are frightened by them, can facilitate reconciliation. For the knowledge of one’s own faults and limitations will facilitate forgiveness. – But of course this does not mean that the conflict should be as violent as possible.

the other as an equal. (In this, being reconciled is also something other than tolerance. Tolerance accepts [lat. *tolerare* “bear,” “endure”] the other, but nevertheless assumes its own primacy – e.g., the conviction that I know better. Through forgiveness, the asymmetry of being in debt is removed and different people can meet and acknowledge each other as equals. Since, as we have pointed out, the internal relations of people play a decisive role in forgiveness, and we can therefore never be completely sure of the status of forgiveness and then also of recognition, an advancement of trust is always necessary for reconciled relationships. So reconciliation here does not presuppose that people share the same opinion or value or strive for the same goals.

But reconciliation presupposes reciprocal goodwill – the Christian tradition speaks of “love” – which can also be manifested in the fact that one wants to win someone else over for a certain value conviction – nonviolently, e.g., through discussion – and in this sense is stronger than a mere *concordia*, which is about legally compliant and coordinated behavior of people. Reconciliation is a process, and being (factually) reconciled is probably not well to be understood as an absolute state, which is either completely fulfilled or not fulfilled at all, but which is realized partially.

5. Reconciliation in politics

This brief sketch of a connection between guilt, forgiveness and reconciliation first of all focuses on the relationship of individual people to one another⁸. We have seen that there is a significant difficulty in the fact that people can look at each other in their “inner view” from the “first-person perspective,” while they meet the other from the outside only in the “third-person perspective” – which does not exclude that someone distances from himself in such a way that he or she can also perceive him- or herself in the third person. If we now do not think about interpersonal guilt, which was generated, for example, by violent action, but take into account collective acts of violence, that is, war and the indebtedness arising from it, then we are faced with another huge methodological problem, namely the collectivization of individual people into a political community or a people. When it comes

⁸ Moreover, this sketch did not distinguish between the different relationships of people to each other: we can indeed relate to each other as colleagues at work or as friends. Sometimes one relationship distresses the other, so that, for example, one abandons a work relationship in order to save the friendship. But here the focus was initially placed on our personal relationship to each other.

B. KOCH. Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

to political reconciliation, there is also another difficulty – depending on the conceptual definition of the “political” – that communities are also formed (in part at least) from antagonisms, i.e. not only through inner unity or inner harmony but precisely out of opposition to others. In such an understanding of political reality, the universal social world can never be completely reconciled, because internal attachments presuppose external opposition (cf. [Mouffe 2007]). Perhaps Jews and Christians, who see themselves more as the chosen people of God and thus in a “special existence,” can cope more easily with this than Muslims or philosophers of cosmopolitan traditions⁹.

Thus, as we have approached the issue of reconciliation here, the central question is whether guilt, and therefore forgiveness, can be collectivized. Do Russians as such exist? Do Germans and Poles as such exist? Can Poles and Russians forgive Germans the injustices of the Second World War? Vladimir Jankélévitch could not forgive Germans the crimes of the Holocaust, which go beyond all dimensions [Jankélévitch 2003, 243–282], but could he forgive at all? The murdered people are dead; what presumption would it be for him, as a survivor, to forgive the murderers? Then, is there no forgiveness for killing? Or can collectives that still exist forgive each other, so that “the Jews” forgive “the Germans”? And how is this to be done? We understand how Eva Mozes Kor, who was used as a child by Joseph Mengele in heinous medical experiments, forgives another SS doctor, Hans Münch, during an encounter and can thus step out of the “shadow of the victim role into which alien will pushed her and which she herself assumed” [Gerl-Falkovitz 2016, 13]. We too recognize human greatness in this act and realize that forgiveness can be a “path of liberation for victims and executioners” [Gerl-Falkovitz 2016, 13]. But with collectives, the problem arises synchronously and diachronically: not all members (of course, far too many, but not all of them) wanted the crime to happen at the time of the crime, and not everybody in the group of victims wanted and want forgiveness. Over time, there are descendants of those who wanted the crimes, but these descendants themselves were not involved in the crimes. “The Germans” of 1940 are no longer “the Germans” of 2022. Migration has greatly changed the population of the country.

Many people who are Germans today no longer find a personal connection to the crimes because their families immigrated from other

⁹ In Germany, a “cosmopolitan” interpretation of Christianity has certainly dominated for decades.

countries or mixed with people from other countries. So if we see reconciliation as a process (and not just as a result of a process), it looks like there can be no reconciliation between collectives at all because these collectives constantly change and renew themselves. We seem to be dealing with a “collective non-identity problem”¹⁰.

On the other hand, the question at what pace to allow such internal changes in a political collective requires political decisions. Some states obviously place more emphasis on broad ethnic homogeneity or at least continuity in lineages, and others less so. However, it is difficult to see that it should be fundamentally inadmissible for a political community to attach some importance to a certain “biological” connectedness. The very open migration policy of certain “Western” states – especially Germany – does indeed carry the risk that the awareness of the common guilt resulting from the criminal wars of the past will fade away or be domestically transferred to a part of the population (the “indigenous people”). But “biological” continuity alone cannot secure awareness of the shared guilt. It seems to me that in collective reconciliation, the recognition of others as others plays a very decisive role. In this respect, individual and collective reconciliation may differ: while in individual reconciliation we can often fall back on the common, as awareness that both persons are human, and that the roles of victim and perpetrator perhaps could have been distributed differently in different historic conditions (a form of “moral luck,” as Thomas Nagel says), in collective reconciliation we must probably take greater account of diversity, because in political collectives there is higher probability of different self-constitutions. If you will, you can say: individuals also design themselves to some extent, but the proportion of “nature” that is given to them is greater than in political communities, which are predominantly based on a common setting as a community. But since reconciliation cannot be understood only functionally, but rather means that for reconciliation of A and B, A and B must also recognize each other as what they want to be recognized, if reconciliation is to take place at all. Reconciliation does not happen when A says to B: “If you were B*, I would reconcile with you or ask your forgiveness or grant you forgiveness.”

6. The problem of universalist appropriation

Today, especially in “Western” philosophy, the idea of reconciliation is often associated with universalism or cosmopolitanism. Usually, the

¹⁰ On the “non-identity problem” on the individual level see: [Parfit 1987, 351–379].

B. KOCH. Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

underlying idea is that only those who understand that they belong together can reconcile with each other. Then, if a political group still insists on its particular identity in contrast to other particular identities, it easily exposes itself to the reproach that it would delimit itself, divide and fail to reconcile. But this view of things is, first of all, conceptually wrong, and secondly, even dangerous. Conceptually, the Latin word *conciliare*, from which the English “reconciliation” takes its origin, means “to win for oneself,” “to win (to one’s friend),” “to unite,” “to connect.” Thus, it is about the connection of previously unconnected items, that is, separate or individual ones. The “re-conciliation” connects previously connected things, but the very fact that it can be reconnected shows that it could be for itself. So reconciliation presupposes two whole entities, not one whole, from which (unfortunately) parts are split off. Of course, even in families that are united and then quarrel, there can be a reconciliation that restores the unity of the family. But this reconciliation is also possible only because each member of the family also has his own existence for himself¹¹. Reconciliation is different from reunification¹². “The relationship should be resumed or healed.”

The material danger, which consists in the neglect of the particular self-status of persons and political communities, lies in the fact that it is precisely in the universalist appropriation that a radical exclusion exists. The Catholic philosopher Robert Spaemann, who died in 2018, showed this in his impressive speech entitled “Sarastro’s Hate”: at first, the enlightened speech of Sarastro in his aria in Mozart’s opera *The Magic Flute* looks impressive and filled with a great humanistic and universalist-Enlightenment ethos. But Sarastro goes on to say: “Those who do not enjoy such teachings do not deserve to be human.” At least in relation to non-universalists, the universalists also give up their universalism¹³. Spaemann delivered his lecture at a Wiesenthal conference in Vienna in 1998, in which the Holocaust and the situation

¹¹ That this own existence – as the Communitarians and more recently Judith Butler [Butler 2020] point out – is based to a large extent on social constitution does not refute this assertion, but it certainly does show the complex interweaving of levels that must be considered here.

¹² The old Federal Republic of Germany and the new federal states of the German Democratic Republic joined forces in 1990 in a reunification; but Germany and the Netherlands have quite successfully reconciled politically since the 1950s.

¹³ Boris Kashnikov puts forward a similar thought when he speaks of “humanitarian terrorism” [Kashnikov 2022].

of the Jews were particularly commemorated. The Enlightenment-universalist point of view urges the overcoming of particularity, but it is precisely in this way that it misses the particularity of persons and groups. This inability to recognize the other as another and to relativize oneself in it leads to total wars and makes reconciliation impossible. The others are either appropriated or radically excluded. The fight against the terrorists after the events of September 11, 2001, who were considered to be opponents of humanity, shows such traits of the urge to eliminate. It is little use to appeal to universal human rights when there is no fundamental recognition of those who reject them. At best, it stimulates hatred on both sides. “Saraastro, who humiliates the Queen of the Night, will not overcome her hatred by singing arias against the spirit of revenge” [Spaemann 2001, 192]. Part of the willingness to reconcile is to learn to live with the fact that one should not assume that everyone should recognize one’s own truth just as oneself recognizes it. It is part of the willingness to reconcile that one recognizes others in their concept of humanity, even if they consider something other than what one considers to be constitutive of humanity.

Of course, the complex issues of reconciliation and (moral) law are connected here, e.g., the problem of returning goods that have been wrongly taken, or of just compensation, when wrongfully taken goods can no longer be returned. Here, we should consider prerequisites of the right of ownership and also of fair acquisition of property [Waldron 1992, 4–28], which in turn can presuppose images of human beings and thus give rise to new conflicts. In any case, the willingness to reconcile presupposes immediate return or replacement of goods that have been unlawfully seized, in accordance with one’s own legal ideas, and at least the willingness to consider the reasons why other parties to the conflict may consider other goods to have been wrongly seized.

Conclusion: recognition in conflict

It is more important for reconciliation that the perpetrators acknowledge their guilt than that the victims can persuade others to condemn the perpetrators for their guilt. In many cases, this will mean admitting guilt of all parties to a conflict. Criminal law is a delicate instrument in the process of reconciliation. As long as an existing debt (possibly on all sides) is not recognized, the prospect of true reconciliation will probably remain meager. Guilt, forgiveness and reconciliation are neither technical characteristics nor technological processes. They

B. KOCH. Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

cannot be reproduced with functional algorithms¹⁴. Just as “peace through law” cannot be produced technically, certain explanations, gestures or language cannot force reconciliation. In wars, people make experiences, both individual and collective. They experience how to become a victim of violence, and also how to become a perpetrator. They also discover in themselves what theological language has called “evil.” They experience guilt, and if they are mindful, they discover this guilt not only in others, but also in themselves. Not every act of violence inside and outside of wars and armed conflicts can be healed by appealing for forgiveness and acts of forgiveness. But the fact that the violence of war takes place in a formalized framework can, under certain circumstances, significantly reduce the burden of guilt and also of the sacrifice. In this sense, International Humanitarian Law (IHL) provides such a regulatory framework for war, which does not from the outset qualify certain parties to the conflict as higher or lower ones, but first gives equal recognition to all parties to the conflict. The law itself can play a role conducive to reconciliation. In this sense, Kant’s requirement for the *ius in bello* is a very apt one:

The greatest difficulty in the Right of Nations has to do precisely with Right during a war; it is difficult even to form a concept of this or to think of law in this lawless state without contradicting oneself (*inter arma silent leges*). Right during a war would, then, have to be the waging of war in accordance with principles that always leave open the possibility of leaving the state of nature among states (in external relation to one another) and entering a rightful condition (*The Metaphysics of Morals* § 57 [Kant 1991, 153]).

No State at war with another shall adopt such modes of hostility as would necessarily render mutual confidence impossible in a future peace (*Eternal Peace*, 6th Preliminary Article [Kant 1914, 74]).

But International Humanitarian Law does not itself grant forgiveness or reconciliation. Reconciliation, like peace, is based on attitudes. It is

¹⁴ However, there seems to be one aspect that actually contains something “functional” or at least “teleological” in it: forgiveness and reconciliation should not demand “reparation” or “atonement” that only harms both sides. It actually seems archaic or irrational when, for example, Tristan and Isolde in Richard Wagner’s musical drama want to die together as a mutual atonement. (However, from the point of view of the protagonists, this is not a “damage,” but a liberation, i.e., a good.)

important to conduct war in such a way that not hatred, but recognition – be it the recognition of the opponent as an opponent – is the dominant “reactive attitude”¹⁵ toward the opponent. Sometimes hatred (ready for annihilation) can be avoided by the existence of formalized ways, even violent ones, in which opposition can be channeled and carried out according to rules that prevent the worst. Of course, it is always important to defuse such opposition in advance, so that the path of violence does not have to be taken at all. Here, too, processes that are subject to legal normativity and are formalized in this way will help. But the process does not ensure the attitude to the process or the attitude toward the other. In this respect, willingness to reconcile must be practiced as a virtue, and on the other hand, one should be careful about one’s own actions that they are not understood as hostile. Reconciliation is not completely “under control,” or easy to secure by mechanisms. We have to admit that reconciliation expresses perfection on the one hand, but reality must fall short of a purely static perfection for the very reason that reconciliation is not intended to drown historical injustice, but to preserve it in memory¹⁶. In this respect, one can use a body metaphor: Of course, the scars will remain there. We also have to put up with the fact that reconciliation-oriented action involves acting into an “open” space and verifiability is limited because of the weight of the inside of our moral action (“Did she really forgive me, or was it just her strategy?”). This is naturally difficult for a secular society that has abandoned the idea of a history-making power. In this sense, the “death of God” proclaimed by Nietzsche did not make man freer, but placed him under the dictate of reason constantly oriented toward control and optimization. But even here, as some political conflicts between “Eastern” communities shaped by religious values and “Western” communities linked to religious indifference show, there is a need for reconciliation.

REFERENCES

- Butler J. (2020) *The Politics of Nonviolence*. New York: Verso.
Fabre C. (2016) *Cosmopolitan Peace*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁵ See the talk of “reactive attitudes” [Strawson 1962].

¹⁶ The question whether some events should simply be forgotten can be left open at this point. However, it is also questionable whether such forgetting is possible at all – or whether an attempt at deliberate forgetting is actually only postponed. The work of historians and truth commissions is also not entirely without ambivalence.

B. KOCH. Guilt – Forgiveness – Reconciliation – and Recognition in Armed Conflict

Gerl-Falkovitz H.-B. (2016) *Verzeihung des Unverzeihlichen? Ausflüge in Landschaft der Schuld und der Vergebung*. Dresden: Verlag Text & Dialog (in German).

Gründel J. (2001) Versöhnung. VI. Theologisch-ethisch. In: *Lexikon für Theologie und Kirche* (Vol. 10). Freiburg; Basel; Wien: Herder (in German).

Jankélévitch V. (2003) Verzeihen? [Pardonner? (1971)]. In: Jankélévitch V. *Das Verzeihen. Essays zur Moral und Kulturphilosophie* (pp. 243–282). Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Justenhoven H.-G. & O’Connell M. E. (Eds.) *Peace through Law? Reflections on Pacem in Terris from Philosophy, Law, Theology, and Political Science*. Baden-Baden: Nomos.

Kant I. (1914) *Eternal Peace, and Other International Essays*. Boston: The World Peace Foundation.

Kant I. (1991) *The Metaphysics of Morals* (M. Gregor, Ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kant I. (1997) *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (Mary Gregor, Ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kashnikov B. (2022) Technology, Justice, and the Return of Humanitarian Terrorism. In: Koch B. & Schoonhoven R. (Eds.) *Emerging Military Technologies. Ethical and Legal Perspectives*. Leiden: Brill (forthcoming).

Lotter M.-S. (2012) *Scham, Schuld, Verantwortung. Über die kulturellen Grundlagen der Moral*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Mouffe C. (2007) *Über das Politische. Wider die kosmopolitische Illusion*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Nietzsche F. (2006) *On the Genealogy of Morality* (K. Ansell-Pearson, Ed.; C. Diethe, Trans.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Parfit D. (1987) *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press.

Radzik L. & Murphy C. (2015, May 11) Reconciliation. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/entries/reconciliation/>

Spaemann R. (2001) Der Hass des Sarastro. In: Spaemann R. *Grenzen. Zur ethischen Dimension des Handelns* (pp. 181–193). Stuttgart: Klett-Cotta (in German).

Strawson P. (1962) Freedom and Resentment. *Proceedings of the British Academy*. Vol. 48, pp. 1–25.

Thomas Aquinas (1916) *The “Summa theologica.” Part II (Second part). QQ. 1–46*. London: Burns Gates & Washbourne Limited.

Waldron J. (1992) Superseding Historic Injustice. *Ethics*. Vol. 103, no. 1, pp. 4–28.

Философские предпосылки проекта вечного мира Сен-Пьера

А.А. Кротов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

В статье анализируются традиционные и новаторские мировоззренческие составляющие социально-политического учения Сен-Пьера, развитого в труде «Проект установления вечного мира в Европе». Размышляя о политической перспективе человечества, аббат выдвигал на первый план психологические мотивы, определяющие, на его взгляд, деяния властителей. Он исходил из представлений о неизменности человеческой природы. Мировосприятию Сен-Пьера свойственно убеждение в том, что итоговые формы правления уже присутствуют в его эпоху и трансформации не подлежат. Согласно его точке зрения, не следует изменять существующее политическое устройство, сложившееся в различных странах, надлежит лишь дополнить его надгосударственным коллективным органом, уполномоченным осуществлять международный арбитраж. Ссылаясь на замысел Генриха IV об установлении мира в Европе, Сен-Пьер не повторял его буквально, хотя в целях пропаганды своих идей позиционировал себя как простого последователя великого монарха. Провозглашая ориентацию на беспристрастный разум, аббат придавал особое значение убеждению правителей в том, что ведение войн не выгодно ни лично, ни подвластным им народам. Он связывал счастье с богатством и процветанием общества, подчиняя политику морали. Признавая прогресс в интеллектуальной и экономической сфере, видел в войнах фактор, задерживающий движение человечества вперед. В отличие от большинства философов-просветителей, Сен-Пьер не придерживался антиклерикализма, полагая, что к объединению европейских стран со временем присоединятся и остальные государства, хотя этот процесс наверняка окажется длительным. Юридической стороне вопроса, формальному соглашению он придавал исключительное значение, во многом недооценивая различия в экономической сфере.

Ключевые слова: проекты вечного мира, идея объединенной Европы, философия эпохи Просвещения, французская философия, социальная философия.

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель председателя федерального УМО по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение».

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Для цитирования: Кротов А.А. Философские предпосылки проекта вечного мира Сен-Пьера // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 92–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-92-109

Philosophical Premises for Saint-Pierre’s Project of the Perpetual Peace

A.A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the traditional and innovative worldview components in the political doctrine of Saint-Pierre, developed in his work *Project for the Establishment of Perpetual Peace in Europe*. Reflecting on the political prospects of mankind, the abbot highlighted the psychological motives that, in his opinion, determine acts of rulers. He proceeded from the idea that human nature does not change, his worldview is characterized by the belief that the final forms of government are already present in his epoch and are not subject to transformation. In his view, the existing political structure prevailing in various countries should not be changed, but there should be formed a supranational collective body, authorized to carry out international arbitration. Referring to Henry IV’s plan for universal peace in Europe, Saint-Pierre did not literally repeat it, although in order to promote his ideas he presented himself as a follower of the great monarch. Proclaiming the value of impartial reasoning, the abbot attached particular importance to convincing the rulers that war is not beneficial to them personally or to their subjects. He connected happiness with the wealth and prosperity of society, subordinating politics to morality. Recognizing progress in the intellectual and economic spheres, he treated wars as a factor impeding mankind’s progress. Unlike most philosophers of Enlightenment, Saint-Pierre did not adhere to anticlericalism. He believed that the other states would join gradually join united Europe, although this process would certainly be very long. Saint-Pierre attached exceptional importance to the legal side of the issue, to the formal agreement, and he definitely underestimated economic differences among nations.

Key words: projects of perpetual peace, conceptions of European unity, philosophy of the Enlightenment, French philosophy, social philosophy.

Artem A. Krotov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of History and Theory of the World Culture, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Chairman of the Federal Educational and Methodological Association (cluster “Philosophy, Ethics, and Religious Studies”).

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

For citation: Krotov A.A. (2021) Philosophical Premises for Saint-Pierre’s Project of the Perpetual Peace. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 92–109.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-92-109

Введение

Проект аббата Сен-Пьера (1658–1743), направленный на искоренение войн, всегда вдохновлял тех, кто стремился к аналогичному результату. В этом плане его идеи исключительно важны не только для понимания его эпохи. Поэтому обращение к этим идеям с целью анализа объединяющих их философских предпосылок способствует прояснению особенностей развития одной из влиятельных линий европейской мысли. В тезисах аббата, в принадлежащих ему формулировках статей будущего мирного договора прослеживается целостное мировосприятие. Рассмотрение его специфики позволяет исследовать проблемы, характеризующие многоаспектный процесс формирования просветительской идеологии.

Прогресс и психология.

Принципы международного арбитража

«Проект установления вечного мира в Европе» (1713) предполагал теоретическое «проникновение» в сущность глубоких причин войны при условии рассмотрения разума в качестве важнейшего инструмента отыскания надежного решения. Ориентация на разум – одна из ключевых установок эпохи Просвещения. Но при этом существенно, разумеется, как именно она реализуется. Автор проекта сообщает во введении к своему труду о том, что ему потребовалось около четырех лет для поиска верных средств, избавляющих человечество от неисчислимых бедствий. Его за-

мыслей охватывает прежде всего «христианские государства». Однако это не означает, что население других стран не следует принимать во внимание. Напротив, он надеется, что со временем войны исчезнут повсеместно. Начать нужно с Европы, затем добиться распространения мирных отношений на все народы. Если сразу предлагать планы всепланетного единения, они наверняка вызовут сомнения в практической осуществимости, не встретят широкомасштабной поддержки. Следовательно, сначала целесообразнее обратиться к менее амбициозному, но вместе с тем и более обозримому проекту.

Вопросы политического управления, с точки зрения Сен-Пьера, в наибольшей степени заслуживают внимания добрых граждан. Поэтому его проект вправе рассчитывать на значительный интерес со стороны многих современников, даже самых великих из них. Возможность вечного мира напрямую зависит от того, насколько природа суверенитета сопряжена с бедствиями войны. Аббат стремится доказать отсутствие необходимой связи между ними. Споры между государствами принято решать насилием, но подобная практика – это не вечная, неизбежная судьба человечества. Несомненно, Сен-Пьер находился под сильным впечатлением многолетней войны за испанское наследство. Грабежи, поджоги, убийства, бесчисленные тяготы, выпадающие на долю людей, – все это побуждает мыслителя к поиску подходящих средств исцеления политических обществ.

Чтобы искоренить войны, согласно Сен-Пьеру, следует осознать недостаточность принимавшихся против них мер. Лекарство избиралось неэффективное, потому не было и результата, выздоровления. Между тем гарантией выполнения взаимных обязательств должен служить международный арбитраж. Но не временный, а постоянный, охватывающий все государства Европы. Образцом для него могли бы служить принципы, на основе которых создавались Голландия, Швейцария и прежде всего Священная Римская империя. Арбитраж следует передать в ведение нового политического образования – Европейского союза.

В его состав, согласно Сен-Пьеру, могли бы войти двадцать четыре державы (каждая с правом одного голоса): Франция, Испания, Англия, Голландия, Савойя, Португалия, Бавария, Венеция, Генуя, Флоренция, Швейцария, Лотарингия, Швеция, Дания, Польша, Папская область, Россия («Московия»), Австрия, Курляндия, Пруссия, Саксония, Палатин, Ганновер, а также

владения германских архиепископов (рассматриваемые как политически однородное, единое целое). Сен-Пьер говорил о том, что число членов союза можно свести к восемнадцати, если не включать в его состав отдельные германские государственные образования, а передать право их представлять главе Священной Римской империи, наделив, соответственно, его одним голосом. Но такой сценарий ему кажется менее выигрышным и для небольших держав, и для союза в целом, т.к. в этом случае была бы закреплена зависимость большой группы государей и городов от австрийского двора. Обсуждая вопрос о том, не следует ли предоставить государствам голоса пропорционально их могуществу, аббат решительно формулирует отрицательный ответ. Все державы должны быть наделены равными правами, независимо от величины территории и числа жителей. Иначе замысел воплотить союз на практике встретит серьезные затруднения. В итоге его существование может оказаться непродолжительным.

Европейский союз, по мнению аббата, создать ненамного сложнее, чем Священную Римскую империю. Если в прошлом преодолены все препятствия на пути формирования одного масштабного политического объединения, то возможно и возникновение второго. К этой аналогии Сен-Пьер возвращается постоянно, придает ей значение одного из решающих аргументов своей концепции. Различие, на его взгляд, состоит только в количестве вступающих в объединение государств, но не в его сущности. Длительность существования Священной Римской империи он рассматривает как важный фактический момент, который придает основательность его теоретическим построениям. Относительно вопроса о количестве сторон – участниц Европейского союза очевидным становится, что нет необходимости в том, чтобы все они одновременно присоединились к договору. Сначала он может быть подписан небольшим числом государств. Затем к ним постепенно присоединятся остальные. Важен пример готовности следовать определенным принципам. Когда станет ясно, что они приобрели приверженцев в лице нескольких могущественных суверенов, будет легче привлечь под их знамена оставшихся. В любом случае процесс создания нового союза не затянется надолго, это – вопрос нескольких лет. Дополнительным аргументом Сен-Пьера в пользу тезиса о возможности заключения вечного мира между государствами служит ссылка на аналогичный проект Генриха IV. О замыслах выдающегося французского короля аббат судил по

мемуарам герцога Сюлли. Оба проекта разделяют примерно сто лет, но наличие подобного замысла в прошлом, по убеждению Сен-Пьера, подтверждает, что вечный мир – это не химера, а достойная цель, к которой движется человечество. Аббат объявляет Генриха IV «европейским Солоном», великие мысли которого следует взять за ориентир; такая тактика послужит защитой от насмешек тех, кто по скудости своего ума признает нелепой концепцию вечного мира. В подобном контексте Сен-Пьер уверял, что он не высказывает ничего нового, а лишь опирается на замысел «лучшего из всех государей». В действительности он стремился подобными заявлениями привлечь наибольшее внимание к своему проекту, обеспечить ему максимальную поддержку властителей. Из мемуаров Сюлли следовало, что король Франции стремился к ослаблению Габсбургов, предлагая отнять у них ряд провинций под предлогом обеспечения равенства сил европейских держав. Сен-Пьер же считал, что при обсуждении вопроса о вечном мире нет необходимости предусматривать территориальные изменения, уменьшающие мощь каких-либо сторон.

Аббат настойчиво повторял, что «одни и те же мотивы и средства» достаточны для создания постоянных политических объединений в прошлом и будущем. Средства эти относятся к области международного права, мотивы характеризуют психологию властителей. Точка зрения, согласно которой сочетание сходных элементов влечет за собой тождественные результаты во всемирной истории, типична для многих мыслителей XVIII века. Чтобы убедить современных государей, Сен-Пьер ставил своей целью тщательно изучить мотивы поступков правителей, которые способствовали рождению Священной Римской империи. На его взгляд, подобное исследование придает необходимую строгость, точность приводимым доказательствам в пользу выдвигаемого им проекта.

К достаточным мотивам, связанным с заключением договора о вечном мире, аббат относит гарантию безопасности. В ней заинтересованы все – и слабые государи, и наиболее могущественные. Он подчеркивал, что подписание договора и его соблюдение зависит только от желания, наличия воли суверенов реализовать проект, а значит, следует убедить их в необходимости такого рода шага. Нужно продемонстрировать им все преимущества нового типа политических отношений. Вопрос в том, возможно ли предложить правителям такой договор, который был бы вы-

годен каждой из подписавших его сторон. Аббат был уверен в положительном решении вопроса. Договор будет выгоден всем, поскольку одновременно гарантирует государствам внешнюю и внутреннюю безопасность. Данный пункт имел для Сен-Пьера принципиальное значение. Для каждого властителя выгоднее будет подписать договор, нежели этого не сделать, т.к. стабильность возглавляемой ими системы правления будет поддерживаться усилиями Европейского союза в целом.

Сен-Пьер отмечал, что в перспективе договор охватит все государства планеты. Присоединение к нему будет добровольным: правители держав Азии и Африки, руководствуясь собственной выгодой, пожелают войти в его состав. Этот процесс, видимо, окажется длительным, может занять столетия. В пределах Европы установится прочный мир с того момента, как только возникнет объединяющий ее союз, поскольку совокупная мощь ее государств достаточна, чтобы противостоять любому внешнему вторжению. Более того, Европейский союз мог бы создать Генеральный совет обеих Индий, выполняющий роль арбитра, примиряющего различные народы, удерживающего их от применения оружия. Генеральному совету будут чужды завоевательные устремления, его задачей станет защита мира и взаимовыгодной свободной торговли.

Согласно Сен-Пьеру, история учит тому, что войны вспыхивают легко, ущерб в результате велик, а выйти из них бывает очень сложно. Договоры, заключаемые между отдельными государствами, часто нарушаются. Между тем по своей природе люди могли бы жить в мире. Подтверждается это тем, что они помогают друг другу, когда между ними отсутствует повод для раздоров, когда их объединяют удобства и выгоды, приносимые торговыми связями. Вместе с тем различные блага нередко провоцируют споры, претензии, способствуют развитию стремления к захвату чужой собственности. Нежелание следовать справедливости разобщает людей, затрудняет компромиссы между ними. «Таким образом, именно в силу необходимости интерес то объединяет их, то разделяет» [Saint-Pierre 1986, 22]. Если бы людям всегда была свойственна мудрость, они бы заметили, что спокойное мирное существование для них намного выгоднее постоянной вражды. Большой интерес надлежит предпочесть меньшему. Безудержной страсти, увлекающей их к войне, следует противопоставить рациональные доводы о гарантированной пользе. В сущности,

как уточняет Сен-Пьер, любые разногласия могут разрешаться в результате применения либо силы, либо закона. Но до тех пор, пока не будет создан Европейский союз, невозможно регулировать межгосударственные споры единым законом.

Проект вечного мира Сен-Пьера предусматривал сохранение каждого государства в тех границах, в которых оно пребывает на момент заключения договора. Расширение территории должно стать невозможным, такова «принципиальная база» Европейского союза. Государям следует сосредоточить усилия на иных способах роста могущества страны. Речь идет о величии, достигаемом «через совершенство законов, через полезные учреждения, через прогресс искусств и наук, через увеличение торговли» [Saint-Pierre 1986, 32–33]. Неравномерность экономического развития не кажется аббату серьезной политической проблемой. В рамках собственного проекта он не принимает этот фактор за один из решающих. Свои соображения аббат стремится подкрепить ссылками на экономическую целесообразность: «Если бы Франция была лишена всякой иностранной торговли, она теряла бы каждый год более ста пятидесяти миллионов» [Saint-Pierre 1986, 33]. Между тем война всегда означает полное прекращение торговли между подданными враждующих государств.

Сопоставление выгод продолжительного мира и возможных потерь суверенов в ситуации войны должно склонять их, по мнению Сен-Пьера, к принятию его проекта. Система политических отношений, сопряженная с созданием Европейского союза, предотвращает как внешние, так и внутренние войны, поскольку международный арбитраж лишает поддержки любые мятежные силы, выступающие против носителя верховной власти. Союз тем самым гарантирует «совершенную безопасность» и сохранение каждому государству, вступившему в него. Система вечного мира требует меньше расходов от участвующих в ней сторон, чем поддержание равновесия силой оружия. Преимущество Европейского союза состоит в том, что в нем не будет противостоящих друг другу партий, групп государств. Не будет в нем и гражданских войн, поскольку, с точки зрения Европейского союза, общим врагом следует считать любую сторону, кроме той, за которой закреплен суверенитет. Соответственно, судьба мятежников незавидна: их поражение предопределено колоссальным превосходством общих сил союза. Аббат надеялся, что подобный «расклад» сил приведет к тому, что восстания, вооруженные беспорядки,

внутренние возмущения либо исчезнут в Европе, либо станут кратковременными, не имеющими значительных последствий. Для Сен-Пьера, таким образом, принципиально исключена возможность трансформации представлений о суверенитете в обществе будущего. Его проект связан с консервативными мировоззренческими предпосылками, опирается на представления о неизменности политической теории, однажды достигшей полной зрелости. Иллюзия, характерная не только для его концепции.

Согласно Сен-Пьеру, постоянный союз европейских держав должен быть представлен особым собранием, включающим депутатов от каждого государства. Заседать им надлежит в «городе мира», на роль которого аббат предлагал Утрехт. Все межгосударственные споры должны обсуждаться депутатами союза; для вынесения решения, по Сен-Пьеру, необходимо большинство в три четверти голосов. Каждая династия могла бы править неопределенно долго, целые тысячелетия, опираясь на гарантии Европейского союза.

Одной из мировоззренческих предпосылок проекта Сен-Пьера выступает идея неизменности человеческой природы. «Честолюбие – страсть, которая, всегда будет порождать при сходном стечении обстоятельств сходные действия» [Saint-Pierre 1986, 107].

Сен-Пьер выступал сторонником концепции интеллектуального прогресса: «Можно сказать, что если бы повсюду совершенствовали методы, предназначенные для ума, и строгий порядок в области нравов, то великие люди этого века были бы, так сказать, только учениками по сравнению с великими людьми будущих веков» [Saint-Pierre 1986, 128]. Возможность упомянутого совершенствования аббат связывал с вечным миром, усматривая в нем главное политическое условие прогрессивных изменений в будущем. Он проводил прямую связь между политикой и общими знаниями о мире: «Науки помогают совершенствованию искусств, и даже умозрительные науки, своими знаниями и методами, могут сильно способствовать совершенствованию медицины, юриспруденции, морали, и в особенности, политики, от которой зависит счастье суверенов и их подданных» [Saint-Pierre 1986, 131]. Соответственно, прогресс в области познания влечет за собой улучшения в сфере социального бытия. Политика должна служить морали, содействовать счастью населения страны.

Науки и искусства, особенно механические, делают «государство богатым и процветающим», позволяют одному человеку достигать результата, для получения которого в иных условиях потребовались бы усилия двадцати людей. Вместе с тем становится очевидным, что войны всячески задерживают развитие наук и искусств, препятствуют прогрессу. Военной службе отдают свои силы слишком многие люди; между тем иные из них, и таких немало, могли бы с успехом заниматься науками. Множество выдающихся произведений человеческого духа оказалось утрачено безвозвратно: они были разрушены, сожжены в ходе столкновений враждующих держав. Война разоряет людей, вследствие этого они часто не в состоянии обеспечить детям хорошее образование. Если государство несет значительные военные расходы, оно вынужденно урезает затраты на науки и искусства. По мнению Сен-Пьера, чем больше будет в стране ученых, тем заметнее станет прогресс наук. Аббат надеялся, что система вечного мира позволит высвободить правителям значительные средства, которые будут направлены на строительство дорог, мостов, храмов, а также переданы в распоряжение публичных библиотек, академий, колледжей. Великие художественные ценности больше не будут подвергаться опасности уничтожения. В таких условиях все гениальное прочно сохранится в веках, а все бездарное быстро окажется забытым. Активные, трудолюбивые умы смогут расширить поле своей деятельности. Экономические последствия заключения договора о вечном мире аббат представлял весьма схематично: чем меньше будет погибших, тем больше население государства, тем больше мануфактур; тем лучше обработка земли, которая, соответственно, будет приносить обильнее урожай; тем больше в стране торговцев и богаче население.

Соседям Европейского союза – марокканцам, туркам, алжирцам, тунисцам – следует предложить подписать особое соглашение, предусматривающее защиту общих интересов, взаимные гарантии и включить их представителей в состав заседающего в «городе мира» высокого собрания. Эти представители будут иметь права ассоциированных членов.

Мирный договор, согласно Сен-Пьеру, должен включать два типа статей: фундаментальные, т.е. не подлежащие изменению (формально их можно дополнять единогласным волеизъявлением Сената, но шансы на это исчезающе малы), и «важные», которые, в зависимости от обстоятельств, могут быть трансформированы

при условии, что за такое решение выступят две трети собрания. Фундаментальные статьи предусматривают создание постоянного союза с целью обеспечения «нерушимого мира», присутствие депутатов от каждого суверена в постоянно заседающем межгосударственном Сенате, гарантию сохранения существующего государственного строя для каждой страны – участницы договора. Кроме того, фундаментальные статьи защищают заключивших союз суверенов от любого ущерба, провозглашают неизменность существующих границ, отказ от всяких территориальных претензий в будущем, запрет для любого суверена управлять более чем одним государством. Правила торговли должны определяться Сенатом, причем принятые им «законы должны быть равными и взаимобязывающими для всех народов». Применять оружие допустимо только против стороны, которая будет объявлена «врагом Европейского общества». В эту категорию зачисляется всякий суверен, отказывающийся подчиняться решениям европейского Сената. Все спорные межгосударственные вопросы решаются Сенатом. Расходы стран на нужды союза должны быть пропорциональны их доходам. Воинские же контингенты всех государств должны быть небольшими и количественно равными. Статьи второго типа предусматривают расширение Сената по мере присоединения к договору новых участников, затрагивают вопрос о местопребывании упомянутого органа, порядок его взаимодействия с членами союза, распределения общих денежных средств, урегулирования вопросов, связанных с колониями, рассматриваемыми как законная часть территории членов союза. Колонии Сен-Пьер считал малополезными для метрополий и осуждал отток за океан людских ресурсов, полагая, что такого рода явление ослабляет торговлю европейских стран.

Аббат призывал устранить любые юридические «зацепки» для изменения границ в будущем: «Если бы оставляли суверенам открытой дверь для увеличения их территории по праву наследования, по взаимным обязательствам различных правящих домов, через выборы или как-то иначе, то очевидно, что Австрийский дом, например, мог бы однажды соединить под своей властью все страны Европы, допускающие женскую верховную власть, Испанию, Англию, Швецию и другие» [Saint-Pierre 1986, 167]. Дарение, покупка, обмен, добровольное подчинение также не могут служить основанием для приобретения каким-либо государством новых провинций.

Сен-Пьер усматривал преимущество монархий перед республиками в том, что в них любые усовершенствования могут осуществляться быстрее. В отношении своего тезиса он приводил двойное обоснование: королям молва всегда приписывает честь в деле защиты общественного блага, что побуждает их действовать энергично и последовательно; монархам обычно не противоречат, чего нельзя сказать о республиканских правительствах. Республиканские, по убеждению Сен-Пьера, как и королевские, заинтересованы в сохранении своей территории и утвердившегося в них политического строя, потому они должны присоединиться к монархиям при обсуждении проекта вечного мира.

Сен-Пьер и философия эпохи Просвещения

В истории философской мысли имя Сен-Пьера издавна вызывает прочную ассоциацию с учением Руссо. Связывают их особые обстоятельства. Руссо упоминает в «Исповеди» о том, как его во второй половине 50-х годов XVIII века увлек замысел осуществить «изложение трудов аббата де Сен-Пьера». Знаменитый просветитель уточняет: «Идея эта была мне подсказана после моего возвращения из Женевы аббатом де Мабли... Задача, впрочем, была нелегкая. Предстояло прочесть, продумать, изложить двадцать три тома – расплывчатых, нелепых, полных длиннот повторений, близоруких или ложных взглядов, среди которых надо было выудить несколько великих, прекрасных мыслей» [Руссо 1961, 354–355].

Руссо дает высокую оценку личности аббата, но идеи его считает «поверхностными», хотя они, на его взгляд, и были направлены к общественному благу, пользе всего человечества. «Этот редкий человек, составлявший украшение своего века и всего человечества с тех пор, как оно существует... только и делал, что переходил во всех своих системах от заблуждения к заблуждению, так как хотел сделать людей подобными себе самому, вместо того, чтобы брать их такими, каковы они есть и какими останутся» [Руссо 1961, 368]. Чтобы проявить должное уважение к имени Сен-Пьера, Руссо решил разделить свою задачу: он подготовил краткий пересказ его проекта вечного мира и отдельно – собственный анализ его идей.

В «Суждении о вечном мире» (1761) Руссо именует Сен-Пьера «честным человеком», «святым сердцем». Ему, согласно Руссо, удалось доказать моральную истину, выраженную в проекте, но аббат слишком наивно судил о способах достижения вечного мира. Он не учитывал, что правители наверняка не захотят связать себя решениями коллективного

союза, поскольку деспотам всегда кажется выгодной независимость от законов. Они не пожелают отказаться от бесконтрольной власти над подданными. Войны и деспотизм неотделимы, черпают силы друг у друга. Короли и их министры заинтересованы в расширении внешнего могущества, равно как и в безоговорочном повиновении жителей своей страны. Этим двум целям они подчиняют всю свою деятельность, следовательно, помещают возникновению описанного аббатом союза, воспротивятся ему. «Таким образом, хотя проект этот и был весьма мудрым, в выборе средств его осуществления сказывалось простодушие автора» [Руссо 2003, 166]. В небольшом фрагменте (1758) Руссо упоминал предрассудки как существенное препятствие на пути реализации рассматриваемого проекта вечного мира: «Наконец, предрассудки настолько противоположны всякого рода изменениям, что, за неимением силы, нужно быть настолько простодушным, как аббат Сен-Пьер, чтобы предлагать малейшее нововведение в каком бы то ни было правлении» [Rousseau 1964, 590].

Конечно, интерес Жан-Жака к наследию Сен-Пьера неотделим от его собственных философских исканий. «Все, что Руссо написал об основах социального порядка, о политическом суверенитете и природе правления, об отношениях между государствами, о проблеме войны и мира, должно быть связано с его посмертным и страстным диалогом с автором “Проекта вечного мира”» [Stelling-Michaud 1964, СХХ]. Речь идет о своеобразном способе прояснения политической позиции выдающегося просветителя. «С помощью анализа и опровержения теорий старого утописта Жан-Жак пришел к сопоставлению, которое позволило ему уточнить собственную мысль» [Stelling-Michaud 1964, СХХ].

Заметим, что Вольтер откликнулся ироничным текстом на проект Сен-Пьера и усилия Руссо по его разъяснению («Рескрипт китайского императора по поводу проекта вечного мира», 1761). Вольтер намекает на то, что в масштабе человеческой истории исключительное значение идеям Сен-Пьера придавать не стоит: «Мы, китайский император, мы повелели представить на нашем государственном совете тысячу и одну брошюру, каковые ежедневно продают в известной деревне Париж для просвещения вселенной» [Voltaire 1961, 411]. Брошюры эти, по замечанию вольтеровского персонажа, содержат «мысли, или образы мысли, или выражения без мысли». Среди них выделена работа женеvского гражданина, составившего извлечение из проекта «бонзы Сен-Пьера». Вольтер дает понять читателю, что недостаток проекта

заключается в его слишком локальном характере: «Мы были заметно огорчены, заметив, что в вышеупомянутом извлечении..., в котором излагаются легкие средства придать Европе вечный мир, забыли остальную вселенную, которую всегда следует иметь в виду во всех его брошюрах» [Voltaire 1961, 411]. Как и в ряде своих исторических сочинений, Вольтер выступает против европоцентризма, но судит об идеях Сен-Пьера, конечно, по слишком ограниченному фрагменту. Как не без оснований отмечает Жозеф Друэ, упоминание Сен-Пьера вызывало у Вольтера «улыбку жалости» [Drouet 1912, VI]. В труде «Эпоха Людовика XIV» (1751) Вольтер заявлял, что произведения Сен-Пьера проникнуты «философскими взглядами, очень мало осуществимыми» [Voltaire 1957, 952].

Впрочем, о личности аббата Вольтер отзывался с симпатией, ему импонировала гражданская позиция автора проекта вечного мира. В «Письмах о Рабле и других авторах, обвиненных в том, что они дурно говорили о христианской религии» (1767) Вольтер упоминает и Сен-Пьера: «Все сочинения этого аббата, большинство из которых принимались за фантазии, принадлежат доброму человеку и ревностному гражданину» [Voltaire 1961, 1197].

Гельвеций в трактате «Об уме» (1758) утверждал, что международные договоры будут постоянно нарушаться, «пока нации, соответственно проекту Генриха IV и аббата де Сен-Пьера, не гарантируют взаимно неприкосновенности своих владений и не обязуются выступать с оружием против всякого народа, пожелавшего поработить другой народ» [Гельвеций 1974, 346].

Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791) ссылается на Сен-Пьера, возводя к мудрости греков идею «единственного средства положить начало вечному миру» [Гердер 1977, 366]. Характеризуя цель человеческой природы понятием «гуманность», Гердер говорил о том, что «с ростом просвещения, к счастью, гораздо реже сделались бессмысленные разрушительные войны» [Гердер 1977, 435]. Люди осознали, какую пользу получают они от мирного совместного труда. Они поняли, что разрушение не может нести выгоды никому. Ушли в прошлое государства, которые, подобно Риму, были ориентированы исключительно на внешние завоевания.

В «Письмах для поощрения гуманности» (1793–1797) Гердер характеризовал войну как «зверское, самое бесчеловечное начинание», говорил о подлинном патриотизме, который в его понимании означает, что каждый народ должен быть великим

благодаря самому себе, а не за счет вмешательства в дела других стран. Вопреки ожиданиям Сен-Пьера монархи никогда не сделают «первых шагов» к долгожданному миру. В этом аспекте более значимы чувство солидарности между людьми, справедливость к иным народам. «Узурпатор» и «авантюрист» чужд сознанию представителей просвещенных народов, вызывает их негодование. Благодаря чувству справедливости, перенесенному на граждан других стран, постепенно сложится «союз всех просвещенных народов», который вернее послужит делу мира, чем формальный договор.

Гюстав де Молилари настаивал на том, что Сен-Пьера надлежит рассматривать не как «простого утописта», пустого мечтателя, а напротив, как «благодетеля человечества», заслужившего подобную оценку «активной и неутомимой пропагандой» идеи мира [Molinari 1857, 37–38]. Жозеф Друэ акцентировал внимание на последовательности концепции аббата: «Логичный как настоящий силлогизм – таков в наших глазах автор вечного Мира» [Drouet 1912, 343]. Согласно Друэ, «руководящей мыслью» всей жизни Сен-Пьера была «вера в безграничный прогресс» [Drouet 1912, 343]. В свою очередь, Поль Азар характеризовал идеи Сен-Пьера как «преждевременные мечты» [Hazard 2017, 412]. Ролан Дене, характеризуя особенности формирования политической мысли начала XVIII века, подчеркивал, что для нее «рекомендация намеченных к осуществлению реформ включала убеждение, что их следовало навязать сильной властью (Дюбо, аббат де Сен-Пьер)» [Desné 1999, 110]. Симона Гойяр-Фабр связывает влияние наследия Сен-Пьера с именами Канта и Гюго. Знаменитый текст аббата, по ее мнению, «далекий от того, чтобы быть мечтой утописта, вписывается в пацифистское течение» [Goyard-Fabre 1984, 2284]. Она полагает, что неверно искать в проекте Сен-Пьера юридическое предвосхищение «современных международных институтов», правильнее «читать этот текст с учетом менталитета рождающегося Просвещения», как произведение мыслителя, принадлежащего к «космополитическому движению» философов XVIII столетия [Goyard-Fabre 1992, 1032].

Заключение

Сен-Пьер выдвигал на первый план юридические основания будущего Европейского союза, но слабо учитывал экономические факторы, нередко разделяющие различные страны. Он предполагал политическую карту будущего неизменной, не допускал

мысли об эволюции системы правления. Монархии, преобладающие в Европе, должны, как ему представлялось в период работы над проектом, сохранить ведущую роль на вечные времена. В основе этих предпосылок лежит глубоко консервативный взгляд на природу общественного устройства. В отличие от большинства просветителей, Сен-Пьер в рамках своего проекта не склонен предлагать пути улучшения общественной жизни через реформы социальных структур. Не присущ его проекту и антиклерикализм. Общность религиозных взглядов жителей различных стран для него выглядит дополнительным плюсом, облегчающим реализацию его замысла. По сравнению с более поздними учениями просветителей понятие прогресса в концепции Сен-Пьера применяется в ограниченном смысле. Для него прогрессом выступает достижение мирного этапа истории, что должно автоматически привести к процветанию всех государств. Внешнеполитическому фактору в вопросе о развитии торговли он придает исключительное значение.

Убедить правителей в основательности и полезности своих идей Сен-Пьер считал основным, определяющим элементом для воплощения проекта вечного мира. Властвующим элитам тем самым приписывается роль ключевого фактора социального бытия. Ему казалось, что «все препятствия будут преодолены» в случае согласия государей подписать договор. Выполнение соглашения виделось ему более легким делом, чем создание союза. Он принимал за аксиому неизменность отношений внутри некоего набора основных параметров жизни государства, а такого рода предпосылка, очевидно, неверна.

Аббат стремился опираться в своих теоретических построениях на очищенный от предрассудков разум. Он склонен к сближению политики и морали. Общественное благо он истолковывает как важнейшую политическую ценность. Среди ключевых предпосылок его мировосприятия – представления о неизменности человеческой природы, как и форм правления.

Проект Сен-Пьера не предполагал метафизического или гносео-методологического обоснования. В отличие от более поздних трудов аббата, не содержал он и критику деспотизма. Свой долгосрочный прогноз Сен-Пьер выстраивал, некритически интегрировав в него типичные, но вместе с тем и ограниченные представления своей эпохи о главных формах правления. При этом несомненно, что моральный пафос его проекта еще долго

способен служить ориентиром для всех, кто стремится к воплощению идеалов пацифизма.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гельвеций 1974 – *Гельвеций К.А.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1974.
- Гердер 1977 – *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука. 1977.
- Руссо 1961 – *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. – М.: Гослитиздат, 1961.
- Руссо 2003 – *Руссо Ж.-Ж.* Суждение о вечном мире // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты о вечном мире. – СПб.: Алетейя, 2003. С. 162–172.
- Desné 1999 – *Desné R.*, La philosophie française au XVIII siècle // *Histoire de la philosophie / sous la dir. de F. Châtelet.* – Paris: Hachette, 1999. Т. IV. P. 79–118.
- Drouet 1912 – *Drouet J.* L'abbé de Saint-Pierre, l'homme et l'œuvre. – Paris: Champion, 1912.
- Goyard-Fabre 1984 – *Goyard-Fabre S.* Saint-Pierre // *Dictionnaire des philosophes.* – Paris: PUF, 1984. Vol. 2. P. 2284.
- Goyard-Fabre 1992 – *Goyard-Fabre S.* Castel // *Encyclopédie philosophique universelle / sous la dir. d'A. Jacob.* V. III. Les œuvres philosophiques. – Paris: PUF, 1992. Т. 1. P. 1032–1033.
- Hazard 2017 – *Hazard P.* La crise de la conscience européenne. 1680–1715. – Paris: Fayard, 2017.
- Molinari 1857 – *Molinari G.* L'abbé de Saint-Pierre, membre exclu de l'Académie française: sa vie et ses œuvres. – Paris: Guillaumin 1857.
- Rousseau 1964 – *Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. Т. III. – Paris: Gallimard, 1964.
- Saint-Pierre 1986 – *Saint-Pierre C.I.* Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe. – Paris: Fayard, 1986.
- Stelling-Michaud 1964 – *Stelling-Michaud S.* Introductions. Écrits sur l'abbé de Saint-Pierre // *Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. Т. III. – Paris: Gallimard, 1964. P. CXX–CLVIII.
- Voltaire 1957 – *Voltaire.* Œuvres historiques. – Paris: Gallimard, 1957.
- Voltaire 1961 – *Voltaire.* Mélanges. – Paris: Gallimard, 1961.

REFERENCES

- Desné R. (1999) La philosophie française au XVIII siècle. In: Châtelet F. (Ed.) *Histoire de la philosophie* (Vol. 4, pp. 79–118). Paris: Hachette (in French).
- Drouet J. (1912) *L'abbé de Saint-Pierre, l'homme et l'œuvre.* Paris: Champion (in French).

Goyard-Fabre S. (1984) Saint-Pierre. In: Huisman D. (Ed.) *Dictionnaire des philosophes*. (Vol. 2, p. 2284). Paris: PUF (in French).

Goyard-Fabre S. (1992) Castel. In: Jacob A. (Ed.) *Encyclopédie philosophique universelle. Vol. 3: Les œuvres philosophiques* (T. 1, pp. 1032–1033). Paris: PUF. (in French).

Hazard P. (2017) *La crise de la conscience européenne. 1680–715*. Paris: Fayard (in French).

Helvétius C.A. (1974) *Works* (Vols. 1–2). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Herder J. G. (1977) *Ideas upon Philosophy and the History of Mankind*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Molinari G. (1857) *L'abbé de Saint-Pierre, membre exclu de l'Académie française: sa vie et ses œuvres*. Paris: Guillaumin (in French).

Rousseau J.-J. (1964) *Œuvres complètes* (Vol. 3). Paris: Gallimard (in French).

Rousseau J.-J. (1961) *Selected Works* (Vols. 1–3). Moscow: Goslitizdat (Russian translation).

Rousseau J.-J. (2003) Judgment on Perpetual Peace. In: Rousseau J.-J. *Treatises on Perpetual Peace* (pp. 162–172). Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Saint-Pierre C.I. (1986) *Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe*. Paris: Fayard (in French).

Stelling-Michaud S. (1964) Introductions. *Écrits sur l'abbé de Saint-Pierre*. In: Rousseau J.-J. *Œuvres complètes* (Vol. 3, pp. CXX – CLVIII). Paris: Gallimard. (in French).

Voltaire. (1957) *Œuvres historiques*. Paris: Gallimard (in French).

Voltaire. (1961) *Mélanges*. Paris: Gallimard (in French).

Война:

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИСТОКИ

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-110-124

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Н.Я. Данилевский о войне и конфликтах цивилизаций

С.Г. Киселев

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия*

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды представителя русской философской мысли второй половины XIX века Николая Яковлевича Данилевского относительно сущности войны и ее исторического предназначения. Акцентируется внимание на том, что в вопросе анализа войны отечественным философом использован разработанный им новый, цивилизационно-культурный подход к исследованию мирового развития и социальных явлений, нашедший затем достойное применение в военно-философских трудах Вл.С. Соловьева и отечественных философов Серебряного века русской культуры. Данилевский характеризует войну как острейший конфликт культур, столкновение цивилизаций, результат борьбы разных историко-культурных, всемирно-исторических начал. Исходным положением в цивилизационном исследовании происхождения войны у Данилевского становится экспансия как имманентно присущее свойство цивилизации, элемент ее сущностного, внутренне присущего ей естественного состояния, заключающегося в стремлении к расширению культурного, политического и экономического влияния. Всемирно-исторический смысл войны философ видит в борьбе между Западом и Востоком, а также опасается европейской экспансии против России, подробно аргументируя данную тенденцию. Автор статьи обращает внимание на прогнозы Данилевского о предстоящих мировых войнах и актуальность положений его военно-философских взглядов для современного мирового развития, в частности на его обоснование прочности политических союзов, созданных на цивилизационно-культурной основе. По мнению автора, именно Данилевский положил начало формированию тенденции прогностичности русской военно-философской мысли, проявившейся в творчестве Вл.С. Соловьева и других отечественных

философов, размышлявших над проблемами войны и столкновения мировых культур-цивилизаций.

Ключевые слова: философия войны, философия истории, философия политики, цивилизационная теория, европейская цивилизация, славянская цивилизация, прогнозирование.

Киселев Сергей Георгиевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ksg56@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>

Для цитирования: Киселев С.Г. Н.Я. Данилевский о войне и конфликтах цивилизаций // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 110–124. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-110-124

N.Ya. Danilevsky on War and Conflicts of Civilizations

S.G. Kiselev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

Abstract

The article discusses the views of Nikolay Yakovlevich Danilevsky (1822–1855) on the war and its historical purpose. The Russian philosopher used a new, civilizational and cultural approach to the analysis of world development and social phenomena, which later found a worthy application in the philosophical works on war of V.S. Solovyov and other Russian philosophers of the Silver Age of Russian Culture. Danilevsky considered war as an acute stage of the conflict of cultures, a clash of civilizations, the result of the struggle of different historical and cultural principles. According to Danilevsky's civilizational theory, the origin of war is an expansion as an immanently inherent property of civilization, an element of its essential, intrinsically inherent natural state, which consists in the desire to expand cultural, political, and economic influence. The philosopher sees the world-historical meaning of the war in the struggle of the West with the East and fears European expansion against Russia, discussing this trend in detail. The author of the article draws attention to Danilevsky's forecasts for the upcoming world wars and to the relevance of the provisions of his military-

philosophical views for modern world development, in particular, to his justification for the strength of political alliances created on a civilizational and cultural basis. The article concludes that it was Danilevsky who initiated the formation of the tendency of the forecasting Russian military philosophical thought, manifested in the works of V.S. Solovyov and other Russian philosophers who reflected on the problems of war and the clash of world cultures-civilizations.

Keywords: philosophy of war, philosophy of history, philosophy of politics, civilizational theory, European civilization, Slavic civilization, forecasting.

Sergey G. Kiselev – D.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University; Professor of the Department of International Security and Foreign Policy of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ksg56@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0785-2882>

For citation: Kiselev S.G. (2021) N.Ya. Danilevsky on War and Conflicts of Civilizations. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 110–124. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-110-124

Введение

Отечественная философия настолько богата по своему содержанию, что чем больше углубляешься в ее пласты, тем большими гранями она сверкает. Одной из таких замечательных граней предстает русская военно-философская мысль второй половины XIX – первой четверти XX века со свойственной ей прогностичностью текстов отечественных философов. К замечательной плеяде мыслителей этого периода относятся Вл.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн, братья Трубецкие – Евгений Николаевич и Сергей Николаевич. Среди таких мыслителей – и Николай Яковлевич Данилевский.

Н.Я. Данилевский, философ мирового уровня, основатель теории цивилизаций, первым в мировой общественной мысли объявил в своем фундаментальном труде «Россия и Европа» о неверности повсеместно распространенного суждения о том, что в мире существует только одна цивилизация – европейская. В действительности на планете Земля существуют и другие «самостоятельные цивилизации», потому цивилизация, человеческое развитие в целом – это не «исключительная привилегия Запада, или Европы, а застой – исключительного клейма Востока, или Азии» [Данилевский 1991, 75]. Тем самым Данилевский, по сути,

объявил идейную войну европоцентризму, той крайней позиции в общественной мысли, когда все европейское объявляется в истории лучшим, передовым, первым и ранним по возникновению, происхождению, становлению и прогрессивности развития [Киселев 2003, 57].

Яркими последователями творчества Данилевского стали ученые, достигшие мировой известности, в частности О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтон и др. В 1964 году на заседании Международного общества сравнительного изучения цивилизаций Данилевского торжественно назвали пионером методологического подхода пространственно-временной локализации явлений культуры, т.е. цивилизационно-культурного подхода к анализу явлений и процессов мирового исторического развития. Уместно отметить, что Данилевский принадлежал к славянофильскому крылу отечественной общественной мысли, изучал труды А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, находя в них источники своих идей, являлся членом петербургского Славянского комитета.

В многогранном творчестве Данилевского заметное место занимают взгляды на сущность войны, ее природу, глубинный смысл, историко-культурное предназначение.

Исследование войны Н.Я. Данилевским с позиций цивилизационной теории

К анализу такого сложного явления, как война, Данилевский подходит неординарно. В данном случае он использует новый, самостоятельно им разработанный цивилизационно-культурный подход к анализу социальных явлений, в чем, несомненно, состоит огромная заслуга философа, поскольку применяют его исследователи, эксперты, аналитики и в настоящее время. Особенностью указанного подхода служит важное методологическое обстоятельство, заключающееся в том, что войну понимают не только как социально-политическое явление, а прежде всего как явление нравственно-духовного и цивилизационно-культурного планов. Войну Данилевский воспринимает как острейший конфликт культур, столкновение цивилизаций, итог борьбы разных историко-культурных, всемирно-исторических начал.

Результаты анализа феномена войны стали для него частью сформированной им теории цивилизаций (культурно-исторических типов). Историю человечества в целом он рассматривает именно как пространственно-временное существование цивилизаций (культурно-исторических типов), «высших исторических единиц». Философ приводит перечень, называя те из них, которые были на ранних этапах человеческой истории, и те, которые существуют в

данный исторический момент. В их числе египетская, китайская, ассирийско-вавилонско-финикийская (халдейская или древнесемитическая), индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, ново-семитская (аравийская), германо-романская (европейская), славянская (под которой имеет в виду прежде всего Россию). Он не приобщил к цивилизациям мусульманство, что представляется ошибочным, хотя его последователи в контексте цивилизационной теории эту оплошность позднее исправят.

Данилевский обращается к изучению мировой истории войн, исследует Пунические войны, войны Персии и Древней Греции, войны с участием Рима, войны Германии против России, Франции (Наполеона I) против России и др. Исходным ключевым положением становится для него постановка вопроса об экспансии цивилизации. Философ формулирует суждение о том, что экспансия, стремление завоевать, покорить, подчинить себе другую историко-культурную общность есть имманентно присущее свойство цивилизации, элемент ее сущностного, внутренне принадлежащего ей естественного состояния. В процессе реализации такого свойства, естественной потребности могут возникать и возникают противостояния, конфликты, столкновения цивилизаций, в том числе военные. Данилевский пишет: «Народы, которые принадлежат к одному культурно-историческому типу, имеют естественную наклонность расширять свою деятельность и свое влияние, насколько хватит сил и средств, как это делает и всякий отдельный человек. Это естественное честолюбие необходимо приводит в столкновение народы одного культурного типа с народами другого» [Данилевский 1991, 306–307].

Целью экспансии служит «насильственная передача своей цивилизации покоренным народам» [Данилевский 1991, 94]. К примеру Александр Македонский, по его мнению, стремился не просто покорить Восток, но распространить на восточной территории греческую цивилизацию, которую эллины считали общечеловеческой, т.е. лучшей, совершенной и подлежащей распространению по всей ойкумене. Данное положение цивилизационной теории детально исследуют в дальнейшем немецкий философ О. Шпенглер в «Закате Европы» (1922), британский историк А.Дж. Тойнби в «Постижении истории» (1961) и американский политолог С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» (1993), ряд других ученых, изучавших проблему экспансии цивилизаций. Но первым ее поставил и принципиально решил именно Данилевский.

Наиболее активное, исторически сложившееся стремление к экспансии Данилевский находит в европейской цивилизации, особенно по отношению к России. Он его назвал «стремлением

германо-романского мира на Восток, стремлением, которое еще до сих пор живо в народах Европы» [Данилевский 1991, 317]. Изложенное суждение впоследствии будет развито Шпенглером и Тойнби. В частности, Тойнби писал: «Со времен португальских и испанских морских экспедиций XV века и в еще большей мере в результате британской промышленной революции XVIII века сущностью современного западного образа жизни стали постоянный экономический рост и территориальная экспансия» [Тойнби 1991, 598].

В отношении европейской экспансии против России Данилевский вводит термин «напор Запада на Восток», а ответные действия характеризует терминами «противодействие» и «отпор». Впоследствии Тойнби охарактеризует эти явления с помощью подобных терминов («контрэкспансия Западу»). Он назовет западную экспансию доминирующей в мире и тем самым подтвердит умозаключение предшественника.

Таким образом, Данилевский приходит к выводу о том, что война выступает средством, инструментом соприкосновения цивилизаций, одной из форм их взаимодействия, достижения экспансионистских целей. Он подтверждает вывод историческими примерами экспансионистских действий: древнегреческой экспансией, в том числе в Индию и на славянские земли; древнеримской экспансией, в том числе к берегам Атлантического океана и в Азию; европейской экспансией в разные части мира, в том числе в Россию. Более того, он убежден в историческом значении войны в истории государств, а также в истории человечества в целом, полагая, что война способствовала переходу человеческих общностей из низшего этнографического состояния в формат государства, а затем в формат цивилизации (культурно-исторического типа).

Война – борьба между Западом и Востоком

Исследуя войну, Данилевский не обошел вниманием традиционный геополитический вопрос борьбы между Западом и Востоком, Морем и Сушей. Он даже вступил в спор с историком С.М. Соловьевым, считавшим борьбу между Морем и Степью выражением сущности борьбы между Западом и Востоком (Европой и Азией) как основного содержания мировой истории. Предпочтения относительно возможностей достижения верховенства в этой борьбе Соловьев видел со стороны государств Моря. Впоследствии данное положение, которое принял Соловьев, теоретически развивал один из основоположников геополитики, немецкий ученый Ф. Ратцель. В первой половине XX века оно концептуально развито американскими геополитиками А. Мэхэном, С. Коэном и Н. Спайкменом, яркими сторонниками

геополитической победы Моря над Сушей, авторами Стратегии морской силы и авторами теоретического обоснования создания военно-политического блока НАТО. Хотя лепту в обоснование подобных политических союзов внес и Данилевский, причем в одном из аспектов таких союзов – цивилизационно-культурном фундаменте – он был первым.

Данилевский тоже видит смысл всемирной истории в противостоянии Востока и Запада. Но, в отличие, например, от Вл.С. Соловьева, он сводит борьбу между Западом и Востоком к борьбе Европы, европейских стран против России. При этом исходит из того, что европейская экспансия против России и славянских народов неизбежна. Свое суждение о борьбе между Западом и Востоком, неизбежности европейской экспансии мыслитель аргументирует тем, что она представляет собой продолжение вековой борьбы, развернувшейся между Римом и Византией, что ее продолжателями стали, с одной стороны, германцы, с другой – славяне во главе с Россией. Поэтому европейскую цивилизацию он называет германо-романской.

Борьбу между Западом и Востоком в таком формате он называет «восточным вопросом» и прогнозирует неизбежность мировой войны объединившейся Европы против России, причем с обязательным участием Германии. Приведем результирующую формулировку по данному вопросу: «Предстоит великая борьба в более или менее близком будущем русскому народу..., борьба против государственных сил Европы..., той коалиции, которая образуется против России, когда наступит время серьезного решения восточного вопроса» [Данилевский 1991, 460–462]. Речь идет о вековом вопросе борьбы между Западом и Востоком.

Изучив возможные составы европейских коалиций против России, Данилевский приходит к определению оснований для формирования военно-политических союзов и делает значимый вывод: «Более менее тесная связь, будет ли то федерация или только политическая система государств, может и должна существовать только между членами одного культурно-исторического типа – и лишь искусственно и не иначе как к общему вреду может распространяться далее пределов того же типа; ибо общественная связь требует как необходимого своего условия подчинения частных интересов (личных, общественных, областных, даже государственных) более общим интересам высшей группы; и, следовательно, если связь переходит за границу культурно-исторического типа – высшей исторической единицы, то лишает его должной самостоятельности в достижении его целей» [Данилевский 1991, 103].

Можно обоснованно констатировать тот факт, что данное осмысление, свойственное Данилевскому, получило подтверждение в историческом случае создания НАТО, поскольку в Уставе Североатлантического альянса, в его преамбуле, записано, что «договаривающиеся стороны преисполнены решимости защищать свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов»¹, т.е. прямо указано на цивилизационный фактор объединения. Его философ характеризует как неперемное условие прочности политических союзов. И это не «случайная» формулировка в Уставе НАТО. Изложенная позиция обоснована в трудах американских политологов. К примеру, Дж. Курт в работе «Расширение НАТО и идея Запада» полагает, что «целью НАТО и Атлантического союза была не просто защита Запада от Советского Союза. НАТО был также защитником Запада от Востока, а говоря точнее, западной цивилизации от восточной отсталости, тирании, даже варварства. Формирование НАТО было тесно связано и четко легитимизировано с распространением идеи западной цивилизации» [Kurth 1997, 561]. При этом наблюдается тесная взаимосвязь между «1) идеей западной цивилизации; 2) жизненными интересами Соединенных Штатов; и 3) членством в Атлантическом альянсе» [Kurth 1998, 561–562].

На наш взгляд, во многом благодаря этому умозаключению, объясняется неудержимое стремление Данилевского создать вокруг России и ее народа союз православно-славянских государств, способный противостоять европейской экспансии на прочной цивилизационно-культурной основе. Приведенным умозаключением исследование философа не завершается. Данилевский ставит перед собой задачу изучения готовности русского народа к «великой борьбе», в том числе готовности русской армии. Ввиду этого он исследует военные кампании с участием России и европейских стран с начала XVIII века, объясняя выборку тем, что с указанного времени наша страна вступила в «тесные военные и мирные отношения» с Европой. Вместе с тем обращает внимание на уникальный факт, заключающийся в том, что только России выпала историческая участь вести войны с тремя величайшими гениями-полководцами этого периода – шведским королем-полководцем Карлом XII, германским королем-полководцем Фридрихом II и французским императором-полководцем Наполеоном I. Во всех трех военных кампаниях против армий, возглавляемых самыми талантливыми полководцами того исторического времени, Россия вышла победительницей. Данилевский утверждал:

¹ Североатлантический договор. 4 апреля 1949 г. // NATO. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru

«Только Рим победил Ганнибала и Россия – Карла, Фридриха и Наполеона, несмотря на то что войсками предводительствовали гораздо слабейшие полководцы» [Данилевский 2003, 498].

Философ считал, что данное историческое явление заслуживает специального исследования. В проведенном им анализе выделено пять критериев сравнительной оценки военной готовности армий: 1) численность армии; 2) тактика и опыт; 3) вооружение; 4) талант полководца; 5) нравственный дух. Сначала им проведена сравнительная оценка силы шведской и русской армий в Северной войне (1700–1721), которую Россия вела со Швецией за выход к Балтийскому морю и вследствие этой войны, согласно Ништадтскому договору 1721 года, вернула себе отторгнутые ранее Швецией прибалтийские земли, приобрела земли протяженностью от Риги до Выборга. Сформулирован вывод о том, что при численном преимуществе русской армии шведы имели превосходство в боевой опытности, вооружении и уровне тактической обученности, а также в талантливости их полководца Карла XII, который уступал Петру I в качествах государя и политического деятеля, но превосходил в полководческом таланте. Иными словами, шведы превосходили в трех из пяти исследуемых элементов, однако проиграли войну во многом по причине более крепкого морального духа русских воинов.

Еще более показательным и «поучительным» в проводимом сравнении Данилевский считает пример Семилетней войны (1756–1763), крупнейшего военного конфликта XVIII века, в котором участвовали все европейские державы и в который были вовлечены почти все страны Европы этого периода. В Семилетней войне русская армия участвовала в четырех сражениях с прусской (под Эгерсдорфом, Цорндорфом, Цюллихау, Кунерсдорфом) и одержала три победы при одном поражении (под Цорндорфом). Несмотря на то, что в указанный период прусская армия была первой в мире по вооружению и тактической подготовленности, имела богатый боевой опыт, накопленный во многих походах и сражениях с сильными армиями европейских государств, а у русской армии практически отсутствовал боевой опыт, начиная с Ништадтского мира, долгое время не происходили боестолкновения с европейскими армиями.

Превосходство германцев в вооружениях было не только количественным, но и качественным. Например, они первыми стали использовать железные шомполы, что оказалось более эффективным. Полководческий гений Фридриха, которого Данилевский отнес к числу «величайших полководцев всех времен и народов», в значительной степени превосходил полководческие способности русских главнокомандующих (генерал-аншефа В.В. Фермора,

генерал-аншефа П.С. Салтыкова и др.). И, хотя численный перевес был на стороне русских войск, Фридрих, благодаря полководческому таланту, мог его компенсировать умелыми маневрами. Например, использовал растянутость и малоподвижность войск противника. Наступая на один из флангов, сосредоточив на этом участке значительные силы и тем самым нарушив строй всей армии противника, опрокидывал ее, повергая в бегство. Так происходило практически со всеми противниками в случае, если Фридрих применял этот маневр. Со всеми, кроме русской армии. В сражении под Кунерсдорфом русская армия попала под действие данного маневра, но не побежала, а начала свертываться своим пораженным флангом в сторону центра построения войск, причем по мере свертывания укреплялась, словно пружина, упругость которой усиливается по мере сжатия, увеличивая сопротивляемость. В результате эта несгибаемость позволила одолеть германскую силу, войска которой были отброшены и разбиты. Фридрих, стоит отдать ему должное, объяснил причину грандиозного поражения недостатком храбрости и мужества своего войска, в полной мере оценив моральную готовность и боевой дух русских.

Наконец, анализируя военную кампанию Отечественной войны 1812 года, Данилевский приходит к аналогичному выводу о превосходстве морального духа русской армии. Причем, кроме ряда иных показателей, у армии Наполеона было и численное преимущество, сформировавшееся в том числе благодаря входившим в состав французской армии войскам других европейских стран. Но и это не помогло, как не помог полководческий гений Наполеона I. Непобедимая доселе наполеоновская армия была побеждена стойкостью и непоколебимостью русского народа, в особенности проявившихся в сражении при Бородино, которое стало переломной точкой кампании.

В качестве достойной иллюстрации к умозаключению о превосходящем свойстве русского морального духа исследователь приводит необычайно точную оценку-характеристику результатов сражения, которую дает гениальный отечественный философ и писатель Л.Н. Толстой: «Не один Наполеон испытывал то, похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бессильно; но все генералы, все участвовавшие и неучаствовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв *половину* войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской армии была истощена. Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем

пространством, на котором стояли и стоят войска, – а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, – была одержана русскими под Бородином... Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель 500-тысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника» [Толстой 1983, 232].

Таким образом, проведенный Данилевским сравнительный анализ показал, что если даже четыре из пяти элементов готовности войска, как правило, были в пользу неприятеля (в разном сочетании), то пятый – моральный дух, самоотверженность, самопожертвование – перевешивал все остальные. В подтверждение он приводит слова Фридриха о том, что «русские – стены из мяса (*murs de chair*), что их мало убить, но, убив, надо еще повалить» [Данилевский 2003, 500]. Духовная сила русского войска и русского народа показала решающее превосходство. Вместе с тем философ сразу предупреждает, что для готовности к грядущей борьбе против предстоящей европейской экспансии необходимо применение усилий по укреплению остальных компонентов армии.

Вопрос исхода грядущей борьбы, по мнению Данилевского, носит судьбоносный характер: или Россия будет самостоятельной цивилизационной общностью, или она будет подчинена Европе в качестве «этнографического материала» для ее цивилизации.

Рецепция идей Данилевского в военно-философском творчестве русских мыслителей конца XIX – начала XX века

Взгляды Данилевского оказали значительное влияние на формирование философии войны русскими мыслителями конца XIX – первой четверти XX века. В частности, Вл.С. Соловьев (1853–1900) в своей философии истории и «оправдании войны» исходил из постулатов цивилизационной теории, разработанной Данилевским, хотя в ряде вопросов с ним не согласен, во многом потому, что позиция Соловьева изменялась в процессе эволюции его взглядов, насчитывающей несколько этапов.

По нашему мнению, исходным методологическим основанием для Соловьева было следующее сформулированное им положение: «Оставляя в стороне древние времена и ограничиваясь современным человечеством, мы видим совместное существование трех исторических миров, трех культур, резко между собою различающихся, мусульманский Восток, Западную цивилизацию и мир Славянский: все, что находится вне их, не имеет общего мирового

значения, не оказывает прямого влияния на историю человечества» [Соловьев 1989, 20]. Итак, очевидной становится рецепция теории Данилевского в общем цивилизационно-культурном подходе, однако с частным различием, проявляющимся в том, что он придает мировое значение мусульманскому миру, в отличие от Данилевского. Нельзя не отметить, что Соловьев продолжает линию Данилевского о величии России с опорой на славянство, хотя и с некоторыми различиями в терминологии. К примеру, Соловьев называл Россию и славянство «новой исторической силой», а Данилевский – «новой цивилизацией».

В целом цивилизационная теория Данилевского и в частности понимание им и Соловьевым войны как духовного конфликта, конфликта культур, в результате которого осуществится величие России, положены в основу поисков нравственно-исторического смысла войны, осуществленных мыслителями философского Возрождения в России начала XX века, как части Серебряного века русской культуры [Ванчугов 2016; Давлетшина 2020; Дзема 2016; Жукова 2015; Коробов-Латынцев 2019; Куманьков 2017; Межуев 2021; Скворцов 2021; Тимофеев 2016].

Эти поиски происходили прежде всего в среде Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Именно в творческой атмосфере такого интеллектуального собрания укрепилось понимание и восприятие войны как конфликта культур, результата столкновения разных цивилизаций, начатое Данилевским почти за полстолетия до этого. К примеру, С.Н. Булгаков, один из лидеров общества, анализируя балканотурецкую войну 1913 года, характеризовал ее как столкновение «трех идей или жизненных начал»: турецкого, германского и православно-славянского [Булгаков 1913, 148]. С началом Первой мировой войны она была воспринята большинством русских философов как проявление острейшего духовного конфликта двух культур – романо-германской и православно-славянской. Наиболее активную роль в этих поисках сыграли Н.А. Бердяев и В.Ф. Эрн, а также другие отечественные мыслители, сформировавшие оригинальное русское религиозно-философское течение нравственно-культурного понимания смысла войны, во многом основанное на учении Н.Я. Данилевского.

Заключение

Сегодня, по прошествии времени, мы видим, что прогноз Данилевского о мировой войне с европейскими странами сбылся. Более того, случилась не одна мировая война, а две (и в обеих значительное участие принимала Германия), в которых воплотилась постулированная им «великая борьба», и русский народ, по его

утверждению, проявил качества героизма, самоотверженности и самопожертвования. Безусловно, нет оснований утверждать, что все его прогнозы осуществились. В частности, не нашел подтверждения его прогноз о том, что все славянские народы дружно и в едином порыве выступят на стороне России в мировой войне. В действительности были и такие славянские народы (например, болгары), которые воевали на стороне противников России. Тем не менее следует признать, что отечественным философом Данилевским заложена традиция прогностичности русской военно-философской мысли, продолженная Вл.С. Соловьевым, В.Ф. Эрном и другими отечественными мыслителями первой четверти XX века.

Благодаря методологическому цивилизационно-культурному подходу, разработанному и сформулированному Н.Я. Данилевским, применявшемуся и другими русскими философами, стали впоследствии возможными, на наш взгляд, прогнозы о войнах, предложенные Вл.С. Соловьевым, С.Н. Булгаковым и В.Ф. Эрном, а также поиски смысла войны в русской философии Серебряного века культуры, в которых приняли участие Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, братья Трубецкие, в значительной степени обогатившие отечественную военно-философскую мысль своеобразным течением.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булгаков 1913 – *Булгаков С.Н.* Три идеи // Русская мысль. 1913. № 2. С. 142–149.

Ванчугов 2016 – *Ванчугов В.В.* Смысл жизни и ценности культуры в контексте религиозно-метафизического анализа войны: опыт России 1914–1918 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 2. С. 102–112.

Давлетшина 2020 – *Давлетшина А.М.* Война и вера: проблема морального обновления в философии НА Бердяева и АА Керсновского // Общество: философия, история, культура. № 12. С. 57–61.

Данилевский 1991 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. – М.: Книга, 1991.

Данилевский 2003 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. – М.: Известия, 2003.

Дзема 2016 – *Дзема А.И.* Война и подвиг как объект размышлений Е.Н. Трубецкого // Соловьевские исследования. № 1. С. 62–76.

Жукова 2015 – *Жукова О.А.* Голос великой войны: философский спор о русской и германской культуре // Философские науки. № 4. С. 50–63.

Киселев 2003 – *Киселев С.Г.* Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. – М.: Известия, 2003.

Коробов-Латынцев 2019 – *Коробов-Латынцев А.Ю.* Экзистенциал войны в русской философии // Гуманитарные проблемы военного дела. № 3. С. 41–46.

Куманьков 2017 – *Куманьков А.Д.* СЛ Франк в поисках духовного смысла Великой войны // Философские науки. № 3. С. 38–52.

Межуев 2021 – *Межуев Б.В.* «Смысл войны» Вл. Соловьева и русское общество // Вопросы философии. № 2. С. 126–136.

Скворцов 2021 – *Скворцов А.А.* Русская философия войны Серебряного века: основные особенности // Философские науки. Т. 63. № 11. С. 91–103.

Соловьев 1989 – *Соловьев Вл.С.* Три силы // *Соловьев Вл.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1989. С. 19–31.

Тимофеев 2016 – *Тимофеев А.И.* Николай Бердяев: человечность и война // Соловьевские исследования. № 1. С. 85–93.

Тойнби 1991 – *Тойнби А.Дж.* Постигание истории: сборник. – М.: Прогресс, 1991.

Толстой 1983 – *Толстой Л.Н.* Война и мир: роман: в 4 т. Т. 3–4. – М.: Художественная литература, 1983.

Kurth 1997 – *Kurth J.* NATO Expansion and the Idea of the West // *Orbis*. 1998. Vol. 41. No. 4. P. 555–567.

REFERENCES

Bulgakov S.N. (1913) Three Ideas. *Russkaya mysl'*. No. 2, pp. 142–149 (in Russian).

Danilevsky N.Ya. (1991) *Russia and Europe*. Moscow: Kniga (in Russian).

Danilevsky N.Ya. (2003) *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman*. Moscow: Izvestiya (in Russian).

Davletshina A.M. (2020). War and Faith: The Problem of Moral Renewal in the Philosophy of N.A. Berdyaev and A.A. Kersnovsky. *Obschestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*. No. 12, pp. 57–61 (in Russian).

Dzema A.I. (2016). War and Feat as an Object of E.N. Trubetskoy's Reflections. *Solovyovskiyе issledovaniya*. No. 1, pp. 62–76 (in Russian).

Kiselev S.G. (2003) *The Basic Instinct of Civilizations and Geopolitical Challenges of Russia*. Moscow: Izvestiya (in Russian).

Korobov-Latyntsev A.Yu. (2019) The Existential of War in Russian Philosophy. *Gumanitarnye problemy voyennogo dela*. No. 3, pp. 41–46 (in Russian).

Kumankov A.D. (2017) S.L. Frank in Search for the Spiritual Sense of the Great War. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 3, pp. 38–52 (in Russian).

Kurth J. (1997) NATO Expansion and the Idea of the West. *Orbis*. Vol. 41, no. 4, pp. 555–567.

Mezhuev B.V. (2021) V. Solovyov's *The Meaning of War* and Russian society. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 126–136 (in Russian).

Skvortsov A.A. (2021) Russian Silver Age Philosophy of War: Main Features. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 11, pp. 91–103 (in Russian).

Solovyov V.S. (1989) Three Forces. In: Solovyov V.S. *Works in 2 Vols.* (Vol. 1, pp. 19–31). Moscow: Pravda (in Russian).

Timofeev A.I. (2016) Nikolai Berdyaev: Humanity and War. *Solovyovskiy issledovaniya*. No. 1, pp. 85–93 (in Russian).

Tolstoy L.N. (1983) *War and Peace* (Vols. 3–4). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Toynbee A.J. (1991) *A Study of History*. Moscow: Progress (Russian translation).

Vanchugov V.V. (2016). The meaning of life and cultural values in the context of a religious-metaphysical analysis of war: the experience of Russia in 1914–1918. *RUDN Journal of Philosophy*. No. 2, pp. 102–112 (in Russian).

Zhukova O.A. (2015) Voice of the Great War: The Philosophical Debate about Russian and German Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 4, pp. 50–63 (in Russian).

Война как протагонист: философская проблематика фильма «Иди и смотри» Элема Климова*

Р.В. Гуляев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются основные теоретические проблемы изображения войны в кино и анализируется, как они решены в фильме Э.Г. Климова «Иди и смотри». Традиционный военный кинематограф фокусируется на героических действиях и жертвенности персонажей, зачастую перенося на экран сюжеты национально-исторической мифологии. Война, помещенная в такие рамки, выглядит увлекательным и зрелищным действием. Климов, по мнению автора статьи, стремится уйти от данной модели и, хотя берет за основу идеологически конвенциональный сюжет о борьбе советских партизан против оккупантов, ставит задачу передать в первую очередь шокирующее и травмирующее воздействие, которое боевые действия оказывают на участников. В этом аспекте становится возможной параллель с интенцией теоретика войны XIX века Карла фон Клаузевица развенчать взгляды «кабинетных» теоретиков и выделить факторы, под действием которых война превращается в «область физических усилий и страданий». К таким факторам относятся опасность, физическое напряжение, недостаток сведений и случайность. «Иди и смотри» Климова, в отличие от предшествующих произведений военного кинематографа, последовательно моделирует воздействие этих факторов как на героя, так и на зрителя. Главное различие, согласно авторской позиции, состоит в том, что Клаузевиц выводит в своей теории фигуру военного гения, т.е. того, кто способен за счет опыта, компетенции и силы духа преодолеть неблагоприятные обстоятельства и навязать противнику свою волю. В фильме Климова такая фигура отсутствует; мы видим войну глазами подростка, который к ней не готов ни физически, ни морально. И, хотя в процессе фильма он начинает получать опыт и внутренне изменяться, в конце – сломлен и опустошен. В итоге фильм оказывается

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-028) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021–2022 гг.

ни провоенным, ни антивоенным высказыванием, а полноценным исследованием природы войны и попыткой реконструировать специфический опыт, который формируется под ее воздействием.

Ключевые слова: философия войны, философия искусства, Клаузевиц, насилие, идеология, партизан, кино.

Гуляев Роман Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

rgulyaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2558-1847>

Для цитирования: Гуляев Р.В. Война как протагонист: философская проблематика фильма «Иди и смотри» Элема Климова // Философские науки. 2021. Т. 64. № 6. С. 125–146.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-125-146

War as a Protagonist: Philosophical Problems in the film *Come and See* by Elem Klimov*

R.V. Gulyaev

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

The article examines the main theoretical problems of depicting war in cinema and analyzes how they are solved in E.G. Klimov's film *Come and See*. Traditional war cinematography focuses on heroic actions and personal sacrifice, often portraying plots of national historical mythology on the screen. The war, placed in such a framework, looks like a fascinating and spectacular action. The author argues that Klimov seeks to get away from this model. Although he takes as a basis an ideologically conventional plot about the struggle of Soviet partisans against the invaders, he sets the task of conveying, first of all, the horrifying and traumatic effect that hostilities have on the participants. In this aspect, it becomes possible to parallel with the intention of the 19th century war theorist Karl von Clausewitz to debunk the views of "armchair" theorists and highlight the factors under the influence of which war turns into "the realm of physical exertion and

* The publication was prepared in the course of the research (no. 21-04-028) within the framework of the Program "Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)" in 2021–2022.

suffering.” These factors include danger, physical stress, lack of knowledge, and accident. Klimov’s *Come and See*, in contrast to previous works of military cinema, consistently simulates the impact of these factors on both the hero and the viewer. According to the author, the main difference is that Clausewitz deduces in his theory the figure of a military genius, i.e, someone who, through experience, competence and fortitude, is able to overcome unfavorable circumstances and impose his will on the enemy. There is no such figure in Klimov’s film; we see war through the eyes of a teenager who is not ready for it either physically or morally. Although in the course of the film he begins to gain experience and change internally, in the end he is broken and devastated. As a result, the film turns out to be neither a pro-war nor an anti-war statement, but a full-fledged study of the nature of war and an attempt to reconstruct the specific experience that is formed under its influence.

Keywords: philosophy of war, philosophy of art, Clausewitz, violence, ideology, partisan, cinema.

Roman V. Gulyaev – Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer of National Research University Higher School of Economics.

rgulyaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2558-1847>

For citation: Gulyaev R.V. (2021) War as a Protagonist: Philosophical Problems in the film *Come and See* by Elem Klimov. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 125–146. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-125-146

Введение

«Люди, не испытывавшие опасностей войны, представляют ее себе скорее привлекательной, чем отталкивающей», – заявляет классик философии войны Карл фон Клаузевиц [Клаузевиц 1998, 99]. Возможно, ни в одной сфере это наблюдение не получило такого очевидного подтверждения, как в кинематографе. Война, изображенная на экране, предстает настолько увлекательным зрелищем, что до определенного момента считалось [Ebert 2016, 51] проблематичным снять по-настоящему убедительный антивоенный фильм. Можно предположить, почему это происходит. Ярко выраженный конфликт между сторонами; насилие, которое зритель наблюдает из безопасного положения по эту сторону экрана, раскрытие характеров героев в экстремальных условиях делают войну максимально кинематографичным исходным материалом, даже если изначальной интенцией авторов было критическое ее осмысление. Единственная, вероятно, возможность избежать «увлекательности» войны – оставить собственно боевые дей-

ствия за кадром, как в «Двадцати днях без войны» А. Германа¹, либо придать им условный характер, как в «Летят журавли» М. Калатозова или в «Ивановом детстве» А. Тарковского, и сосредоточиться на историях героев, для которых война оказывается лишь фоном. Однако в 1985 году вышел фильм, который разрушил описанную модель. С одной стороны, война не выведена в нем за скобки: ключевые сцены представляют собой изображение организованного насилия, выполненное на беспрецедентном уровне техники и реализма. С другой – фильм оказал такое воздействие на попытки глорификации войны в кино, что после его выхода тема Великой Отечественной фактически пропала из советского и постсоветского кинематографа [Youngblood 2001; Шпагин 2005] как минимум на последующие 15 лет. Речь идет о фильме «Иди и смотри» режиссера Элема Германовича Климова, оказавшем влияние на последующую традицию военного кино как с точки зрения киноязыка, так и с точки зрения зрительского восприятия; в то же время вызываясь неоднозначном по идеологическому содержанию.

Модели интерпретации фильма Климова

Российский исследователь Виталий Куренной в своей работе «Философия фильма» описывает [Куренной 2009, 165–167] две существующие модели исторического фильма. В рамках первой тот или иной исторический сюжет служит лишь материалом, доносящим до зрителя некую универсальную идею, и потому исторический антураж может быть сколь угодно экзотичным или даже фантастическим. Вторая модель («национально-исторические» или «исторические в собственном смысле») решает иную задачу: в фильмах установлена историческая преемственность между прошлым и настоящим. При их просмотре зритель воспринимает то, что происходит, как относящееся к нему лично, лучше понимает, кто он и откуда произошел. Таким образом, «хороший» исторический фильм, по мнению Куренного, – это фильм, который четко отвечает на два вопроса о том, какие ценности и идеи он транслирует; почему зритель должен воспринимать эти ценности и идеи всерьез. В частности, исследователь утверждает: «Основная функция исторического художественного фильма – не познавательная (когда уместно ставить вопрос об истинности

¹ В фильме показаны сцены боя (налет авиации в начале, артиллерийский обстрел в финале), но из-за кратковременности, хаотичности, а главное, отсутствия противника в кадре они производят впечатление, скорее, стихийной силы, чем вооруженного противостояния.

или ложности), а ценностно-идеологическая... Художественные произведения в этом смысле не сильно отличаются от профессиональной политической истории, которая, как известно, всякий раз переписывается под нужды текущей политической ситуации» [Куренной 2009, 169].

К какой модели отнести фильм Климова? На первый взгляд, он вполне укладывается во вторую модель, «национально-историческую». В центре повествования – жизнь партизанского отряда (т.е. один из немногих идеологически допустимых для советской эпохи ракурсов на жизнь оккупированных территорий)²; главный герой – подросток, который вынужден занять место взрослых и взять на себя ответственность за освобождение родной страны. Обе эти черты характеризуют войну именно на Восточном фронте и в первую очередь апеллируют к культурно-историческому багажу советского и постсоветского зрителя. Немцы показаны абсолютным злом, пленный офицер СС произносит программный монолог о том, что не все народы имеют право на существование (и, таким образом, война идет не против Германии, а против фашизма, и она наделена чертами экзистенциального конфликта). Кульминацией фильма является длинная и подробная сцена сожжения немцами мирной деревни вместе с жителями; документальные кадры жертв войны и финальный титр устанавливают связь с реальными событиями Второй мировой на белорусской территории. Некоторые авторы, признавая изобразительную силу фильма и степень его воздействия на зрителя, не видят существенных расхождений взгляда Климова и официальной советской идеологии, а соответственно, какой-либо теоретической новации [Goodman 1987; Le Fanu 2020]. Однако более пристальный взгляд на фильм делает расхождения заметными. Если рассматривать «Иди и смотри» как кино о партизанах, сразу становится очевидным, что фильм не вполне «работает» в таком качестве. Согласно классическому определению, партизан – это не просто солдат, действующий в тылу врага; он отказывается от правил и обычаев войны, стратегии и тактики регулярных армий, размывает границу между комбатантом и некомбатантом, переходит к «настоящей вражде вплоть до истребления» [Шмитт 2007, 21]. Партизан не останавливается ни перед чем, если это может дать ему преимущество перед противником, и не рассчитывает на благородство или защиту обычаями войны для себя. В отличие от фильмов, в которых указанные особенности партизанства

² Кино о партизанах как часть национального мифа о Второй мировой не является специфически советской чертой. О югославском послевоенном кинематографе см., например: [Horton 1987–1988].

являются центральной темой («Битва за Алжир» Д. Понтекорво, «Проверка на дорогах» А. Германа, из более поздних – «Война» А. Балабанова), Климов не сосредоточен на изображении специфики партизан и черт, выделяющих их в сравнении с традиционными формами военной организации. В «Иди и смотри» зритель увидит и вражду, и истребление, но не дано никакого объяснения, почему партизаны воюют именно так, в чем их специфическая стратегия. Более того, изображение жизни в партизанском отряде в целом совпадает с тем, как в военном кино изображена повседневность регулярной армии (с оговорками, которые рассмотрим далее в статье).

Другая возможная оптика – также востребованная в советской традиции нарративная модель «детей-мучеников» [Елисеева 2018; Кадлец 2018; Келли 2009]. Главные герои фильма молоды, мы видим происходящее их глазами. Но, в отличие от рассказов о пионерах-героях, фильм Климова не апеллирует к юношеской аудитории и не предлагает главного героя в качестве идентификационной модели. Подростки в фильме не присутствуют как отдельная возрастная группа: дружба Флеры с неназванным деревенским мальчиком (с которым они вместе ищут оружие в открывающей сцене) обрывается одновременно с его уходом в лес. В отряде Косача, в деревне Переходы встречаются герои, близкие Флере по возрасту, но это не влияет на его атомизированность и потерянность. Функционально дети и подростки в фильме не отличаются от взрослых. Окончательно вопрос о том, к какой возрастной группе принадлежит Флера, решается, когда немецкий офицер предлагает покинуть обреченный амбар взрослым без детей; Флера выходит, и его никто не останавливает. «Героический дух советской молодежи», который воспевают произведения данной модели, в фильме отсутствует: и потому, что в нем нет как таковой молодежи, и потому, что Флера не совершит ничего героического и, в отличие от многих, останется жив.

Какой подход выбрать, если возможности исчерпаны? В данном анализе будем исходить из гипотезы о том, что «Иди и смотри» является военным фильмом в собственном смысле; главным объектом изображения в нем выступает война как таковая – организованное насилие, обладающее своей особой логикой [Калдор 2015, 54]. Война больше не фон для человеческих историй и не средство раскрытия персонажей. Напротив, герои сводятся преимущественно к роли ее свидетелей и жертв. Вторая мировая оказывается частным случаем войны вообще; Климов создает произведение, на базовом уровне апеллирующее к любому зрителю, не ограниченное национально-историческими рамками.

С учетом такой позиции трактат «О войне» Карла фон Клаузевица представляется ключевым текстом, раскрывающим содержание войны как явления и ее отличия от остальных форм человеческой деятельности. Обращение к нему позволяет увидеть и объяснить особенности фильма, ускользающие при обычном взгляде на него.

Ключевым для понимания проблематики фильма Климова можно считать следующий пассаж. Клаузевиц пишет: «Деятельность на войне подобна движению в противодействующей среде. Как невозможно в воде легко и отчетливо воспроизвести самые естественные и несложные движения, простую ходьбу, так и на войне обычных сил недостаточно, чтобы держаться хотя бы на уровне посредственности» [Клаузевиц 1998, 107]. Основная проблема кино о войне видится именно в этом: фильм как форма жестко ограничен по времени, вместе с тем должен рассказать связную историю. Поэтому неизбежно концентрируется на выдающихся событиях и героических свершениях, а рутинные действия не попадают в кадр либо даются героям очень легко. Клаузевиц фокусирует внимание в первую очередь на повседневности войны. Противодействующая среда, о которой говорится в приведенной цитате, создает «трение» между тем, что было запланировано, и тем, что получилось в реальности; складывается из четырех основных факторов. Это – опасность, физическое напряжение, недостаток сведений и, наконец, случайность [Клаузевиц 1998, 84]. Описанные факторы будут действовать независимо от того, кто является субъектом действия – политик, военачальник или рядовой солдат; в зависимости от ситуации может различаться степень воздействия каждого из факторов, но их опосредующее влияние неразрывно связано с войной как деятельностью. Без их учета невозможно адекватное понимание войны, например, через вербальное изложение последовательности событий. В то же время именно кино, которое оперирует образами, а не словами [Youngblood 2001, 855], обладает уникальной возможностью полнее передать то, что чувствует участник боевых действий, с учетом этих факторов. Остается загадкой то обстоятельство, опираясь ли Климов при создании фильма на концепцию Клаузевица (хотя трактат «О войне» был известен в СССР [Соколов 2019]). Но и сам прусский теоретик настаивал [Клаузевиц 1998, 32–33] на том, что не стремился создать оригинальную концепцию, а лишь обобщил опыт «людей, знакомых с военным делом» (не исключая из их числа и себя); можно предположить, что Климов и Клаузевиц пытаются исследовать и передать в сущности близкий опыт: один как кинематографист, другой как философ.

Передача чувства опасности

С первых сцен фильма герои заглядывают в камеру, разрушая «четвертую стену» между собой и зрителем, лишая последнего комфортной позиции отстраненного наблюдателя. Еще более шокирует эпизод, когда Флера и Рубеж, пытаясь увести корову, попадают под пулеметный обстрел: «четвертую стену» разрушает очередь трассирующих пуль, летящих в объектив камеры (а значит, в зрителя)³. Многие сцены сняты длинным кадром (без монтажных склеек), моделирующим субъективный взгляд, неспособный сфокусироваться на одном предмете; самый известный звуковой эффект (воспроизведенный, в частности, С. Спилбергом в «Спаси рядового Райана») – приглушенные внешние звуки, перебиваемые ритмом собственного дыхания, – передает контузию Флеры от близкого разрыва бомбы. В результате фильм изображает не просто реальность, а то, как герой ее воспринимает, и оказывается не столько зрелищем, сколько опытом сопереживания. Подобные попытки предпринимали и ранее. Вспомним сцену с кружащимися березами из упомянутого «Летят журавли»: движение камеры моделирует взгляд упавшего навзничь смертельно раненного героя, а параллельный монтаж – воспоминания особенно ярких моментов жизни. Но только у Климова экспрессионистские приемы сочетаются с предельным реализмом⁴ происходящего в кадре. Чтобы показать, как эти приемы работают в совокупности, рассмотрим одну сцену: Флера и Глаша гуляют рядом с партизанским лагерем в тот момент, когда на него совершает налет немецкая авиация с последующей высадкой десанта. Оглушенный взрывом, Флера мечется по подлеску, пытаясь спрятаться; нам неизвестно, кем и откуда выпущенные пули выбивают щепки из деревьев вокруг него, срезают ветки, высекают искры. Тем самым нарушается конвенция изображения сцен перестрелки, восходящая как ми-

³ В определенном смысле эту сцену можно назвать инверсией другого известного приема: субъективная камера дополняется проекцией руки со стреляющим оружием, и зритель тем самым смотрит глазами ведущего бой героя (наиболее известна подобная сцена в «Брате-2» А. Балабанова, но аналогичный прием используется, например, еще в «А зори здесь тихие» 1972 года). Значимое различие очевидно: в одном случае зритель оказывается в позиции стреляющего, в другом – того, по кому стреляют.

⁴ См. комментарии художника-постановщика В. Петрова в дополнительных материалах от DVD-изданию фильма компании *Ruscico* (2001), где он рассказывает об использовании реальных боеприпасов вместо пиротехники и объясняет мотивы такого выбора: особенности почв на месте съемок не позволяли реалистично передать эффект взрывной волны традиционными способами.

нимум к «Большому ограблению поезда» (1903) Э.С. Портера: зритель за счет построения кадра или монтажных склеек должен видеть, кто в кого стреляет (и, как правило, результат стрельбы). В снятой Климовым сцене не остается ничего от увлекательности и зрелищности перестрелок традиционного кино; зрителю передано лишь чувство парализующего ужаса, который испытывает впервые оказавшийся под огнем человек.

Далее камера переключается на субъективный взгляд героя; из дыма появляется огромная фигура немецкого парашютиста, не помещающаяся целиком в кадр. Лицо не показано, но во всех подробностях видны камуфляжная куртка, подсумки, рука, придерживающая автомат; немец срывает с ветки шишку и небрежно отбрасывает ее в сторону. Флера в полном оцепенении сидит в воронке от взрыва и лишь механически моргает, когда брошенная шишка попадает в него. Только в этот момент зритель понимает, как близко противники находятся друг от друга и насколько ситуация асимметрична: в противоположность вжавшимся в воронку Флере и Глаше, немцы идут в полный рост, расслабленно переговариваются и не утруждают себя поисками тех, в кого только что стреляли, – для них нет более угрозы. Сцена завершена общим планом: поляну, накрытую сюрреалистичным багровым небом, не спеша пересекает цепь десантников (и впервые видно, как их много); слышны приглушенная немецкая речь и судорожное дыхание Флеры.

Вместо привычных военных фильмов, где герои легко уничтожают танки, самолеты и толпы условно изображенных солдат противника, зритель (едва ли не впервые в советском, а возможно, и мировом кино) наблюдает и понимает, насколько страшно хотя бы просто оказаться рядом с врагом. Неспособность сопротивляться, вести бой не показана в данном случае как следствие морального дефекта, трусости. Понятным становится, что не из трусости главный герой пошел добровольцем в партизаны. Но в бою и Флера, и Глаша в равной степени парализованы ужасом, винтовка волочится за ними на ремне не как оружие, а какременительный багаж. Зритель также беспомощен: мы ничего не слышим, потеряны в пространстве (т.к. видим отдельно Флеру, отдельно немцев, не можем оценить ни их взаимное расположение, ни расстояние между ними) и во времени (в следующей сцене герои сооружают шалаш для ночлега – непонятно, это происходит в тот же день или в другой, пропущены еще события и т.д.). Клаузевиц завершает главу, посвященную роли опасности на войне, словами: «Нужна восторженная, стойческая храбрость, властное честолюбие или старая привычка к опасности, чтобы в

этой затрудняющей всякую деятельность обстановке результат работы был не ниже той нормы, которая у себя в кабинете кажется такой обыкновенной (курсив мой. – Р. Г.)» [Клаузевиц 1998, 101]. Несложно заметить, что, как и Клаузевиц, Климов стремится преодолеть «кабинетный» взгляд на войну: «Иди и смотри» впервые в советском кино позволяет настолько непосредственно ощутить парализующее действие страха, оценить усилия, которые требуются, чтобы его преодолеть, и демонстрирует героя, у которого ни привычки, ни стоическая храбрость не успели появиться.

Неизвестность и недостаток сведений

«Война – область недостоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум» [Клаузевиц 1998, 80]. Тем не менее в жанровом кино о войне ключевую роль играет экспозиция: описание обстановки и планов сторон. Могут быть представлены развернутые сцены совещаний штабов, как в «Освобождении» Ю. Озерова, или короткий диалог, как в «Алекサンドре Невском» С. Эйзенштейна. Посредством одной монтажной склейки зритель может перемещаться между противоборствующими сторонами, узнавать и сравнивать их планы, представлять логику того или иного решения. Он, как правило, видит и знает больше героя: так, в первой серии «Семнадцати мгновений весны» зритель, а не Штирлиц, «присутствует» на совещаниях нацистского руководства и раньше, чем герой, узнает о планах сепаратных переговоров с западными союзниками. Зрителя тем самым наделяют атрибутами всеведущего и вездесущего наблюдателя, способного проследить военный план от момента его возникновения до воплощения. Знание исторического хода событий, т.е. наличие внедигетической информации, дополнительно усиливает его позицию всеведения, но она не отменяет драматизма в сюжете произведения. Мы знаем, как завершились Ледовое побоище или Вторая мировая. Но какую роль в этом сыграют герои фильма, выживут они или погибнут?

В «Иди и смотри» позиция всеведущего наблюдателя последовательно деконструируется. Открывающий титр – «Белоруссия, 1943» – не позволяет привязать действие фильма к определенному району или военной операции. Мы можем знать, что где-то параллельно идет Курская битва, что через год начнется операция «Багратион» и т.д. Однако все это не соотносится с действием фильма и не помогает ориентироваться в происходящем. Невозможность встроить события фильма в более широкий контекст усугубляется и тем, что мы практически ничего не знаем о герое

и его мотивации. Гражданином какой страны он был до войны⁵? Где его отец? Почему он так стремится вступить в партизаны? Приведем для сравнения пример. «Проверка на дорогах» А. Германа открывается сценой, в которой немецкие солдаты на глазах крестьян обливают бензином собранную картошку, обрекая их на голод. В «А зори здесь тихие» С. Росточкина и «Ивановом детстве» А. Тарковского⁶ даны сцены воспоминаний героев о мирной жизни, прерванной нападением врага. В фильме Климова мы должны держать в уме финал (сожжение немцами деревни и убийство жителей), чтобы понимать мотивы героя в начале, что, очевидно, является искусственной операцией по отношению к произведению⁷. Без этого зритель находится в том же положении, что и Флера в отряде Косача. Мы попадаем в ситуацию, не имея полной информации о предшествующих событиях и возможных последствиях (например, по пути в отряд вместе с ним в телегу везут связанного человека, который говорит по-немецки, и сразу у нас возникают вопросы о том, кто он – военный, гражданский чиновник, колонист, не являются ли дальнейшие события реакцией на его похищение); мы окружены множеством незнакомых людей, у которых свои истории, свой круг обязанностей, свои взаимоотношения, но не знаем даже их имен. Флера, в гражданском костюме, с притороченным за спиной чемоданом вместо вещмешка, здоровается с каждым встречным, попадает на общее фото, но остается безымянным «новеньким», который никого не знает и не понимает, что происходит вокруг. Это непонимание лишь усугубляется сценой, в которой командование отряда обращается к бойцам накануне выступления. Формально это – брифинг, изложение обстановки, но в действительности звучат только лозунги («партизан не спрашивает, сколько фашистов, он спрашивает, где они» и т.п.) и общие слова о надвигающейся угрозе блокады. Более того, эта сцена – последний момент фильма, где Флера является бойцом, единицей воинского подразделения; последний приказ командира, который он получает, о том, чтобы

⁵ Имена героев, которые нам известны, – Флера (т.е. Флориан) и староста Юстин – латинские, т.е. как минимум можно предположить их католическое вероисповедание; возможно, гражданами СССР они стали лишь после 1939 года.

⁶ О параллелях см.: [Brubaker 2010–2011].

⁷ Расправы над мирным населением по схожему с изображенным в фильме сценарию начались сразу после нападения Германии на Польшу в 1939 году (см.: [Снайдер 2015, 163–169]). В определенном смысле фильм Климова может быть рассмотрен в контексте национальных нарративов государств Восточной Европы и Прибалтики, оказавшихся между двумя тоталитарными режимами. Но это – тема для отдельного исследования.

отдать свои ботинки другому партизану и оставаться в лагере. В дальнейшем он будет примыкать то к одной, то к другой группе. Но и крестьяне на острове, и жители деревни Переходы, принимающие его к себе, не относятся к комбатантам. Их цель – выжить, а не воевать. Они еще меньше, чем Флера, знают, что происходит вокруг, и в такой же малой степени способны противостоять тому, что с ними произойдет. Чувство страха, одна из причин физических изменений главного героя в течение фильма, возникает задолго до того, как в кадре появляется первый немец; это – страх солдата, оказавшегося в тылу врага в одиночестве, без поддержки, приказов и понимания, что делать дальше.

«Туман неизвестности» проявляется не только в недостатке информации, но и в физической неспособности видеть; в ряде сцен фильма он воплощен буквально, когда из тумана внезапно появляются силуэты людей и техники. В отличие от большинства военных фильмов (где, например, часто используется ракурс с высоты птичьего полета), зритель у Климова видит не больше героев, а значительно меньше. Так, в открывающей сцене раскопок на поле боя мы сначала наблюдаем, как Флера бросает лопату и в панике прячется, затем слышим звук моторов и понимаем, что он прячется от проезжающей по дороге немецкой техники. Но такое понимание приходит не сразу, и немцев, в отличие от героя, в этой сцене зритель не увидит. В сцене, где Флера и Рубеж, тянущие корову, попадают под пулеметный огонь, опровергается, возможно, главное кинематографическое допущение, связанное с изображением боя, о том, что стреляющий точно видит цель, т.е. куда стреляет, и сразу узнает результат выстрела. Обычно это достигается путем элементарной монтажной склейки: сначала на глазах у зрителя возникает кадр с выстрелом, затем – кадр, в котором падает тело (или столбик пыли от промаха); либо стрелок и цель совмещены в одном кадре. При этом, если учитывать обычные дистанции пехотного боя (несколько сотен метров⁸), чаще всего стреляющий не видит цель отчетливо, а эффект достигается, скорее, количеством выстрелов в нужном направлении, чем их точностью. Климов передает хаотичность и скоротечность огневого контакта: откуда-то издалека летят очереди из невидимого пулемета; не только зритель, но и Флера не сразу понимает, что его напарник убит; естественно, никто из стрелявших не идет ночью посмотреть, попали они в кого-то

⁸ По уставу 1942 года средняя дистанция стрельбы в обороне вне населенного пункта или леса составляет 400 м. Подробнее об этом см.: Боевой устав пехоты Красной Армии: в 2 ч. Ч. 2. – М.: Воениздат НКО СССР, 1944. С. 60–66.

или не попали. Неизвестность проявляется в длинной и полной напряженной сцене, предшествующей расправе над жителями Переходов. Полицаи кого-то высматривают в избах, но никто даже не спрашивает о Флере (у которого нет ни документов, ни убедительной версии, что он здесь делает); на карательную акцию зачем-то прибывает агитмобиль, на котором звучит русская и немецкая музыка; по деревне возят труп человека, убитого при неизвестных обстоятельствах. У жителей проверяют документы, затем всех загоняют в сарай, далее разрешают выйти тем, у кого нет детей. Одно действие противоречит другому. Непонятно, то ли это – тактика, минимизирующая возможность сопротивления, то ли немцы не сразу решают, как поступить в отношении деревни. Зритель знает, что жители укрывают партизан (помощь Флере трудно трактовать иначе). Но знают ли об этом немцы? Возможно и обратное – они обнаружили в деревне что-то, о чем не знает зритель, изобличающее жителей. Что представляет собой происходящее: это – акция неизбирательного террора, замаскированный под борьбу с партизанами геноцид или репрессии за какие-то действия, связанные или не связанные с отрядом Косача? Состояние неизвестности продолжается до момента, когда первые бутылки с бензином бросают в заполненный жителями сарай. До этого она присутствует на протяжении фильма: и на сюжетном уровне, и на уровне композиции отдельных сцен. Происходящее лишается увлекательности, однако становится более напряженным и пугающим.

Физическое напряжение

Физический, телесный аспект войны, вероятно, сложнее всего передать посредством кино. Зритель, разумеется, подходит к просмотру в разном физическом состоянии, но фильм не может заставить его почувствовать усталость, эффекты депривации сна, чувство голода, иные состояния, сопровождающие участников боевых действий. Киноплёнка передает изображение и звук, но не запахи или тактильные ощущения, холод или жару.

Фильм Климова по-своему обходит эти ограничения. Во многих интервью⁹, посвященных процессу съемок, исполнитель главной роли А. Кравченко рассказывал о строгой диете и дополнитель-

⁹ Алексей Кравченко о съемках в фильме «Иди и смотри»: «Я думал, что просто не выдержу». Интервью корреспондентам РЕН ТВ // Ren.tv. 2015. 8 мая. – URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/29081-aleksei-kravchenko-o-semkakh-v-filme-idi-i-smotri-ia-dumal-cto-prosto-ne-vyderzhu>; см. дополнительные материалы к DVD-изданию компании *Ruscico*, прим. 4 к данной статье.

ных физических нагрузках, чтобы соответствовать комплекции персонажа, но история не ограничивается видом худых и нездоровых тел. На протяжении фильма прослеживается множество снятых длинным кадром сцен, в которых герои куда-то идут, бегут или ползут, и никогда это движение не дается им легко. Они постоянно спотыкаются, ковыляют, падают; собственная слабость усугубляется вязкой и неуступчивой внешней средой (будь то подлесок, болото или несхошенный луг), неудобной или разваливающейся обувью¹⁰. Зритель наблюдает и понимает, как героям тяжело; но Климов находит возможность заставить почувствовать эту тяжесть на себе. Воздействуя лишь на зрение и слух аудитории, режиссер постоянно провоцирует напряжение наших когнитивных способностей. Начнем со звука. В первой части зритель привыкает к «реалистической» модели: мы понимаем, кто является протагонистом, и слышим то, что происходит вокруг него. Данная модель изменяется в сцене, где Флеру оглушает взрыв бомбы. В частности, «объективный» звуковой ландшафт сменяется субъективным, мы не просто слышим звуки, окружающие героя, но воспринимаем их так, как он их слышит (или не слышит). Поэтому в другой сцене выброшенная из самолета бутылка падает со свистом бомбы (для героя опыт бомбежки не уходит бесследно); мухи, которые летали по комнате, продолжают жужжать с такой же громкостью, когда Флера выбегает из дома наружу (мыслями он еще остается внутри, пытаюсь понять, где его семья); звон в ушах от контузии навязчиво повторяется в моменты душевного потрясения. Однако и эта модель достигает апогея, изменяясь в сцене сожжения деревни. Какофония «объективной» реальности (крики жителей, ругань, команды и смех немцев, лай собак, рёв скотины, музыка из репродукторов, выстрелы, звуки моторов наслаиваются друг на друга, но остаются различимы по отдельности), даже если оставить за скобками вопрос о том, реальность ли это или впечатление героя, сменяется внедигетической музыкой, которую Флера точно слышать не мог, но которая отражает его внутреннее состояние. Описанные модели периодически сменяют друг друга в течение фильма. В итоге зритель находится в постоянном напряжении, пытаюсь понять, что именно и почему он слышит в данный момент. Резкость

¹⁰ Обувь представляет собой важную коллизию на протяжении фильма, помимо упомянутого эпизода об обмене ботинками; двое из группы Рубежа погибают, потому что у одного из них не вовремя размоталась портянка; Рубеж с сожалением вспоминает сапоги хозяина коровы, которые не успел отобрать; в одной из сцен после боя, на заднем плане, показано, как два партизана снимают сапоги с убитого немца.

и хаотичность звукового ряда в сцене горящей деревни оказывает не менее травмирующее действие, чем изображение.

Подобное наслоение происходит и на визуальном уровне фильма. Большая часть действия происходит на природе. Соответственно, мы не видим сложно организованных, загроможденных предметами интерьеров, как в фильмах Тарковского или Германа. Тем не менее внимание к материальной культуре и количество информации о героях, передаваемой через их внешний вид, беспрецедентны в кинематографе о Второй мировой. Среди партизан отчетливо можно различить деревенских жителей и городских; выделены кадровые военные, которые в дополнение к гражданской одежде, немецкой и даже польской униформе, используют сохранившиеся элементы штатного советского армейского снаряжения, демонстрирующие их связь с регулярными частями. Например, начальник штаба отряда продолжает носить кавалерийскую шашку, несмотря на ее сомнительную полезность в существующих условиях; на рядовых бойцах, помимо пехотного обмундирования, – танкистские шлемы, флотские бушлаты и бескозырки. Эти детали создают дополнительный уровень визуального нарратива, позволяют предположить, кто и в какой момент войны присоединился к отряду Косача, как распределены роли и т.д. Подобное можно наблюдать в «Проверке на дорогах» Германа, но у него бэкграунд героев дополнительно раскрыт в бытовых сценах, диалогах и т.д.; у Климова мы получаем сопоставимый объем визуальной информации, не сопровождающейся сюжетными или вербальными пояснениями. Такой способ воздействия отсылает, скорее, к многофигурным живописным полотнам, в которых можно без временных ограничений рассматривать каждый фрагмент в подробностях; в динамичном кадре избыток поступающей информации мешает сфокусироваться и требует основательной работы от воспринимающего.

Не было у Германа (и в советском военном кино в целом) настолько подробного и сложного изображения немецкой стороны, как в фильме Климова. Вопреки традиции изображения немецких солдат как однородной массы, в серой униформе и с автоматами MP 38/40, создатели «Иди и смотри» учитывают то обстоятельство, что вермахт образца 1943 года – очень неоднородная по составу армия, в которой были как опытные части и кадры, воевавшие четвертый год, так и пополнения из новобранцев, коллаборационистов и т.д.; обмундирование и вооружение армии приходилось обновлять в условиях постепенно сокращающихся ресурсов. В результате даже солдаты одного подразделения могли различаться между собой по внешнему виду и экипировке.

Особенно это разнообразие усугублялось в антипартизанских акциях, к которым, как правило, привлекали всех подряд¹¹; рядом с айнзацкомандами могли действовать связисты, повара, полевая жандармерия и т.п. В фильме представлены непохожие друг на друга группы оккупантов: элитный, единообразно вооруженный отряд парашютистов, десантирующийся на территории лагеря партизан; костяк нападающих на деревню Переходы составляют эсэсовцы и армейская пехота. Кроме того, в этой сцене можно видеть штабных и административных работников, а также коллаборационистов: одни вписаны в армейскую структуру (группа солдат с нашивками Русской освободительной армии; отдельно от них – эсэсовец, который в финале будет выполнять роль переводчика, носит наградной «Знак отличия для восточных народов», т.е. он не немец и не фольксдойче), другие относятся к местной полиции, третьи являются «добровольными помощниками» (*Hilfswilliger*) неопределенного статуса. Все они в той или иной степени участвуют в уничтожении деревни, но различаются по внешнему виду, вооружению, поведению. Например, помощники-хиви больше остальных суетятся, кричат и используют рукоприкладство, поскольку находятся на нижнем уровне армейской иерархии (им не доверяют даже трофейное оружие, поэтому один вооружен топором, другой – гражданским охотничьим ружьем; офицеры и солдаты регулярной армии относятся к ним с явным презрением). Первым начинает стрелять по амбару, в котором заперты жители, офицер в парадной форме раннего образца, не успевшей износиться. Вероятно, он – тыловик или штабной (который использует редкую ввиду должности возможность пострелять). На заднем плане в этот момент, скучая, курит шарфюрер-мотоциклист, которого ранее угощали приютившие Флеру крестьяне; крест «За военные заслуги» и знак «За участие в штурмовых атаках» на потертой пыльной форме (а также, судя по нарукавной ленте, принадлежность к элитной дивизии СС «Рейх»¹²) объясняют его равнодушие: для него происходящее

¹¹ Вопросы соотношения между боевыми и вспомогательными частями, как и иные вопросы, связанные с логистикой и администрированием боевых действий, обычно остаются за пределами кинематографического изображения войны. При этом в вермахте к началу войны статистика была следующей: боевые части – 1 050 931 человек, небоевые (штабы, строительные части, службы снабжения и т.д.) – 1 650 920, т.е. превосходство последних составляло более чем в полтора раза (см.: [Мюллер-Гиллербанд 2002, 706]).

¹² В отличие от вооруженных сил (вермахта), включавших в себя армию, ВВС и флот, войска СС входили в партийную структуру НСДАП и имели отдельную систему званий (см.: [Уиндрои 2004, 10, 18]).

успело стать рутинной. Различие в поведении карателей бросается в глаза: кто-то пьет водку и поет, кого-то рвет (от алкоголя или стресса), кто-то без видимых эмоций выполняет свою работу. В отличие от традиций советского кино, преимущественно избравшего немцев как условную и практически однородную массу, Климов выстраивает сложносоставной групповой портрет, наподобие повести «Каратели» (1981) соавтора сценария А. Адамовича. Однако Климов избегает, как и в случае партизан, развернутых словесных нарративов: он обращается к визуальному языку, в первую очередь к символике армейских знаков различия и наград. «Иди и смотри» не просто корректно использует этот язык (что в отношении немцев в советском кино само по себе было редкостью), но и выстраивает с его помощью дополнительные микросюжеты. В частности, пленный переводчик, в финале фильма изобличающий карателей СС и пытающийся от них дистанцироваться, носит петлицы обершарфюрера (аналога армейского фельдфебеля), хотя и без эсэсовских рун, т.е. представляет такую же организацию. Вероятно, он замечает, что ведущие допрос партизаны слабо ориентируются в немецких знаках различия, и пытается использовать это, чтобы сохранить себе жизнь. Среди пленных – ни одного в эсэсовском камуфляже или с нашивками РОА (которые опознать гораздо легче, чем сложную систему погонов и петлиц; вероятно, поэтому в плен их и не взяли). У оберштурмфюрера-фанатика, помимо эффектных шрамов на лице, на груди – серебряный знак, положенный за 30-дневное участие в ближних боях, а у штурмбаннфюрера, командующего расправой, напротив, боевых наград не находим (в сцене допроса он предстает без форменного кителя, на котором носят награды и знаки различия, – то ли успел сбросить самостоятельно, то ли помогли партизаны, – и в результате практически не похож на военного).

Очевидно, не все из этих деталей рассчитаны на восприятие массовым зрителем. Но можно предположить, что простой объем поступающей звуковой и визуальной информации в описанных сценах (на экране всегда много людей, они по-разному выглядят, действуют, говорят) оказывает на любого зрителя не менее шоковый эффект, чем происходящее на экране насилие; испытывают напряжение и к финалу оказываются морально, физически истощены не только герои, но и аудитория.

Роль случая

Дополнительный драматизм фильму придает то обстоятельство, что Флера во многих ситуациях оказывается на грани успеха, и при незначительном изменении событий сюжет сложился бы

в историю опасных, но героических приключений юного партизана. Везет Флере в случае обнаружения исправной винтовки: он буквально свалился на нее, прячась в яме от немцев. Вместе с Глашей они попадают под авианалет, но отделяются легкой контузией и испугом; задевают немца, беспомощно болтающегося на стропах парашюта, хотя другие парашютисты проходят мимо, не замечая их. Рейд с целью добычи продовольствия, в котором Флера участвует с Рубежом и его товарищами, мало напоминает подвиги. О них он, вероятно, мечтал, вступая в отряд Косача. Но именно в этих обстоятельствах Флера проявляет волю и лидерские качества, когда взрослые начинают колебаться («Там люди с голоду дохнут!»). Порыв вскоре завершается для двух партизан подрывом на немецких минах, но затем Флера и Рубеж без единого выстрела добывают ценный трофей – корову. Даже когда Рубеж и корова погибли под немецкими пулями, Флера отделался простреленным прикладом своей винтовки, а утром обнаружил рядом с собой крестьянскую подводку. Он сразу ее реквизирует¹³, чтобы погрузить коровью тушу. Если бы события происходили иначе, мы бы наблюдали историю стремительного превращения наивного деревенского паренька в ловкого и удачливого партизана, который и сам выбирается из любых трудностей, и спасает от голода беспомощных мирных жителей. Флера к этому моменту сильно меняется внешне: пропал неуместный чемодан, с которым он пришел к партизанам, гражданский костюм сменился немецким кителем без опознавательных знаков, вместо разваливающихся сапог снова нашлись ботинки. Лицо и мимика утрачивают детские черты, взгляд становится мрачным и сосредоточенным, движения – экономными; внешне перед нами «нормальный» партизан. Однако в таком качестве он пребывает лишь в одной сцене: реквизицию телеги прерывает звук немецких моторов. Винтовку и солдатский ремень ему приходится прятать в копне сена. Флера снова становится тем, кем был в начале – испуганным подростком без малейшей возможности повлиять на происходящее вокруг. Даже победа партизан и возмездие карателям не искупают произошедшее с Флерой: они не зависели от его действий, он в них не участвовал. Единственный раз в фильме стреляет из вин-

¹³ В данном случае можно не согласиться с распространенным мнением о том, что Флера ни разу в фильме не использует оружие против живого человека. Применение оружия подразумевает достижение некоторой цели, а не обязательно стрельбу; своей цели Флера добывается угрозой его применения. См.: *Власова В., Ганьшина Е., Богданов А.* Как «Иди и смотри» передает ужас войны // Кинопоиск. 2020. 6 мая. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q5dai-drKVk>.

товки по бесполезному портрету Гитлера. В момент выхода эту сцену обвиняли во «всепрощенчестве и абстрактном гуманизме» [Элем Климов... 2008, 241]: несмотря на пережитое, Флера не смог выстрелить в детскую фотографию Гитлера, а значит, сохранил в себе остатки человечности. Но, полагаем, не меньше существует оснований для того, чтобы видеть в ней окончательное понимание героем сущности войны и избавление от иллюзий. Взяв в руки винтовку для защиты женщин и детей, пытаясь своими выстрелами добраться до причины войны и устранить ее, он обнаруживает себя целящимся в ребенка (пусть и воображаемого). В этот момент у него гораздо больше общего с немцами, которые только что фотографировались с пистолетом у его виска, чем с улыбчивым подростком из начала фильма. В финальных кадрах, где нагруженный трофейным оружием отряд спешно возвращается в лес, партизаны выглядят [Youngblood 2001, 854], скорее, выжившими в катастрофе, чем победителями в сражении. Флера, в одночасье ставший стариком, ковыляя, догоняет уходящую колонну партизан и растворяется в ней вместе со своими прежними мотивами, страхами и надеждами.

Заключение

Говоря о Клаузевице, обычно в первую очередь вспоминают его определение о связи войны и политики. Климову такой «макроуровень» чужд: государственные интересы, карты со стрелками стратегических операций и т.д. существуют в какой-то иной реальности, параллельной действию фильма. Вместе с тем Клаузевиц дает и другое определение, более «приземленное», которое исчерпывающе описывает происходящее в фильме. Он пишет: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц 1998, 35]. Данное определение будет работать и для политика, и для генерала, и для рядового, независимо от того, кавалерия или танки господствуют на поле боя. «Иди и смотри» целиком строится вокруг ситуаций воздействия насилия на волю человека. Найденная винтовка и тем самым выбранный путь запускают цепочку последующих событий, разделяют жизнь героя на до и после. Флера с трудом осваивает язык насилия, делает первые шаги к овладению им, но сталкивается с несопоставимыми силами и выходит из этого столкновения разрушенным.

Столь же разрушенным после просмотра оказывается и зритель, приученный к традиции военно-патриотического кино. Вспомним знаменитые слова Александра Невского из программного фильма сталинской эпохи: «Если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». Фильм «Иди и смотри» (название которого взято из «Откровения Иоанна Богослова») удаляет из библейского выска-

звания патриотично-оптимистичные дополнения Эйзенштейна: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом» (Откр. 13, 10)¹⁴. Взяв в руки винтовку, Флера расстается с прежней жизнью и оказывается в мире, где справедливость мотивов и чистота намерений менее значимы по сравнению с опытом, организованностью и преимуществом в вооружении. Война, которая в начале фильма предстает смутной и далекой угрозой, подобно самолету-разведчику, барражирующему высоко в небе, постепенно заполняет собой пространство в целом, растворяя в себе всех героев фильма, в итоге и Флеру. Создатели произведения «Иди и смотри», возможно, не ставили своей задачей снять провоенный или антивоенный фильм, прежде всего пытались адекватно передать опыт, который сложно сформулировать вербально, и устранить расхожие штампы военного кино. В том, какой эффект оказывает такое изображение войны, внушает ли оно страх, или ее принятие, лишенное теперь каких-либо иллюзий, и заключается двойственность восприятия фильма Климова; двойственность, сохраняющаяся и спустя более 35 лет после его выхода на экран.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Елисеева 2018 – *Елисеева А.В.* Дети-мученики в пантеоне тоталитарной культуры (фильм «Юный гитлеровец Квекс» Х. Штайнхофа) // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 3. С. 104–115.

Кадлец 2018 – *Кадлец Н.* Как быль стала сказкой: серия «Пионеры-герои» и детский героический сюжет 1970–1980-х гг. // *Детские чтения*. 2018. Т. 14. № 2. С. 123–137.

Калдор 2015 – *Калдор М.* Новые и старые войны. Организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

Келли 2009 – *Келли К.* Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Клаузевиц 1998 – *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Логос; Наука, 1998.

Куренной 2009 – *Куренной В.* Философия фильма: упражнения в анализе. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Мюллер-Гиллебранд 2002 – *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. – М.: Изографус; Эксмо, 2002.

Соколов 2019 – *Соколов Е.* Современность войны: Карл Клаузевиц и его теория // *Логос*. 2019. Т. 29. № 3. С. 67–98.

Снайдер 2015 – *Снайдер Т.* Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным. – Киев: Дуліби, 2015.

¹⁴ Эта формулировка рефреном проходит через драматичные моменты Нового Завета (ср. Мф. 26:52). Миру, в котором берутся за мечи, предстоит апокалипсис, независимо от того, на чью защиту эти мечи направлены.

Уиндрю 2004 – *Уиндрю М.* Охранные отряды НСДАП. Войска СС. – М.: АСТ, Астрель, 2004.

Шмитт 2007 – *Шмитт К.* Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического. – М.: Праксис, 2007.

Шпагин 2005 – *Шпагин А.* Религия войны. Субъективные заметки о богоискательстве в кинематографе о войне // Искусство кино. 2005. № 6. – URL: <https://www.kino-art.ru/archive/2005/06/n6-article12>.

Элем Климов... 2008 – Элем Климов. Неснятое кино: сценарии. Вымыслы, преобразование, интервью, воспоминания / сост. Г. Климов и др. – М.: Хроникер, 2008.

Brubaker 2010–2011 – *Brubaker L.* Klimov’s “Come & See” as a Work of Cinematic Response // *Boston University WR: Journal of the Arts & Sciences Writing Program*. 2010–2011. No. 3. – URL: <https://www.bu.edu/writingprogram/journal/past-issues/issue-3/brubaker/>

Goodman 1987 – *Goodman W.* Film: ‘Come and See,’ From Soviet // *New York Times*. 1987. February 6. P. 4.

Ebert 2016 – *Ebert R.* Come and See // *Ebert R.* The Great Movies IV. – Chicago: University of Chicago Press, 2016. P. 51–54.

Le Fanu 2020 – *Le Fanu M.* Come and See: Orphans of the Storm // *The Criterion Collection*. 2020. June 30. – URL: <https://www.criterion.com/current/posts/7003-come-and-see-orphans-of-the-storm>.

Horton 1987–1988 – *Horton A.* The Rise and Fall of the Yugoslav Partisan Film: Cinematic Perceptions of a National Identity // *Film Criticism*. 1987–1988. Vol. 12. No. 2. P. 18–27.

Youngblood 2001 – *Youngblood D.* A War Remembered: Soviet Films of the Great Patriotic War // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 3. P. 839–856.

REFERENCES

Brubaker L. (2010–2011) Klimov’s “Come & See” as a Work of Cinematic Response. *Boston University WR: Journal of the Arts & Sciences Writing Program*. 2010–2011. No. 3. Retrieved from <https://www.bu.edu/writingprogram/journal/past-issues/issue-3/brubaker/>

Clausewitz C. (2008) *On War*. Moscow: Logos, 1998 (Russian translation).

Ebert R. (2016) Come and See. In: Ebert R. *The Great Movies IV* (pp. 51–54). Chicago: University of Chicago Press, 2016

Eliseeva A. (2018) Child Martyrs in the Pantheon of Totalitarian Cultures (H.Steinhoff’s film “Hitlerjunge Quex”). *Studia Litterarum*. Vol. 3, no 3, pp. 104–115 (in Russian).

Goodman W. (1987, February 6) Film: ‘Come and See,’ From Soviet. *New York Times*. 1987. P. 4.

Kaldor M. (1999) *New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press (Russian translation: Moscow: Gaidar Institute Press, 2015).

Kadlets N. (2018) How Reality Became a Fairy Tale: “Pioneers-Heroes” Series and the Children’s Heroic Plot of the 1970s–1980s. *Detskiye chteniya*. Vol. 14, no. 2, pp. 123–137 (in Russian).

Kelly K. (2007) *Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero*. London: Granta UK (Russian translation: Moscow: NLO, 2009).

Klimov G., Murzina M., Plakhov A., & Fomina R. (Comps.) (2008) *Elem Klimov. Films not Made*. Moscow: Chronieler (in Russian).

Kurennoy V. (2009) *Philosophy of the Film: Practice in Analysis*. Moscow: NLO (in Russian).

Le Fanu M. (2020, June 30) Come and See: Orphans of the Storm. *The Criterion Collection*. Retrieved from <https://www.criterion.com/current/posts/7003-come-and-see-orphans-of-the-storm>

Horton A. (1987–1988) The Rise and Fall of the Yugoslav Partisan Film: Cinematic Perceptions of a National Identity. *Film Criticism*. Vol. 12, no. 2, pp. 18–27.

Müller-Hillebrand B. (1954–1969) *Das Heer 1933–1945. Entwicklung des organisatorischen Aufbaues. Bd. I-III*. Darmstadt; Frankfurt am Main: Mittler (Russian translation: Moscow: Isographus; Eksmo, 2002).

Schmitt C. (2007) *Theory of the Partisan: Intermediate Commentary on the Concept of the Political*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Shpagin A. (2005) Religion of War. Search of God in War Cinematography. *Iskusstvo kino*. No. 6. Retrieved from <https://www.kino-art.ru/archive/2005/06/n6-article12> (in Russian).

Snyder T.D. (2010) *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books (Russian translation: Kiev: Duliby, 2015).

Sokolov E. (2019) Modernity of War: Carl von Clausewitz and His Theory. *Logos*. Vol. 29, no. 3, pp. 67–98 (in Russian).

Windrow M. (1984) *The Waffen-SS*. Oxford: Osprey Publishing, 1984 (Russian translation: Moscow: AST, Astrel, 2004).

Youngblood D. (2001) A War Remembered: Soviet Films of the Great Patriotic War. *The American Historical Review*. Vol. 106, no. 3, pp. 839–856.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

Рецензия

Book review

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-147-159

Война в научном дискурсе России и Австрии

Рецензия на книгу:

Военные науки *versus* наука о войне в Австрии и России =
Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg
in Österreich und Russland /

под общ. ред. В.К. Белозёрова и А. Дубови. –

М.: Московский государственный лингвистический
университет, 2021.

Д.Г. Передня

Академия управления МВД России, Москва, Россия

Аннотация

В статье рецензируется коллективная монография «Военные науки *versus* наука о войне в Австрии и в России», состоящая из двух разделов, в которых рассмотрены методологические и мировоззренческие проблемы современной войны, ее прикладные аспекты. Последовательно раскрыта сущность нескольких изложенных в книге тем, важных для осмысления современной войны. Рецензируемая работа анализируется с точки зрения вклада в развитие философии войны. Автор статьи фокусирует внимание читателей на особенностях соответствующих исследований классиков философии войны характеризует понятийно-категориальный аппарат, который представлен в монографии. Проведен сравнительный анализ суждений представителей России и Австрии, показано концептуальное видение ими всего того, что связано с войной в контексте объектно-предметной области философии войны. В статье изложен подход к современной науке о войне. Изучен вопрос о возможности исключения ее из исторического процесса с учетом того, что исторически война представляет собой явление устранимое, хотя ее устранение – сложная задача. Главный фактор, препятствующий такому устранению, – сильная социальная инерция. При освещении понятий и категорий философии войны речь идет о

ее смысле, а также о военном искусстве и стратегии. Стратегия разделена на военную и политическую, но одновременно установлено, что она служит частью военного искусства. Рассматриваются взгляды исследователей на смыслообразующие начала войны, с учетом которых формируется моральная основа противодействия этому социально-политическому феномену. При рассмотрении своеобразных взглядов российских и австрийских ученых на природу войны учтены и амбиции различных государств. В монографии акцент сделан на то, что действительное противостояние милитаризму должно быть основано на анализе ее природы и реальной исторической ситуации.

Ключевые слова: философия войны, стратегия, противоборство, гибридная война, военное искусство.

Передня Дмитрий Григорьевич – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

2975829@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1534-0812>

Для цитирования: *Передня Д.Г.* Война в научном дискурсе России и Австрии (рецензия на книгу: Военные науки *versus* наука о войне в Австрии и России = *Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland* / под общ. ред. В.К. Белозёрова и А. Дубови. – М.: МГЛУ, 2021) // *Философские науки.* 2021. Т. 64. № 6. С. 147–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-147-159

The War in the Scientific Discourse of Russia and Austria Book Review:

V.K. Belozorov & A. Dubowj (Eds.)

Military Science versus the Science of War in Austria and in Russia = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2021

D.G. Perednya

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

Abstract

The author reviews the collective work *Military Sciences versus the Science of War in Austria and in Russia* (2021). The reviewed book considers methodological and ideological problems of modern war and its aspects. The author draws attention to several topics, which are important for un-

derstanding modern war. The reviewed work is analyzed from the point of view of its contribution to the development of the philosophy of war. The author focuses on the peculiarities of classical researches on war, pays attention to the conceptual and categorical apparatus, conducts a comparative analysis of thoughts and judgments of Russian and Austrian scholars, shows their conceptual vision of everything related to the war. The article considers the approach to the modern science of war. The possibility of its exclusion from the historical process is analyzed. The main factor preventing the elimination of war is a strong social inertia. Analyzing concepts and categories of the philosophy of war, the collective work discussing the art of war, strategy, and the meaning of war. Strategy, even being divided into military and political one, is a part of the art of war. The review's author considers the views on philosophical foundations of war of Russian and Austrian scholars, who are in search for moral basis for countering this social and political phenomenon. It is noted that analyzing the views on the nature of war of scientists in Austria and Russia, the political ambitions of their nations should be taken into account. The monograph emphasizes that an effective opposition to militarism should be based on an analysis of its nature and the real historical situation.

Keywords: philosophy of war, strategy, confrontation, hybrid war, military art.

Dmitry G. Perednya – Ph.D. in Sociology, Professor, Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2975829@mail.ru.

<https://orcid.org/0000-0002-1534-0812>

For citation: Perednya D.G. (2021) The War in the Scientific Discourse of Russia and Austria (Book Review: V.K. Belozorov & A. Dubowy (Eds.) *Military Science versus the Science of War in Austria and in Russia = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2021). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 6, pp. 147–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-147-159

Введение

Книг о войне, ее причинах и последствиях издано немало. Тем не менее уже при первом прочтении коллективной монографии «Военные науки *versus* наука о войне в Австрии и в России» становится очевидным, что она отличается и своеобразием подачи материала, и своей новизной. Как правило, если речь идет о войне, сознание фокусируется на ее ходе, участниках, успехах и неудачах, жертвах военного противостояния. Иными словами,

чаще всего такое социально-политическое явление, как война, рассматривается в некоторой изоляции от общего социально-политического контекста. Рецензируемая монография представляет собой нечто иное. Ее замысел построен на исходной позиции о том, что войну следует изучать путем сопоставительного анализа, с учетом разных научных традиций. В данном случае российской, австрийской и отчасти германской традиций. Реализованный в книге ракурс рассмотрения войны, ее понимания, подходов к ее осмыслению гораздо шире, объемнее, рельефнее. Авторами изложены различные подходы к феномену войны: социологические, политологические, геополитические, психологические. Соответствующие науки рассматривают войну под определенным углом зрения, т.е. фрагментарно, раскрывают и анализируют отдельные стороны этого явления. В итоге полного и целостного осмысления такого сложного феномена, как война, часто не получается.

Предлагаемый читателю труд является философским лишь в определенной степени. В значительной мере он представляет собой общенаучный и даже синтетический продукт. Сфокусировать внимание читателей на философских аспектах проблем, отраженных в рецензируемой работе, нам представляется наиболее существенным.

Структурно монография состоит из двух разделов, в которых системно освещены в первую очередь методологические и мировоззренческие проблемы современной войны, а затем ее прикладные аспекты. Тем самым обеспечено единство теории и практики. Проблема войны оказалась в предметном поле философии еще в начале ее развития. Понятие «философия войны» впервые употребляет в своих трудах Г. Ллойд (1729–1783). Ряд авторов ставят под сомнение факт существования философии войны как системы знаний. Большинство мыслителей современности признают существование философии войны как самостоятельного направления философских исследований. Не рассматривая аргументацию сторон, отметим, что до сих пор ведется полемика об определении теоретического статуса этой области знаний. В дальнейшем будем исходить из фактических содержательных смыслов, представленных в рецензируемой работе. Монография затрагивает сразу несколько тем, важных для осмысления современной войны, что обеспечено тремя обобщающими направлениями авторских усилий:

- 1) анализом работ классиков;
- 2) расширением и обогащением понятийно-категориального аппарата исследования войны;

3) высказыванием собственных мыслей и суждений, сравнительным анализом концептуального видения всего того, что связано с войной.

Об анализе классических подходов

Ценность книги, предлагаемой читателям, заключается в привлечении внимания научной общественности к трудам зарубежных и отечественных мыслителей прошлого, в анализе содержания их работ с учетом современных представлений о военном противоборстве и логике социальных отношений.

Так, австрийский исследователь А. Штупка утверждает, что толчок развитию военных наук дало падение Константинополя в 1453 году. После случившегося многие бежали от турок на запад, прежде всего в Италию, и уносили с собой накопленные знания. На этой основе произошел переворот в мышлении, который постепенно привел в эпоху Просвещения, к появлению современных наук, анализу факторов развития военного дела. В 1752 году австрийская императрица поручила фельдмаршалу, Леопольду Иосифу графу фон Дауну, создание военной академии в Винер-Нойштадте, где сегодня находится Терезианская военная академия. Тем самым положено начало военно-научным исследованиям с целью обучения военному искусству. Фельдмаршал Даун определил: «...военное искусство – это не цеховое предприятие, а устремленная в перспективу наука» (цит. по: [Военные науки... 2021, 78]).

В тексте А. Штупки последовательно описаны изменения при восприятии войны и военных угроз в связи с ходом исторических событий, вплоть до настоящего времени. В частности, он отмечает, что в 1990-х годах в Австрии создана научная комиссия, которая сегодня включает в себя около 300 преподавателей всех австрийских университетов и офицеров. Их главная задача – проведение научной экспертизы для нужд национальной обороны.

Авторы монографии часто обращаются к идейному наследию Карла фон Клаузевица, прежде всего к его главному труду «О войне». Актуальна и работа А.Е. Снесарева под названием «Жизнь и труды Клаузевица». Как писал Снесарев, эта работа Клаузевица малоизвестна, за исключением ограниченного круга экспертов, «остальные же работы являются не более как отдельными кирпичиками, послужившими для возведения главного здания». Снесарев определял философию войны как науку и как научно переработанное военное мирозерцание.

Достижения российской военной классики изложены в главе, написанной А.Е. Савинкиным. Обобщенные им идеи А.А. Свечина, Е.Э. Месснера, Н.Н. Головина, А.А. Керсновского образуют фундамент современной военно-теоретической мысли, источник

представлений о патриотизме, долге, чести, служении, других воинских добродетелях.

Благодаря знакомству с трудами мыслителей прошлого становится возможным найти схожие духовно-философские основы и образ мышления у современных авторов. Осуществляются методологическая проработка и поиск научных методов изучения войны во всех ее проявлениях в действительности и исходя из насущных нужд обороны страны. Человек, прочитавший монографию и принявшийся за изучение войны как целостного феномена, не решит все свои задачи. Тем не менее книга способна сформировать первичные представления о проблемах и их понимание. Для полного погружения в проблематику потребуются обратиться к источникам других авторов.

Понятийно-категориальный аппарат исследования войны

Один из главных результатов прочтения книги – понимание необходимости наличия основательного понятийно-категориального аппарата, с помощью которого можно осмысливать и концептуализировать феномен войны во всем его многообразии. По оценке профессора О.А. Белькова, «острой проблемой философии войны является неразработанность ее понятийного аппарата» [Бельков 2019, 121]. При этом подразумевается не формальный список определений, а целостный конструкт, органично интегрированный в системное видение объектно-предметной области.

Проработка понятийного аппарата помогает отразить актуальное состояние знания о войне через набор тем, важных, по мнению представителей немецкоязычного и российского культурных и научных пространств. Указанные проблемы и интеллектуальные запросы формируются в условиях кризиса стратегической стабильности и видоизменений войны. Нельзя не упомянуть о том, что в Австрии дифференцированное осмысление военной науки происходит с четырех разных сторон, т.е. ее понимают как научную и учебную дисциплину, искусство и реальность [Военные науки... 2021, 13].

Особый интерес представляют сущностные признаки войны. Ее сущность заключается в принципиальном отличии от мира, отношении к жизни человека и существованию социума. Для лучшего понимания феномена войны следует отличать термин «образ войны» как внешнее проявление ее формы от термина «сущность войны» как внутреннюю, всеобщую и неизменную данность, нечто вроде вневременной природы, эссенции войны [Белозёров 2018, 108]. Главные сущностные элементы войны показаны в виде «странной троицы» Клаузевица, состоящей из из-

начального насилия, ненависти и вражды как слепого природного инстинкта, игры вероятностей и случая как свободной душевной деятельности, а с учетом инструментальной роли войны – из примата политики как простого рассудка.

Война видится в форме процесса борьбы за уничтожение или в значительной степени ограничение противника как субъекта геополитики и истории. В войне уничтожение противника выступает в качестве основной цели или средства достижения других целей. С каждым этапом истории накапливается возрастающая сила социальной инерции свершенных дел и налаженных процессов, доставшихся живущим поколениям от предыдущих. Эту инерцию не просто преодолеть или остановить.

При чтении книги невольно можно задуматься о том, насколько далеко простирается сегодняшнее видение дальнейших международных взаимодействий, в том числе тех, которые осуществляются с использованием военной силы. Главной особенностью войны в XX веке стал ее всепоглощающий характер. Впервые в противостояние втянуты социумы воюющих сторон. Вовлечены в борьбу представители всех слоев общества.

Современную науку о войне разделяют на учение о подготовке, ведении войны и учение о противодействии войне, вплоть до исключения ее из исторического процесса. Исторически война представляет собой явление устранимое, хотя устранить ее очень сложно по причине мощной социальной инерции. Об этом убедительно пишет профессор И.С. Даниленко. Результатом драматичной, изнурительной и кровопролитной борьбы в ходе мировых войн прошлого века, которые развернулись на огромных континентальных и морских пространствах, стало то, что социальная и политическая организации обществ в ряде стран, еще недавно казавшихся незыблемыми и вечными, не выдержали испытания войной. Процессы социальных дисфункций, аномии, роста социальной напряженности трансформировали социальную структуру, привели к изменениям в духовной жизни общества. Все это побудило массовое, политическое и научное сознание к переосмыслению роли войны, возникновению антивоенных движений, увеличению действенности мер по недопущению решения политических вопросов военными средствами. По мнению И.С. Даниленко, устранение войны возможно на основе единства науки и веры, религиозной и светской.

Изучение категории войны нельзя представить без использования понятий военного искусства и стратегии. Последнюю принято делить на военную и политическую. В свою очередь, стратегия является частью военного искусства. Оно придает военным действиям такую направленность, которая соответствовала бы

смыслу войны. Война же, превращаясь в средство уничтожения рода человеческого, жизни на земле, лишается смыслообразующего начала, ее осуждают с точки зрения морали.

В книге говорится и о том, что противостояние войне должно быть построено на базе глубокого анализа ее природы и реальной исторической ситуации, а не только на эмоционально-нравственных мотивах ее неприятия. Такие мотивы могут не учитывать ни природу войны и ее сущность, ни исторический контекст.

Образно показаны в монографии причины и общая детерминированность войн во имя национальных интересов, причем не остается незамеченным понятие «воля к войне». Не оставляет равнодушным читателя обсуждение вопросов о том, кто и как становится носителем воли к ведению войны. Учтены уровни амбиций государств в предвоенный период и их политические цели. Стали придавать большее значение жертвам войны. Поставлены вопросы и о том, каков размер жертв, которые страна готова понести для достижения победы; готовы ли мы умереть ради достижения военных целей, только сражаться или способны заплатить и избежать прямых военных столкновений. Все это в равной мере относится и к объему, и к продолжительности принесения жертв. Кроме того, в поле зрения авторов оказывается и ряд закономерностей (например, стремление стран догоняющего развития компенсировать техническое отставание посредством максимальной степени готовности идти на жертвы).

В тексте находит отражение и группа понятий, которые передают динамические характеристики войны и переход к современным типам войн. Каждый из авторов указывает на изменчивость современных войн по сравнению с предшествующими. Хотя война, на наш взгляд, всегда была такой, а значит, труднее постигаемой наукой. Ряд авторов монографии полагают, что проблемам эволюции и классификации современных войн военная наука в целом и философия войны в частности уделяют недостаточное внимание. И.С. Даниленко пишет о росте стремления людей избежать насильственного преобразования действительности и эволюционирования войны в направлении ее крайнего предела, когда она превращается в гибельную для всех, кто бы ее ни развязал. Иными словами, для человеческого рода эта война становится суицидной.

В монографии отмечается, что недопустим упрощенный взгляд на офицеров как на примитивных профессионалов, без разносторонних знаний о войне и без научной базы. Иначе офицер будет неучем. По словам авторов, нет грубее и ошибочнее такого взгляда. Как известно, благодаря уровню подготовки руководя-

щих военных кадров, достигается информационное и моральное превосходство над противником.

Многообразие сложившихся в Австрии и России методологических подходов к научному пониманию войны привело к дискуссии на страницах издания о том, что должно выступать объектом исследований: только ли война или военная действительность в целом. Разнообразие исследовательских подходов к изучению сложной военной действительности привело к употреблению в России собирательного термина «военные науки».

Раскрывая тему войны, авторы нередко используют термины «вооруженная борьба» и «оборона». Согласно принятой в Австрии классификации, общая оборона страны включает в себя военную, духовную, гражданскую и экономическую. Необходимо учитывать и общие проблемы военного строительства, подготовки страны к обороне, ее социально-экономический потенциал.

Признание вооруженной борьбы в качестве предмета военной науки потребовало поиска общепринятой точки зрения относительно того, как в настоящее время трактовать термин «оружие». Тем более что средства ведения вооруженного противоборства постоянно трансформируются. Их перечень непрерывно расширяется, и интенсивность данного процесса сегодня нарастает.

В монографии сделан акцент и на «новых войнах». Нередко их называют гибридными. По способу ведения и применяющимся средствам они могут значительно отличаться от войн в их традиционном понимании. К тому же они развиваются в условиях стремительной резкости постоянных, порой скачкообразных изменений. Ввиду этого война предстает в каждой эпохе в новом образе, который отражает специфические исторические, общественно-политические реалии.

В итоге при обсуждении вопросов, связанных с понятийно-категориальным аппаратом философии войны, в ряде случаев авторы выходят на границы трансцендентного, за рамки возможного опыта. При этом говорится о предельно общих понятиях. К ним отнесены бытие, пространство, время, справедливость, вездесуде, добро и зло.

Концептуальное видение войны представителями России и Австрии

Желание российских и зарубежных ученых посредством очной дискуссии добиться полного осмысления феномена войны и одновременно понять друг друга представляется очень важным. В процессе чтения текстов российских и австрийских исследователей очевидной становится разница между их мировоззрением. Эта разница не является всеобъемлющей. Обнаружено и немало

общего. Примерно в одно и то же время Российская и Дунайская империи прекратили свое существование, обе страны – представители теллурукратии. Их государственное устройство и в более широком значении тип цивилизации связаны с сухопутным могуществом, достигаемым за счет освоения не морских, а сухопутных пространств. Современная Австрия – нейтральная страна, сумевшая отказаться от имперских амбиций и практически лишенная реваншистских настроений. Порой чувствуется разный уровень милитаризации сознания среди участников дискуссии. Отсюда – неодинаковые взгляды на феномен войны и на все, что с ней связано, отличия в определениях и классификациях. Во многом выявленные различия способствуют активизации диалога, повышают интерес и научную продуктивность взаимодействий.

Едва ли не по всем концептуальным вопросам, в том числе о причинах, сущности, характере, классификации войн, их содержании и социально-политической роли в истории отдельных стран и человечества в целом, проявляются альтернативные, а иногда сталкиваются полярные точки зрения. Думается, в таком сотрудничестве происходят нормализация и институционализация устойчивых научных связей, требующих взаимных усилий со стороны исследовательских сообществ разных стран. Фрагменты книги, написанные российскими исследователями, несут в себе влияние европейской научной парадигмы. Отражены и самобытные признаки философии военного управления немецкоязычного пространства. Все это оттеняет различия во взглядах на военную действительность.

В интересном ключе подается авторами восприятие стратегии как торгового обмена, связанного с ограничением текущего благосостояния населения ради безопасности в долгосрочной перспективе. В большей степени это свойственно австрийским ученым. Российские исследователи склонны ставить безопасность общества на первое место и сразу готовы согласиться с тем, что интересы отдельного гражданина вторичны, ими можно пожертвовать ради защиты своего государства. В итоге более понятным становится то, насколько неодинаково витальная стратегическая безопасность воспринимается в обществах, в разной степени интегрировавших ценности постмодерна. Отход от традиционных ценностей в сочетании с растущей индивидуализацией социума может привести к структурной стагнации стратегии, а возврат к ценностям сообщества способствовал бы созданию стратегического превосходства на европейском пространстве [Белозёров 2020, 21]. Демонтаж традиционных основ и подрыв обычного уклада, распределения социальных ролей в обществе наши исследователи воспринимают в качестве преждевременных и опасных.

Мышление отечественных исследователей обусловлено влиянием российской военной классики. Профессор В.К. Белозёров в этом видит истинную стратегическую культуру, сформированность военного мирозерцания россиян. Вместе с тем исследование войны предполагает не только анализ стратегических, политических, экономических, социальных, духовных, экологических, иных аспектов общественной жизни, но и их взаимодействие. На это примерно в равной степени обращали внимание представители и нашего, и немецкоязычного интеллектуальных сообществ.

Авторы сходятся во мнении о том, что философия войны всегда будет плюралистичной и полемичной. Философия войны не устанавливает, не предписывает, что и как следует делать здесь и сейчас. Она указывает на то, из чего исходить, чем руководствоваться при выработке решений, определении направлений и способов действий. Именно такие оценки читатель почерпнет из книги.

Поскольку политическое и военное руководство каждой из стран исповедует свою «философию войны», их военные политики имеют различия, и часто радикальные. Сторонники разных т.н. философий войны не только разрабатывают во многом совпадающие темы, но в ряде вопросов могут придерживаться сходных или даже идентичных позиций. Целесообразно констатировать, что исследование феномена войны в России и Европе развивается в сходных направлениях. Это отражено в тематике исследований и в совпадающих методологических проблемах, с которыми сталкиваются европейские, в частности австрийские и российские ученые.

Методология монографии в своей основе содержит политический реализм. Он находит опору в том, что невозможен абсолютный мир, равно как и невозможна тотальная война. Сторонники данной точки зрения рассматривают войну как большое зло, но признают ее в некоторых случаях необходимой и имеющей в определенном смысле положительные последствия. По мнению О.А. Белькова, «на ней строится современное международное право, которое признает законными войны государства, осуществляющего право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженной агрессии» [Бельков 2019, 125].

Заключение

Таким образом, в монографии охарактеризованы многие области осмысления войны. Существенным следует признать тот факт, что прочтение монографии уточнит и обогатит представления о содержании исследования войны. Такой эффект получен в результате разделения, а затем диалектического соединения теории и

практики в процессе очной дискуссии авторов данного издания. Все это может быть интересно потенциальному читателю.

Работа стала еще одним необходимым кирпичиком в фундаменте современной науки о войне. Книга напомнила, в значительной степени интегрировала идеи и тезисы мыслителей прошлых времен. В монографии проявляется общее и особенное в понимании проблем войны в зависимости от того, к какому социокультурному контексту принадлежат ученые. С этой точки зрения настоящее издание есть пример комплексного подхода к познанию феномена войны. В какой-то мере такой труд может способствовать росту более ответственного применения военной силы, причем независимо от принадлежности. Известно, что использование понятия «стратегия» требует от государства ответственного и осмысленного поведения, поскольку фактически означает претензию на понимание будущего и его целеустремленного созидания. Полагаем, обсуждаемая книга после ее прочтения обогатит представления о содержании стратегического видения социально-политических и философских проблем.

Отметим, что некоторые главы монографии выпадают из дискуссионной канвы, что нарушает общее гармоническое единство. Но, возможно, это – лишь побочное следствие того, что книга появилась на основе дискуссий, возникших в ходе научного семинара. Очевидна способность авторов балансировать между универсализмом и обобщениями, они следуют дифференцированному подходу к анализу проблем, которые им показались значимыми.

Подводя итог, можно утверждать, что создатели монографии успешно провели осмысление феномена войны. Тем самым они восполнили пробел в анализе этого многогранного явления, способствовали лучшему пониманию сопутствующих проблем и перспектив современности. Книга легко читается, ее содержание изложено доступным языком, благодаря чему она способна привлечь внимание не только философов, но и международных политологов, социологов. Работа не является узкоспециальной, что особенно ценно.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белозёров 2018 – *Белозёров В.К.* Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России: коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н. Расторгуев. – М.: Институт наследия, 2018. С. 106–123.

Белозёров 2020 – Белозёров В.К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // *Власть*. 2020. Т. 28. № 1. С. 19–26.

Бельков 2019 – Бельков О.А. Философия войны: слова и смыслы // *Власть*. 2019. Т. 27. № 2. С. 119–127.

Военные науки... 2021 – Военные науки versus наука о войне в Австрии и России = *Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland*: коллективная монография / под общ. ред. В.К. Белозёрова и А. Дубови; пер. под ред. И.А. Лузяниной. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2021.

REFERENCES

Belkov O.A. (2019) The Philosophy of War: Words and Meanings. *Vlast'*. Vol. 27. No. 2, pp. 119–127 (in Russian).

Belozorov V.K. (2018) The Image of the Future War in Political Ideologies and State Strategies. In: Rastorguyev V.N. (Ed.) *The Choice of a Long-Term Strategy in the Context of Global Instability and the Civilizational Heritage of Russia* (pp.106–123). Moscow: Institut Naslediya, 2018.

Belozorov V.K. (2020) Lack of Strategic Thinking and the Imperatives for Overcoming It: Reflections after the Vienna Conference on Strategy. *Vlast'*. Vol. 28, no. 1, pp. 19–26 (in Russian).

Belozorov V.K. & Dubowy A. (Eds.) (2021) *Military Science versus the Science of War in Austria and in Russia = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland*. Moscow: Moscow State Linguistic University (in Russian and German).

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filososfskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 25.06.2021 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info